

Дмитрий Вихарев

NEXT ТЕННИС

Спортивно-фантастический
роман

Дмитрий Вихарев

NEXT ТЕННИС

Спортивно-фантастический
роман

Москва
2010

Дизайн и оформление:
Елена Сашина, Олег Пуля

Вихарев Д.В.

В54 **НЕТ теннис:** Спортивно-фантастический роман. –
М., 2010. – 256 с.

В мировом теннисе начинаются революционные изменения. Профессиональные игроки должны образовать интернациональные команды, которые в конце сезона определяют победителя в Объединенном Теннисном Кубке – финальном матче с гигантским призовым фондом... Автор переносит своих героев в будущее (надеется, что недалекое), но конструирует события, как если бы они происходили сейчас, на наших глазах.

Книга рекомендована для широкого круга читателей с объемным воображением, а также твердым знанием того, что тай-брейк и кофе-брейк не имеют между собой ничего общего. Для практической помощи в восприятии текста открыт сайт WWW.ALLTENNISCUP.COM

ББК 84(2Рос=Рус)6

© Д.В. Вихарев, 2010

Теннисист взялся за перо

Теннисист взялся за перо. И хватка весьма уверенная. Как и люди тенниса, мы, писатели и журналисты, не слишком любим пускать чужаков в свои заповедники. Но все дело в том, что Дмитрий Вихарев оказался кем угодно, но только не чужаком. Вот они, наши любимые, впивающиеся в сознание стереотипы. Я-то воспринимал его как заботливого отца-прародителя Русского Кубка, лелеющего свое капризное детище годков этак семнадцать. Да и вообще сурового, как и требует высокий титул, вице-президента Федерации тенниса России.

Но Дмитрий-то не только тот самый, за которого столько лет себя удачно выдавал. Легко поднимается рука для того, чтобы назвать его и писателем. Ну ладно, для коллег, которые десятилетиями ползли и, бывало, даже доползали до этого звания, – хорошим литератором. Язык легкий и, что поразило, не обезображенный зловещими словесными штампами. Наверно, потому, что никто Дмитрия, к счастью, им не успел научить. Перо – легкое. Читается сочинение на заданную теннисную тему с увлечением. Не думаю, что оно будет интересно только такому фанату тенниса, как я, ошастливленному в былые, более свободные для личной жизни времена почти десятилетним руководством пресс-службой Кубка Кремля. Повесть – для всех. Интересно будет не одним лишь тем,

---

кто узнает в героях живых и вполне даже действующих персонажей.

Но, может, как раз теннис и пробудил в авторе этот где-то дремавший литературный дар? Ведь теннис из тех игр, которые зовут на подвиг. Иных – ради побед, славы, денег. Некоторых, их меньшинство, – во имя простого, не замороченного теннисными хитросплетениями читателя, который вот возьмет, прочитает, по-доброму улыбнется. А может, даже и пожелает новому для него литературному имени успехов. Как делаю это я, и вполне искренне.

Николай Долгополов,
член Союза писателей России,
член Межрегионального Союза писателей,
дипломант Конкурса Александра Невского
Союза писателей России

Посвящается моему тренеру
Анатолию Александровичу Лепешину

Предисловие автора

Сколько помню отечественный теннис, ему всегда чего-то не хватало. Сначала признания, потом – внимания, потом – инвентаря и календаря... Теперь не хватает понимания. А ему – не важно. Он как сорняк, вставший на путь эволюции, все равно прорастает везде где можно, мутирует в правильную сторону и научился давать такие плоды, что мировые спецы до сих пор не могут найти определения этому феномену. Как, впрочем, и мы сами...

И кричи не кричи: «Власть, дай денег! Успехи тают!» – не верит никто, думают, прикидываемся.

Но мы терпим и ждем, когда в стране вечнозеленого футбола научатся поощрять успешных, а не наоборот. А пока изоощряемся в попытках приманить финансовые потоки всеми возможными способами. И пусть не все из этих способов профессиональные маркетологи способны классифицировать – они иногда срабатывают.

Поэтому прошу отбросить луну знатоков литературных изысков – не претендую. Хотел просто помечтать, как сделать теннис богаче, для чего взял и заглянул за горизонт...

Однако, к удивлению, то, что я там обнаружил, никак не хотело оставаться вымыслом и частично стало

прорисовываться в реальности. Начав три года назад придумывать и описывать формат Объединенной теннисной лиги, я не догадывался, что спустя год Ларри Скотт, бывший на тот момент шефом женского профессионального тенниса, получит предложение возглавить мужской и ответит, что он готов рассматривать это только в контексте соединения двух организаций. И думал ли кто-то, что отдельная критика Кубка Дэвиса недавно вдруг трансформируется в конкретный регламент нового командного чемпионата. Пока отвергнутого. А когда один из прототипов книги сообщил мне о покупке дома в Англии, стало понятно, что фантастический жанр грозит стать хроникальным.

Пришлось трудолюбиво закончить начатое в надежде не стать ретранслятором газетных новостей.

И последнее. Эта книга для тех, кто не обидится, узнав в персонажах свои черты. Потому что – я уже верю – все совпадения в нашей жизни не случайны.

А все герои и события, конечно, вымышлены...

Глава 1

В Вене, в штаб-квартире Международной теннисной федерации, все было готово к совещанию. В рутинном документообороте оно имело название «согласительное», но догадливые сотрудники между собой называли его «последним» – слишком серьезные вопросы предстояло обсудить окончательно. Уже просчитанное решение не оставляло пока еще могущественной организации шансов на существование в прежнем виде и лишало возможности гордиться отведенной ролью в управлении мировым теннисом; поэтому привычная офисная суета носила налет неподдельной скорби.

У себя в кабинете сидел Президент и скучал. В 75 лет он имел на это право, но облегчения такое право не приносило. Мысли о том, что всему когда-то приходит конец, совпали с осознанием равнодушия по отношению к происходящему, и единственное, что задевало, – неотвратимость присутствия при завершении собственной карьеры, которую его окружение привыкло считать эталоном жизненного пути.

Коллеги не ошибались: за 20 лет пребывания на посту главы МТФ он ни разу не дал повода подумать, что в чем-то ослабел. Теннисист-профессионал в прошлом,

он каждый новый день встречал на корте, а планируя задержаться в командировке больше суток, просил вставить в график пребывания тренировку до завтрака; и так же как в молодости, перетягивал волосы перед игрой повязкой – шевелюра сохранилась на удивление, хотя и стала абсолютно белой.

Менялись и партнеры: если еще лет десять назад он мог встретить на площадке своих знакомых, против которых когда-то доводилось играть в турнирах, то в последние годы больше попадались уважительные спарринги из недавних профи; старые же друзья-соперники все чаще и чаще напоминали о себе некрологами в лентах теннисных новостей...

Ему тоже предсказывают скорую кончину, но без злого умысла, а больше с тревогой за ту ношу, которую он взвалил на плечи и пронес за последние годы в заботах о любимом виде спорта. Впрочем, бесспорным оставался тот факт, что груз этот изначально тщательно отбирался, взвешивался и впоследствии безошибочно распределялся среди непосредственных воплощений идей и решений. Его выверенная годами уникальная способность делать нужных людей друзьями – и наоборот – действовала безотказно. Незаметно для себя осторожные спонсоры становились преданными союзниками, обособленные президенты национальных федераций – верными единомышленниками, а штатные исполнители – воодушевленными и безотказными соратниками.

Такой надежный человеческий сплав за спиной всегда позволял чувствовать себя уверенно в любых начинаниях – от незначительных изменений в правилах игры до

кардинальных преобразований теннисного мироустройства, а самое главное, давал опору в позиционной борьбе с ПТА – Профессиональной теннисной ассоциацией, озабоченной стремлением к лидерству в гонке за власть над мировым теннисом.

С рождения этой организации прошло не так уж и много времени; в сравнении с более чем вековой историей МТФ она – дитя, но как быстро ее руководители поняли, что нужно отнять у «старших», чтобы занять олимп, не совершая при этом никаких аппаратных переворотов и других корректных политических гадостей. Все гораздо проще: они великодушно декларируют, что им не нужны активы МТФ и должности, эти активы распределяющие, – нет, они только хотят создать очередную Новую Эру, переход в которую уже подготовлен, и где всем, особенно спортсменам, станет выгоднее осуществлять свою профессиональную деятельность.

Пройдохи! Пять лет назад они обратились за его одобрением и благосклонностью, когда, объединившись, затеяли проводить женские и мужские турниры вместе. И пусть это не входило в епархию МТФ, но здоровое зерно присутствовало, и он поддержал идею, поприветствовав последователей формата «Большого шлема». Теперь же они идут еще дальше, имея целью прибрать к рукам влияние на игроков. Вот она – главная причина противостояния последних лет, прошедших в завуалированной борьбе за возможность управлять теми, на кого это влияние оказываешь.

Непосвященным трудно понять. Казалось бы, молодежь, 10–15 лет бегающая по кортам мира, чтобы потом

уступить место другим соискателям в погоне за славой и призовыми деньгами, – но как много от этой молодежи зависит в жизни людей, делающих все, чтобы круг не разомкнулся, и такая зависимость никогда не исчезла. Круговорот, называемый профессиональным спортом...

Размышления Президента прервал тихий звук гонга из динамиков компьютера, после чего на мониторе появилось объявление: «10:50. Все гости собрались в зале заседаний», – и следом показался список людей, призванных им в буквальном смысле стать свидетелями начала новых отношений между всеми, кто считает себя большим боссом в теннисе:

«Джек Марье – президент Ассоциации тенниса США».

Этого он помнил еще мальчишкой, носившим прозвище Дровосек за удар справа – короткий и рубящий, после которого от противников только щепки летели...

Дойдя до № 1 в мировом рейтинге, его карьера без провалов, достойно и вовремя закончилась и возобновилась уже в спортивном маркетинге, где он грамотно распорядился именем, заработанными призовыми и – не в последнюю очередь – своим рыжеволосым имиджем, веснущатым и доброжелательным.

Несколько лет назад, перед очередными выборами, управляющие национальной федерацией бонзы не смогли подыскать среди себя подходящую кандидатуру и, чтобы уладить разногласия, удачно вспомнили о Джеке, к тому времени уже давно и авторитетно преуспевавшем в своем бизнесе. В большинстве штатов возражений не нашлось, и огромное теннисное хозяйство Нового Света

продолжило процветание в руках 50-летнего мистера Марье, которого журналисты с почтением (и с намеком на прошлое) стали называть Краснодаревщиком...

Президент знал, что, находясь на территории источника новых реформ, Джек не мог не заразиться их вирусом, но его реакцию – отторжение или адаптацию – надеялся увидеть сегодня воочию.

«Франсуаза Миллард – президент Федерации тенниса Франции».

После того как в начале XXI века выборы главы государства в стране подверглись атаке со стороны представительницы прекрасного пола, французские женщины перестали стесняться своих амбиций. Матриархат, вооруженный информационными технологиями, возродился беззастенчиво и обильно, заставляя мужчин вспоминать опыт виноделов, в интересах дела умевших не допускать производства лишней продукции... Феминистки же, восстановив в памяти образ отважной Жанны д'Арк, шаг за шагом занимали ключевые посты везде, где это удавалось. Поэтому никого и не удивило, что президент консервативной теннисной организации вдруг стал носить женское имя...

Франсуазе повезло родиться в обеспеченной семье, чье проживание в Монте-Карло исчислялось третьим поколением. Однако везение закончилось годам к шестнадцати, когда она поняла, что ее открытость, умение со всеми ладить и прочие ментальные достоинства не вызывают у знакомых юношей желания с ней целоваться, как они делают это с ее подругами. В доверительном разговоре с мамой выяснилось, что личная жизнь людей,

называемых альбиносами, складывается не всегда просто и что главное в жизни – уметь контактировать и быть нужной, а остальное придет...

Поступив в университет, Франсуаза все внимание сосредоточила на психологии, социологических науках и языках, которых выучила три – итальянский, немецкий и испанский. В конце последнего года обучения она выбирала: помощник пресс-атташе французского посольства в Алжире, преподаватель информатики в лицее на Сардинии, специалист по связям с общественностью в европейском подразделении Ассоциации теннисистов-профессионалов...

Период зрелой молодости она провела, путешествуя по турнирам АТП-тура в должности информационного менеджера, заслужив уважение коллег за свою работоспособность и коммуникабельность. Однако спустя семь лет узнала, что объединительный процесс с женской теннисной ассоциацией не предполагает сохранения ее персоны на привычном рабочем месте. Более того, заменой стал американец из породы развязных и бесцеремонных журналистов...

И, в общем-то, устав от бесконечных перелетов и отсутствия позитивных сдвигов в личной жизни, она не стала горевать и вернулась в родительский дом взрослой 30-летней девушкой.

Именно в это время, зайдя как-то в кафе позавтракать, Франсуаза встретила принца – того самого, любителя всего спортивного, – с которым в детстве довелось учиться в одной школе: государство-то хоть и маленькое, но демократичное...

Конечно, похвастаться дружбой с наследником трона она не могла – ее первый год обучения совпал с его последним, – но традиционные во всем мире школьные мероприятия, где старшие привечают младших, оставляют неизгладимые следы в душе. Так и случилось, когда на рождественском утреннике принцу пришлось выбирать из первоклашек партнершу для шуточного танца. Не заметить среди девчачьей мелюзги ее пунцовое от волнения белобровое личико, обрамленное кудряшками цвета мела, было трудно. «Шутить так шутить», – подумал он в тот момент и выдернул Франсуазу из ряда одноклассниц. Подхваченная на руки венценосным спортсменом, она в буквальном смысле не чувяла под собой ног, а он, прокрутив забавную, как игрушку, партнершу в туре вальса, поставил ее на то же место и звонко чмокнул в щеку на прощание.

Помнится, класса до четвертого она считала, что жизнь делится на две части – до поцелуя и после...

После обмена новостями принц долго не думал и великодушно пригласил бывшую белобрысую пигалицу с собой на ежегодный прием по случаю вручения наград лучшим атлетам человечества. По-светски точно он подвел ее к столу, за которым уже сидел президент Федерации тенниса Франции с женой, и, церемонно приказав любить и жаловать, растворился, позже материализовавшись на ярко освещенной сцене.

Через час Франсуаза стала своей среди сидевших за столом высоких спортивных чиновников. Ее несомненное знание спорта и остроумие произвели впечатление, и спустя недолгое время мадемуазель Миллард

возглавила департамент по связям с общественностью французской федерации тенниса.

В дальнейшем, не в ущерб делу, она как-то незаметно сплотила вокруг себя жен теннисных руководителей, втянула их в водоворот регулярно проводимых спортивных и прочих мероприятий, при этом составляя сценарии так, чтобы из традиционно сопровождающих мужчин персон дамы становились непосредственными участницами той или иной акции.

Жены не нарадовались и в семейных дискуссиях доказывали благоверным, что ничто так не укрепляет брак, как дух партнерства и соработничества...

К тому времени, когда подоспели очередные выборы президента федерации тенниса, через страну шел девятый вал эмансипации. Легко догадаться, за кого рекомендовали голосовать жены выборщиков...

Здесь Президент мысленно сформулировал вопрос по-другому: «На кого обрушит свои остроязычные филиппики Мадемуазель Теннис?»

«Сэр Чарльз Стоун – президент Лаун-теннисной ассоциации Англии».

Этого невозмутимого старца Президент недолюбливал, но уважал. Лет ему – под 90, в теннис он никогда не играл, но при этом отлично себя чувствовал и озабочен был всегда только одним – соблюдением традиций.

В Королевстве чтить ритуалы – дело несложное, и сэр Стоун блестяще с этим справлялся. Чтобы ни происходило вокруг, сколько бы ни трясло мир вообще и мир спорта в частности – фунт стерлингов и Уимблдон стояли твердо, позволяя больше думать

о высоте травяного газона, чем о развитии зародившейся когда-то на острове игре, что, впрочем, не мешало время от времени появляться очередной британской надежде на возрождение былых побед. И так же быстро исчезать...

«Пожалуй, именно сэр Ортодокс способен охладить пыл энтузиастов», – подумал Президент.

«Рой Хант – президент Федерации тенниса Австралии».

Сорокалетний Рой любил эту игру до самозабвения, как только могут любить спорт люди, сами не способные ни при каких обстоятельствах перейти с шага на бег. Его массивная, 120-килограммовая комплекция не давала шансов изливать свое чувство непосредственно на корте, но энергию душевных эмоций он бурно реализовывал в административных достижениях на благо австралийского тенниса.

В молодости, успешно окончив университет в Мельбурне, где он получил широкое политехническое образование, Рой основал свое дело – девелоперскую компанию. Дальновидно прикинув шансы на успех, он не стал заниматься поисками земельных участков вдоль уже благополучно освоенной прибрежной зоны, а взял кредит под застройку отдаленной от океана части материка. Воздух там не был наполнен дыханием океана и ароматом престижности. Однако проект имел отличительную особенность: каждый коттедж в его поселке продавался с готовым теннисным кортом, а ипотечная схема имела бонус, если на время выплат по кредиту корт использовался строго по назначению.

Средний класс клюнул, продажи пошли, и скоро выяснилось, что в домах, которые строит Рой, дети начинают играть в теннис раньше, чем говорить...

Довольны оказались все: правительство – освоение новых территорий всегда приятно властям; покупатели – так как приобретали недвижимость с дополнительной площадью в виде спортивного объекта, и сам Рой Хант, помимо прибыли получивший признательность и широкую известность среди теннисной общественности Австралии.

Эта же общественность, оценив творческий потенциал Роя, с удовольствием ввела его в свой круг, а спустя несколько лет попросила исполнить роль главы национальной федерации...

«Хотелось бы рассчитывать на позитивную энергию Ханта, но, боюсь, известное геополитическое благодушие не даст Большому Рою адекватно воспринять нависшую угрозу», – вздохнул про себя Президент.

«Ли Фонг – президент Федерации тенниса Китая».

Ли являлся представителем руководителей новой волны, на гребне которой Китай лихо въехал в светлое настоящее. Член компартии с европейским образованием, он в период пекинской Олимпиады безукоризненно справился с управлением теннисным турниром. Его труд был замечен, и товарища Фонга рекомендовали на пост руководителя федерации «Восходящего тенниса».

К тому времени китайские труженики большой ракетки почти догнали по количеству своих собратьев – исторически виртуозов «маленькой» – и перешли от отдельных удачных «выстрелов» на международных турнирах

к регулярной «стрельбе очередями» по представителям мировой теннисной элиты. Государство, внимательно наблюдая за результатами, увеличивало вложения в правильную доминанту, и основной задачей Ли Фонга стал неослабный контроль за темпами развития подведомственной отрасли...

«Что он думает и как отреагирует – может остаться загадкой и после совещания».

«Султан Победов – президент Федерации тенниса России».

У себя на родине Победов пребывал в состоянии живой легенды; заслуженный им авторитет стал константой, которую не обсуждают, а используют при решении сложных задач в области спорта.

В его богатой на события биографии нашлось место и временам опалы, что иногда смазывало впечатления от постоянных успехов. Но после того как достоверные источники подтвердили персональную заслугу Победова в привлечении решающих голосов членов МОК во времена добычи для России зимней Олимпиады – он уже не оглядывался ни на каких критиков.

Спортивно настроенные губернаторы считали за честь выслать за ним чартер, чтобы у себя на центральной площадке выставить очередной трофей, добытый Султаном и его командой. После таких пропагандистских набегов на глубинку в местах, месяцами покрытых снегом, возникали теннисные корты, заполнявшиеся поначалу детворой, а потом и официальными турнирами разного уровня.

Когда-то давно он выстроил руководство своей федерацией на основе светского феодализма и лишней раз

показывал, как несложно в России быть самодержцем: теннисисты менялись поколениями, а он по-прежнему встречал и провожал лучших из них, стоя на капитанском мостике всех сборных команд страны...

«На своей территории он бы все сделал, как ему надо, но сейчас, увы, не тот случай».

«Чак Рабински – исполнительный президент Профессиональной теннисной ассоциации».

Чак родился топ-менеджером. Его родители, среднего уровня банковские клерки, обнаружили это довольно быстро – спустя пять лет после появления на свет своего единственного чада.

К этому времени он, как и положено, обзавелся относительно внятной речью и несметным количеством разнообразных игрушек, подаренных по случаю или же для развития в ребенке всего полезного. Как-то вечером Рабински-старший решил личным участием поддержать игровой процесс сына и посетил детскую. Втайне надеясь закончить воспитательную миссию примером «как правильно и быстро складывать на место все игрушки перед сном», он был озадачен увиденным. Во-первых, Чак молча, жестом пригласил отца присесть; во-вторых, пробираясь к дивану, можно было заметить, что всевозможная детская утварь не разбросана в разные стороны, а аккуратно расположена на ковре по каким-то секторам и в определенном порядке; и в-третьих – выяснилось, что его малыш проводил совещание!

Каждое подразделение игрушек получало персональное задание, типа: «Вы, лесные зверюшки, пойдете по дороге в город утром, когда солдаты откроют вам лес, встретите

строителей моего дома, отведете в супермаркет за гвоздями... Если к вечеру не найдете, звоните мне в офис!»

Папа Рабински изумился и даже слегка затосковал – так это напомнило принудительные семинары, которые его шеф любил устраивать персоналу и где разбирались всякие «кейсы» в работе с клиентами...

Впрочем, тосковал он недолго – и скорей, конечно, о себе, внезапно осознав, что у сына впереди большое будущее, которого у него самого уже никогда не будет... За малыша родитель стал спокоен – с такими мозгами не пропадет!

Тот и не собирался. С первой ступени начальной школы и до окончания университета Чак, успевая в учебе, возглавлял – а если не возглавлял, то создавал и возглавлял – несметное количество формальных и неформальных сообществ. Клубы поддержки и ассоциации сочувствующих, союзы пользователей и профсоюзы обслуживающих, прочие и прочие образования – становились воплощением его неиссякаемой кипучей деятельности. Большая часть организаций не несла и капли здравого смысла, но в этом и заключался талант энергичного и красноречивого студента: из ничего делать нечто материально выгодное, используя всего лишь одну из многих известных человечеству сил – силу слова.

Невысокого роста, полноватый, рано облысевший юноша в нелепых роговых очках, выступая перед аудиторией, превращался в словесного Прометея, за которым шли и верили или верили и шли, но самое главное – несли деньги для реализации пламенно декларируемых задач...

Карьера молодого выпускника факультета социальной психологии задалась с самого начала. Стартовав рядовым ассистентом в избирательном штабе претендента на пост губернатора Калифорнии, он уже через год вошел в число соратников, приближенных к лидеру. Их труд тот цинично заносил себе в актив, обещая впоследствии одарить сладкими местами в команде победителя...

Но у Чака были другие планы. На банкете в честь нового отца штата он признался боссу, что получил бесценный опыт и лучшей благодарностью для него будут рекомендации уважаемого наставника для будущей работы, которую еще предстоит выбрать.

Размякший от эйфории победы и виски, свежесобранный губернатор почувствовал укол тревоги и сразу вспомнил, как на недавних совещаниях испытывал чувство ревности, когда аудитория замирала во внимании, едва слово брал молодой Чак, эмоционально и убедительно разъяснявший свою точку зрения, иногда отличную от генеральной линии. Последний раз он даже грубо прервал юнца, который толково препарировал причину потери нескольких процентов голосов; тот замолчал, но только взгляд его из-под очков напомнил прицел, в который попала выбранная мишень...

Получив желаемое письмо, с текстом, больше похожим на верительную грамоту наместника бога, Рабински легко прочел мысль автора: «Ты оценен. Я – твой трамплин. Имей совесть...»

Письмо помогло протеже, но не помогло покровителю.

Чак, покрутившись пару лет в среде себе подобных, основал фирму по оказанию услуг рвущимся к власти

политикам и преуспел. Губернатор же в положенный срок уступил полномочия следующему претенденту, с прискорбием признав, что в борьбе против него оппонент пользовался услугами компании «Рабински и партнеры».

Постепенно заимев репутацию, деловые связи и другие атрибуты идущего в гору члена общества, Рабински стал получать официальные приглашения посетить те или иные мероприятия из разряда светских. Там он чувствовал себя как рыба в воде. «Вода» даже не представляла, какая акула скользила по ее гламурным просторам, прислушиваясь, знакомясь, впитывая нужную информацию, сливая свою и не забывая оставлять самое благоприятное впечатление о собственной персоне...

В череде приемов и презентаций ему случилось попасть на вечер, посвященный окончанию крупного теннисного турнира, где обнаружился непривычно широкий набор знаковых персонажей. Политики, инвестиционные банкиры, представители богемы и прочие депутаты от элиты, делающие окружающий их мир богаче деньгами и событиями, переполняли гигантский банкетный зал пятизвездочного отеля. Но удивило Чака другое – главными были не они, а те юноши и девушки, молодые люди абсолютно не брутальной наружности, цивилизно и привлекательно нарядные, про которых никак нельзя было сказать, что еще недавно они мучили друг друга на стадионе под палящими лучами солнца.

Что-то включилось внутри Чака; что-то в этой атмосфере было притягательное и тонизирующее, отчего подспудно захотелось оставаться в ней, как в дорогой

и удобной одежде, примерив которую, осознаешь, что хочешь носить ее всю оставшуюся жизнь.

Рабински не преминул познакомиться с руководящей верхушкой женского и мужского профессионального тенниса. Они обменялись мнениями по поводу совместных проблем в области межличностных коммуникаций и, найдя взаимные интересы, договорились о встрече как-нибудь в будущем...

Будущее наступило через год.

Первые шесть месяцев сотрудники компании Чака проводили маркетинговую диспансеризацию международного тенниса. Под видом журналистов, пишущих статьи для нового альманаха «Игры человечества», они объехали большинство крупных турниров в Америке и Европе, удивляя теннисный социум простотой вопросов и наивностью взглядов на хитросплетения современного спорта. (Премудрый Рабински инструктировал: «Забудьте, что вы умники; забудьте выражение «А вам не кажется, что»; спрашивайте как дети: «А почему?» – только тогда вы вызовете доверие».)

И это сработало. Игроки, болельщики, менеджеры, судьи и даже осторожные спонсоры – все доходчиво рассказывали о премудростях любимого спорта, сдабривая информацию полезными комментариями о личной роли в происходящем.

Проанализировав собранный материал, Рабински понял: можно сорвать банк.

Следующие полгода прошли в секретных контактах со знакомыми инвесторами, равнодушными к спорту...

В конечном итоге в ходе продуктивных переговоров президенты мужской и женской теннисных ассоциаций получили предложение объединиться под руководством Чака Рабински. Он также попросил не тянуть с этим процессом более двух-трех месяцев, дабы не потерять шокирующие по величине финансовые гарантии, необходимые для запуска новой Профессиональной теннисной ассоциации с единым календарем мужских и женских соревнований.

Чак Рабински – и с ним большие деньги... Возражений не нашлось.

***

Президент посмотрел на часы, тяжело встал и прошел в комнату отдыха, соединявшую кабинет с залом заседаний.

К этой комнате он так и не привык. При осмотре нового офиса перед переездом штаб-квартиры МТФ из Лондона в Вену он обратил внимание на отсутствие в ней окна и, чтобы исправить такой недостаток, позже распорядился повесить на стену соответствующего размера зеркало, обрамленное оконной рамой. Получилось, как выразился один из сотрудников, «импрессивно и стильно».

Президент подошел к зеркалу, поправил галстук, застегнул пиджак, после чего, приподняв подбородок, вышел в зал заседаний.

За большим овальным столом уже сидели все, кого он только что перебирал в памяти. Боссы мирового тенниса.

Президент с каждым обменялся рукопожатием, с поклоном поцеловал руку мадам Миллард и занял место во главе стола. Затем неожиданно торжественно начал:

– Уважаемые коллеги, наше сегодняшнее собрание носит неформальный характер, и я искренне рад, что вы откликнулись на мое приглашение. Я знаком с каждым из вас многие годы и счастлив признать, что мы всегда находили взаимопонимание в ключевых вопросах развития тенниса. В совместной работе жизнь часто посылала нам вызовы, которые мы либо отражали, либо адаптировали с учетом общих интересов. Но в нынешней ситуации я не готов сделать ни то ни другое...

Как мне кажется, сегодня мы подошли к той черте, перейдя которую, каждый из вас возьмет на себя дополнительное бремя ответственности за дальнейшую судьбу нашего спорта. Возможно, это бремя укрепит фундамент вашего авторитета, возможно – его разрушит, и мой единственный совет: не оставайтесь в стороне, дабы не пожалеть о своем равнодушии в будущем.

Теперь я хочу передать слово автору идеи, на пороге реализации которой мы оказались.

...В зале заседаний повисла пауза. Каждый осмысливал услышанное, но сделать это до конца никто не мог – такого начала от Президента не ждали, а он – опытный дипломат и переговорщик, – отсекая комментарии, жестом показал Чаку Рабински: ваш выход.

Несмотря на опыт общения с сильными мира сего и природный цинизм, Чак вдруг испытал приступ волнения; его лысина заблестела от внезапно выступившего пота, а ощущения в желудке напомнили о первых школьных экзаменах.

Он встал, но, увидев удивление на лицах сидевших вокруг стола, сел на место и заерзал, сбитый

с толку, – доклад планировалось излагать, возвышаясь над аудиторией.

Пауза повисла вновь. Подбодрить Рабински никто не захотел, и, собрав остатки уверенности, он заговорил, стараясь четко произносить каждую фразу:

– Уважаемые господа! Как только что сказал Президент, жизнь посылает нам вызовы, на которые нельзя не отвечать. Мы считаем, теннис уже давно готов принять тот вызов, который посылает ему экономическая среда, сформировавшаяся вокруг большого спорта.

Статистика говорит, что последние годы теннис теряет аудиторию из-за стагнации в формате проведения соревнований.

Мы высоко ценим усилия МТФ, направленные на создание новшеств и модификаций в правилах игры и во имя общих интересов всегда стараемся согласовывать новации ПТА с вашей уважаемой организацией, – здесь Чак остановился, споткнувшись о взгляд Президента, и, набрав побольше воздуха, слегка невпопад вернулся к теме:

– Но суть от этого не меняется: необходимо реформировать отношение к состязанию. Сейчас оно носит ситуативно-эмоциональный характер и опирается на внимание зрителей к ограниченному числу сильнейших спортсменов, часто непостоянных в своем исполнительском мастерстве.

Наше предложение состоит в том, чтобы расширить диапазон восприятия игры, сделав его системным на основе нового интереса.

В практическом воплощении это не представляет собой ничего необычного, – голос Чака зазвучал увереннее,

энергетика оратора вернулась на место, и он с напором продолжил: – Из первой сотни профессиональных теннисистов – 50 мужчин и 50 женщин – образуется Объединенная лига из 10 команд: по пять представителей обоого пола в каждой. Составы основываются на ежегодном итоговом рейтинге и выглядят следующим образом: на 1-м номере в командах – игроки первой десятки, на 2-м – второй, и так далее.

Календарь существующих турниров и система рейтинга остаются прежними, но результат каждого одиночного матча параллельно идет в командный зачет, что дает возможность выявить два сильнейших коллектива к концу сезона; они же и станут участниками очного финального поединка за Кубок Лиги.

Общий регламент, детали подсчета очков, бонусов и формат финала вы сможете скоро увидеть на сайте ПТА.

Я не побоюсь этого слова – «революционность» того, о чем я говорю, заключается в возможности создавать и содержать команды, владеть ими, наносить на них бренды, не говоря уже о селекции и воспитании талантливых молодых спортсменов...

По очереди устремляя взгляд на каждого сидящего за столом, как бы обращаясь только к нему, Рабински привычно видел интерес к своей речи и с удовлетворением отметил: афронта не будет. Под конец он с нажимом повысил голос:

– Проведенные нами предварительные переговоры дают основание утверждать, что желающих иметь свою, в хорошем смысле, «конюшню» оказалось больше, чем мы предполагали, задумывая Лигу из 10 коллективов.

Благодаря этому в теннис вольются средства, в перспективе сравнимые с бюджетами НХЛ или НБА. Стартовое финансирование проекта обеспечит титульный спонсор, который просил пока себя не афишировать.

В общих чертах это все, о чем я хотел доложить уважаемому собранию, – закончил Чак и сел с видом человека, избавившегося от тяжелой ноши.

– Ну что ж, – со вздохом сказал Президент, – это сообщение дает основание полагать, что многое уже решено, но, тем не менее, прошу высказываться, – и он сделал легкий поклон в сторону Мадемуазель Теннис.

– Мне кажется, – начала Франсуаза Миллард, – нам нет необходимости делать вид, будто мы впервые знакомимся с представленным проектом и не пытались адаптировать его к нашей деятельности. Я уже вижу появление рынка игроков, на котором мы не будем ни продавцами, ни покупателями. Вопрос только в том – в какой степени и как мы сможем стать регуляторами этого рынка применительно к интересам своих федераций. Предсказать что-либо сейчас трудно, но высказать угрозу со своей стороны мне никто не помешает, – зная Франсуазу, присутствующие усмехнулись, как, впрочем, и она сама. – Если выяснится, что женская половина вашей Лиги хоть на секунду почувствует неравенство с мужчинами, вы пожалеете, что занялись теннисом, а не гонками на собачьих упряжках на Аляске!

Обстановка слегка разрядилась, но внутреннее напряжение оставалось, и чтобы от него избавиться, каждый готов был высказаться немедленно. Однако, соблюдая традиционный пиетет, все дружно посмотрели

на старейшего коллегу. Сэр Чарльз Стоун не заставил себя ждать:

– Леди и джентльмены! – раздался его старчески звонкий с хрипотцой голос. – Во-первых, позволю себе сказать, что я видел многое в теннисе, с тех пор как он стал достоянием цивилизации. Да, я не ошибся, говоря «достояние», и глубоко уверен, что не каждый вид спорта этого заслуживает. Не умаляя заслуг других видов физических упражнений, известных еще до нашей эры, – какой из них может похвастаться такой популярностью на планете в сравнении с теннисом? Мы здесь услышали: «интерес аудитории теряется», – но как быть с миллионами болельщиков, которых не интересуют статистические изыскания и которые хотят видеть то, что привыкли видеть? Я думаю, лучше позаботиться об этих людях.

Второе. По моему убеждению, теннис стал великой игрой именно потому, что не подвергался кардинальным изменениям более века. Что потерял Уимблдон, сохраняя натуральный травяной газон и оставляя свободным от рекламы пространство стадиона: зрителей или доход от продажи прав на телевизионные трансляции? Вы прекрасно знаете ответ. Наш вид спорта силен консерватизмом, и все, что не трогает размера площадки и счета, он сам адаптирует или отторгнет. Поэтому я не вижу угрозы, если юные экспериментаторы из Нового Света предлагают нам попробовать очередное новшество, – дружелюбно закончил свою речь сэр Чарльз с видом преподавателя, объяснявшего простые истины.

– Если я правильно понял, здесь подана общая концепция, – заметил Рой Хант. – Но дьявол, как известно,

кроется в деталях, а детали – это регламент, о котором еще мало известно, и к тому же никто из нас – я надеюсь – к его разработке не привлекался. Инициатива авторов проекта достойна уважения, но не превратимся ли мы со временем в сырьевой придаток такой Лиги, попросту поставляя для нее игроков, формально занимаясь своей уставной деятельностью?

«Первая здравая мысль», – отметил про себя Президент.

– А что нам мешает заключить договор между Лигой, МТФ и нашими федерациями о финансовой компенсации, как это делают в хоккее? – вступил в обсуждение Султан Победов. – Я как член МОК могу обеспечить поддержку соответствующего уровня. Раз прецедент есть, мы можем заранее предусмотреть схему взаимодействия. Надо дать поручение юристам разобраться...

Победов остановился, чтобы налить себе минеральной воды. После его слов возникло легкое оживление, как будто терпящие бедствие ощутили приближение спасения, но еще не поняли – реально оно или нет. Но Президент почему-то не стал дожидаться продолжения и кивком головы предложил высказаться Ли Фонгу.

Кормчий китайского тенниса сделал любезный поклон и с непроницаемым лицом сказал:

– Я хочу доложить, что в моей стране правительство уделяет большое внимание спорту вообще и теннису в частности. Именно благодаря такой заботе китайские теннисисты смогли достичь известных вам успехов. Федерация, которую я возглавляю, открыта для конструктивного сотрудничества везде, где можно приложить

усилия для процветания тенниса. Но в то же время спортивное руководство нашей страны всегда готово отстаивать свои интересы там, где эти интересы представляют китайские спортсмены... – Ли Фонг опять слегка поклонился и замолчал.

«Виртуоз», – со вздохом подумал Президент и посмотрел на последнего из участников совещания.

По привычке, прежде чем начать, Джек Марье подарил всем широкую улыбку и только потом произнес:

– Друзья, коллеги! Представляю себя на минуту президентом США и принесу извинения за мою великую державу, которая часто позволяет своим сыновьям будоражить мир новыми направлениями на пути прогресса.

Не скрою, мое мнение учитывалось при разработке проекта и заключалось в том, чтобы в первую очередь сохранить в безопасности границы деятельности МТФ. Впрочем, тут нет угрозы, так как Лига не есть новая сеть турниров – а всего лишь двухдневный финальный матч в конце сезона.

Далее... Будучи в прошлом профи, я знаю все проблемы становления игроков высокого класса, да и вам не надо объяснять подробности. Так чего же нам бояться, если в этом процессе появится еще одна заинтересованная сторона, надо заметить, обремененная большими деньгами. С тех пор как деньги стали достоянием цивилизации, – Джек посмотрел на мистера Стоуна, – сэр Чарльз не даст соврать, кому и когда они мешали, особенно в теннисе?

И последним преимуществом проекта является тот факт, что представителей МТФ нет внутри организационной структуры Лиги и в случае фиаско на нас не ляжет бремя

юридической ответственности, как, впрочем, и сейчас, потому что запретить что-либо мы не можем. На этом я закончу и, надеюсь, буду прощен за прямолинейность и природный оптимизм, – Джек опять улыбнулся и замолчал.

Все понимали неординарность происходящего, и вместо обычного обмена репликами, мимическими знаками и прочими сигналами общения давно знакомых, не первый раз собравшихся за деловым столом людей воцарилась очередная пауза, заполненная тишиной и выжидательными взглядами в адрес того, кто собрал их вместе.

Президент не заставил себя ждать, но перед тем как начать говорить, вдруг изменил привычную позу – локти на столе, ладони соединены – и откинулся на спинку кожаного офисного кресла, расслабленно положив руки на подлокотники.

Никто не понял, как интерпретировать такое отклонение от ортодоксальных манер шефа мирового тенниса, и тишина стала звенящей.

– Я прекрасно понимаю каждого из вас, – прервал напряжение спокойный голос Президента. – Опыт общения с вами позволяет мне надеяться, что будет сделано все возможное, чтобы сохранить наши совместные достижения. Также, я уверен, вы найдете способ сохранить и собственное лицо. Увы, это скоро потребуются.

В свою очередь, я подготовил для себя выход: на ближайшей Генеральной ассамблее я объявлю о своей отставке...

Вы первые свидетели моего решения – и, надеюсь, поймете его правильно. Мой возраст не оставляет времени на эксперименты, от которых зависит репутация. Именно поэтому я хочу остановиться в своей активности

с надеждой, что совершенные нами дела оставят в вашей памяти достойные воспоминания о моей работе.

Хочу подчеркнуть: я не капитулирую и не отступаю – система мирового тенниса, выстроенная за последние годы во главе с МТФ, фундаментальна и эффективна, – просто я не хочу быть свидетелем метаморфоз духа игры. Простите такую выпендренность, но для меня всегда было важным сохранить атмосферу тенниса чистой – и одновременно привлекательной для проявления как личностных, так и патриотических амбиций. Увы, то, что я предвижу, противоречит моим представлением об историческом благородстве и аристократической состоятельности на корте. Я был бы рад ошибиться, если бы не опыт мирового спорта, показывающий, куда приводит тот путь, на который хотят поставить наш теннис...

Спустя несколько лет, когда Президент оставил свой главный пост – пост жителя земли, те, кто собрался на его похороны, обменивались молчаливыми кивками и взглядами, в которых помимо общей скорби и горечи утраты читалось взаимное сожаление о том, что сопровождавшая его эпоха уже никогда не вернется.

Глава 2

Августовскими днями 20... года мужской теннисный пелотон слился с женским в Нью-Йорке.

Последние годы, благодаря стараниям ПТА, только так, вместе, и проводятся все профессиональные турниры, но «Большой шлем» – явление особенное. Четырежды в год

теннисный бомонд собирается во всем цвете и, можно сказать, без ограничений. Действующие и «остывшие» звезды, непредсказуемые середняки, робкие юниоры, амбициозные участники квалификаций, почетные гости, благодушные ветераны, тренеры, родители, агенты, журналисты, болельщики – все, подобно водным потокам, пересекаются, разливаясь в бурлящее, живое озеро, которое заполняет собой пространство заждавшегося стадиона. Любимцы и любимицы искушенных зрителей вдруг, как в сказке, оказываются на расстоянии вытянутой руки, трансформируясь из телевизионной картинки в реальных людей, проходящих мимо по пути из раздевалки на корт. И млеют опытные обладатели билетов на первые дни соревнований при виде армии игроков в полном составе – от маршалов, увешанных регалиями, до перспективных новобранцев, вставших в строй после мясорубки квалификаций. И еще все целы... И никто не знает, кому придется пасть первым, а кому через две недели первым стать, осчастливив себя, тренеров, друзей, близких... В общем, обоз, если есть, – у каждого свой.

В концентрированном виде все войско можно наблюдать в подтрибунном помещении, специально оборудованном для отдыха участников, и куда нет доступа посторонним. Именно там одним взглядом удастся окинуть эту большую, шумную, интернациональную семью. Она не кажется дружной: старшие в ней не всегда узнают младших, а младшие – наоборот, как в дикой природе, наблюдают повадки опытных сородичей с надеждой дать им бой, чтобы скорее занять достойное место в прайде. От этого места многое зависит: останешься лузером,

известным только для друзей и тренера, – или войдешь в анналы навсегда признанным героем. Либо, что тоже неплохо, запомнишься ярким персонажем, сломавшим в двух-трех финалах неприличное количество ракеток, и до конца дней потом радуя журналистов своими приключениями в светской жизни.

И слоями витают в воздухе сгустки надежды и решимости, желания показать и доказать, явить и проявить, и чтобы увидели, кто верил, и стали верить, кто увидел... А иначе – зачем же столько лет...

А еще доносятся обрывки диалогов:

- Смотри, как она подкачалась за полгода!
- Она в семье лидер...
- Я со своим последний турнир работаю!
- Меня пока еще держат...
- Привет, поужинаем вместе?
- Долго ты есть не хотел...
- Слышал, как Марио неудачно пописал в Австралии?
- Фармацевтов пора убивать...
- У меня есть хорошая девочка...
- У вас их в России как пельменей...
- Дэвис Кап играешь?
- Если тебя не будет – заявлюсь...
- Для тебя есть интересный контракт.
- Мама знает?..
- Эй, сладкая, с кем микст играешь?
- Поторопись, а то узнаешь...
- Док, мне сегодня вечером нужен массаж!
- Не забудь...

В одном из холлов, в креслах, расставленных вокруг журнального столика, живописно и расслабленно, как это умеют делать только спортсмены, расположилась группа из пяти человек, говоривших между собой по-русски. Живописность заключалась в том, что композиция из ярких костюмов, разноцветных сумок и закинутых на спинки кресел ног навевала воспоминания о творчестве Энди Уорхола, воскресшего в угоду теннису. И не случайно старейший московский фотограф Лев Петрович – аккредитованный за заслуги как тренер, – проходя мимо, со словами «замерли, ребятки» быстро сделал пару снимков и похромал дальше, бормоча про себя: «Повзрослеют, оценят искусство, попросят... если поймут... если доживу...» Вся компания, привыкшая к взаимодействию с масс-медиа, на секунду заученно улыбнулась фотокамере и продолжила разговор, время от времени прерываясь, чтобы обменяться репликами на английском, немецком или испанском с проходившими мимо знакомыми. Свободное владение иностранной речью объяснялось просто: за границей они бывали больше, чем на родине, – явление вполне нормальное для профессионального спорта. Но как по-разному они в нем оказались...

***

Бывшие московские школьники, брат и сестра Семен и Виктория Берецкие в 13-летнем возрасте попрощались с родителями и по их протекции оказались за океаном, где их встретил дальний родственник троюродный дядя Григори, которого папа предварительно целый год изводил

перепиской по Интернету. Лейтмотив переписки был незатейлив, проверен и убедителен: «По дороге из консерватории в синагогу моих детей насилуют и грабят», – что в данном случае подразумевало: «В этой стране теннисный талант моих детей обречен на забвение». Естественно, все это сдабривалось информацией о том, какие они особенные: красивые, одаренные, а самое главное – перспективные, что подтверждалось сведениями о результатах выступлений во всевозможных соревнованиях. На самом деле катастрофы, конечно, не было, но, скрупулезно подсчитав, во сколько и дальше будет обходиться подготовка чемпионов на территории России, папа решил честно поделиться расходами с заокеанскими братьями по крови.

Родственник откликнулся со скрипом, но не подвел: собрал с местной диаспоры необходимую сумму и встречал «угнетенных звезд» в аэропорту с письмом, подтверждающим прием Сэма и Виктории Берецких в знаменитую теннисную академию на условиях полного пансиона в течение ближайших шести месяцев.

Испытанный жизнью труженик-передвижник Григори Смит – в советскую бытность инженер Григорий Смилович – рачительно посчитал такой срок достаточным для подтверждения амбиций объявившихся московских сородичей. Поэтому, когда усевшиеся в машину Сеня и Вика спросили про Диснейленд, то в ответ услышали, что их нахождение в Штатах имеет другую цель и если в скором времени всемирно известный теннисный гуру не найдет в них интереса, то Диснейленд будет – но на обратном пути в Москву. А пока надо уяснить следующее: «Дядя Сэм богат и любит поощрять талантливую

молодежь независимо от места рождения и цвета кожи – надо только трудиться и трудиться, а времени показать себя у вас не так уж и много...»

Непоседливый Сеня, услышав о наличии еще одного американского дядюшки с таким же, как у него, именем, сразу ответил: «Так пусть он приедет и посмотрит, мы ему покажем, мы под Москвой летом по шесть часов в день тренировались!»

Дядя Григори вздохнул и оставшуюся дорогу тестировал знания английского у теннисных пришельцев с его далекой родины; и остался доволен – хоть за это не будет стыдно...

Сеня и Вика не подкачали. Благодаря действительному таланту и трудолюбию они выдержали все нагрузки и испытания, через которые их пропустил изверг-Академик, заморивший не один десяток теннисных самородков из России. Но в отличие от отпрысков сибирских нефтяников, плативших за услуги маэстро с ресурсодобывающим коэффициентом, Берецким перегрузки пошли впрок, и после выхода на поля турнирных сражений их уже называли не иначе как Win Twins – Близнецы Победы.

Конечно, им было нелегко: оказаться за тридевять земель без родителей и привычного окружения да в таком возрасте – большой риск для подростков. Однако природная способность дружить и чувствовать друг друга помогли преодолеть состояние оторванности от родных пенатов. Да и занимались они, в общем-то, – в отличие от первых переселенцев Америки – любимым и знакомым с детства делом: играли в теннис. Так что к концу их тестового пребывания на территории Нового Света дядя Григори был спокоен. Более того, за право оплачивать

дальнейшую шлифовку «алмазов из России» бились целых три международных агентства.

Бились неспроста, знали за что: брат и сестра, одного возраста, необычно красивые и похожие друг на друга – в том числе и техникой исполнения ударов, – вдруг стали выигрывать крупнейшие юношеские соревнования Америки, а сам Академик с пафосом заявил, что границ в потенциале Сэма и Вики он не видит.

Агенты наседали. Дядя Грегори волновался. И в результате неоднократных интернет-совещаний с родителями дети получили папин вердикт: «Подписываем с Алексом Фришем». Папе – виднее!

...Что и подтвердилось спустя шесть лет, когда брат с сестрой вошли в пятерку мирового рейтинга, а старшие Берецкие, перелетев первым классом через океан, обосновались на его берегу, чтобы быть поближе к детям.

Сеня и Вика предусмотрительно поручили приобретение недвижимости Алексу, объяснив, какой с него будет спрос, если папе его новое жилье не понравится...

Алекс суть уловил и, дабы исключить обвинения в низкой квалификации, переправил в Москву DVD с записью подробных описаний 30 домов на тихоокеанском побережье.

Завороженные красотой такого сериала, родители месяца за два таки выбрали шесть спален, гостиную с камином, террасу с видом на залив и кабинет с прозрачной раздвижной стеной для выхода в сад с бассейном. Сидя в своей просторной – особенно после отъезда детей – трехкомнатной квартире в панельной девятиэтажке, они как будто играли в какую-то игру, сказочную лотерею,

где выигрыша, как в таймшере (печальный опыт имелся), никогда не увидишь. И когда взволнованная жена перед отъездом спросила: «Неужели это все – правда?», папа отрезал: «Пока не увижу, ничего не скажу».

Встречавший их в аэропорте Алекс слегка удивился отсутствию вопросов по поводу дома, но виду не подал, так как за последние годы уяснил: русские – не американцы...

Шесть с небольшим лет, которые Алекс провел с Берецкими-младшими, сделали его славянофилом. Произошел разлом в сознании: в одной части жил опытный менеджер, высокообразованный 35-летний холостяк с внешностью Брюса Уиллиса, в другой – ответственный попечитель, жизнь которого подчинена заботам о любимых, хотя и не своих детях. Вторая половина нравилась даже больше – он миновал младенческие болезни, капризы и другие детские глупости, став рядом там, где путники уже знают дорогу и конечную цель похода. Именно это и привлекало: Сеня и Вика хотели стать сначала лучшими, а потом богатыми, но самое главное – понимали роль ума и усердия, о которых им так долго и нудно твердили в детстве неглупые родители.

Алекс легко вел их по жизни – обучал премудростям поведения вне теннисного корта, умению подавать себя, нравиться, общаться с людьми, каждый из которых мог стать потенциальным рекламодателем...

Воссоединение детей с родителями было тщательно спланировано. Ему и раньше приходилось организовывать их встречи в разных городах Европы, но сегодня – это событие: семья Берецких встречается вместе в своем новом доме! Чего стоило вовремя заключить

делку с риелторами, заранее согласовать совместное окно в календаре турниров, заказать уборку и доставку продуктов наконец... И вот, когда все было готово и он предложил выгодно продать права на освещение такого события кабельному телеканалу, эти загадочные русские – отказались!

Поэтому, доставив Якова и Эсфирь Берецких к детям, Алекс тактично, но гордо удалился...

Первое время родители занимали себя следующим образом: мама систематизировала фотографии и вырезки из газет и журналов с описанием спортивных и рекламных достижений детей, а папа регулярно приглашал живущего неподалеку дядю Грегори на просмотр телевизионных трансляций с турниров, где выступали оперившиеся отпрыски. (Выбор дома по соседству с Гришей был папиной тайной.)

Глядя на бегающих в поту по кортам разных стран то Вику, то Сеню, Берецкий журил родственника – мол, слишком долго тянул с переездом звезд в Америку. Григорий же гордо напоминал о своей роли в истории мирового тенниса и втайне благодарил Господа за предоставленную возможность проявить добро. Добро возвращалось. Особенно с тех пор, как в его небольшой компании по продаже подержанных автомобилей появился большой плакат с изображением Сэма и Виктории в обнимку с дядей, а внизу крупно от руки: «Мы доверяем дяде с детства». Объем продаж слегка пошел в гору, да и друзья из диаспоры уже не напоминали о собранных когда-то деньгах – с кого по тысяче, с кого по две, – проявляя уважение к собственной щедрости...

Если маму такое времяпровождение вполне устраивало, то папа – затосковал. Его багаж знаний старшего научного сотрудника НИИ растений средней полосы (в миру – ландшафтного дизайнера) не позволял удивить американский рынок труда, но поскольку оставаться без дела он не мог патологически, мысли заботливого отца волей-неволей повернулись в сторону детей.

***

– Все очень интересно! Получается, нас можно будет продавать?! – возмущенно удивлялась прима российско-го тенниса миловидная блондинка Елизавета Федотова, обращаясь к своей маме. Мама Татьяна Петровна промолчала, но доверительно и успокаивающе прикоснулась к руке дочери, что означало: «не волнуйся, я рядом».

– И даже оптом. И я договарюсь, чтобы мы с тобой, Элизабет, играли за одну команду и перепродавались только вместе – иначе мы погибнем, жизнь моя! – дурчился Сеня, пытаясь скрыть недвусмысленный интерес к московской красавице.

К двадцатому году жизни Сеня не только сформировался как профессиональный теннисист, но и стал обладателем провокационной по отношению к женщинам внешности. По словам Алекса – специалиста по продвижению на рынке всех преимуществ и способностей клиента, – одна болтливая голливудская дива, познакомившись с Сэмом Берецким поближе, после выразилась девизом: «Такого не попробовать – себя не уважать».

– Топчи лучше американских кур, умник, – резко нейтрализовала намеки злая в своем юморе Лиза.

– Давай, давай! Давно не видели, как вы деретесь, – вступила в перепалку Вика. – А ты, Юджин фигов, почему в нейтрале? Я с тобой микст играть не стану. Ты – не воин.

– Станешь. Я – лучший, – коротко ответил Юджин, он же Евгений Тимофеев, и замолк, не утруждаясь объяснением своих амбиций.

Татьяна Петровна, моложавая до подозрительности, привлекательная дама, прошедшая тюнинг в лучших швейцарских клиниках, слушала эту пикировку привычно невозмутимо и вспоминала, как, казалось бы, совсем недавно на кортах старинного московского парка собрались родители со своими пятилетними карапузами и с надеждами «а вдруг из моего чада что-то получится». Получилось. Но не у всех. И почему-то всплыл перед глазами папа Берецкий, который нервно ожидал результатов тестирования и безадресно спрашивал про скидку, если брат и сестра...

– А что говорит ваш агент Алекс? – поинтересовалась Татьяна Петровна у Берецких.

– Алекс говорит, что до презентации Лиги осталась пара месяцев, он в деле и что мы скоро будем в шоколаде, – ответил Сеня.

– Можно подумать, сейчас вы в горчице... – съязвила Лиза.

– Горчица у тебя... во рту, – покосившись на Лизину маму, вступилась за семью Вика. – Не всем же повезло иметь папу-олигарха...

При слове «олигарх» Евгений Тимофеев встрепенулся и вступил в разговор:

– Не мутите воду, малыши. Татьяна Петровна, не слушайте этих янки, послушайте меня. Ваш Олег Борисович – в порядке, все знают. Если уж можно будет владеть командами – пусть он нас всех и купит. «Рашн дрим-тим»... блин, – с незамысловатым юмором закончил Женя и бровями изобразил вопрос.

Татьяна Петровна кивнула в ответ в знак понимания идеи, но отвечать не стала. Женя озвучил то, о чем она думала с тех пор, как узнала о создании Лиги...

Ее собственный проект под названием «Дочь II» развивался в правильном направлении. Проект «Дочь I» у них с мужем оказался не таким успешным. Старшей, Рите, всего 22, а пережитыми любовными приключениями она уже вызывает потаенную, но тревожную зависть у своей 40-летней мамы.

***

Они были молодыми родителями и радовались ранним способностям первой дочери играть на всех инструментах, писать маслом портреты и сочинять стихи. Потом папа удачно нашелся в бизнесе, и с 14 лет Маргарита шлифовала природные задатки уже в европейских лицеях и колледжах. Однако, отметив 18-летие, она перестала возвращаться оттуда даже на каникулы, отписываясь по электронной почте пространными посланиями. Еще позже она предложила «черпать сведения о ее внутреннем пространстве» в блоге, открытом всему миру. Там мисс «Федди» на манер Франсуазы Саган вскрывала свои интимные проблемы размером с вселенную, а реальное существование первой дочери подтверждали только распечатки платежей по кредитной

карте, которые папа раз в месяц получал из банка. Цифры кое-как успокаивали – расходов на медицинские клиники не видно, – и он терпел.

Младшая, Лиза, проявив талант в теннисе, была взята под неусыпный контроль. Правда, маме пришлось оставить любимую преподавательскую работу в финансовом институте, но составленный совместно с мужем бизнес-план по выращиванию элитной теннисистки требовал ежедневного контроля.

Проект получился серьезным. В первую очередь был привлечен тренер категории «гранд», Виктор Александрович Шубин. Он, конечно, был увешан гроздью учеников, включая Берецких, но Лизин отец лично провел переговоры, по итогам которых известный 50-летний специалист стал единственным тренером юной воспитанницы с правом привлечения необходимых ассистентов по его усмотрению.

С тех пор мама возглавляла, как она называла, «экипаж», куда помимо Шубина вошел массажист и спарринг-партнер в одном лице – Владимир Крайнев. Таким коллективом они и кочевали без малого 10 лет, вызывая здоровую – и не очень – зависть у тех, кто не мог позволить себе подобного...

Папины деньги и мамин менеджмент дали дочери хороший шанс, и она добилась успеха. Однако то, через что пришлось пройти обеим Федотовым, запомнилось навсегда и с яркими подробностями.

Они со смехом рассказывали о поездках по российским турнирам, где не всегда имелись места для зрителей, и мама брала с собой из дома раскладной стул, за что получила

прозвище Богема. Она появлялась на кортах с большой плоской сумкой через плечо, из которой летом помимо стула доставался шикарный солнцезащитный зонт.

Для Лизы, с малых лет обремененной тяжелой, но интересной работой, воспоминания записались в голове в виде уходящей в небо винтообразной лестницы, где каждая ступенька означала: тренировка-матч-победа – ступенька вверх... или вниз, если проигрыш. Оборот вокруг центра лестницы – год; много побед – быстрый оборот и высокий подъем; мало побед – все замедлялось... Спуска, к счастью, не было. А еще учебники, оставшиеся в памяти тяжеленным грузом, с которыми нельзя расстаться.

Маме вспоминалось другое. Бессонница в поездках – она и в своей спальне плохо спала, даже когда переезжала с дачи в городскую квартиру, а уж те гостиницы... Хамство и простота не обремененных воспитанием папаш и мамаш, во время игры по-обезьяньи бросающихся на металлическую сетку ограждения кортов с воплями «Повнимательней! Много ошибок!» или того покрепче, когда им казалось, что судья принял неверное решение... А самое главное – и что оставило в душе и теле увесистую претензию к мужу, – «безинтимье», как Татьяна (какая, к черту, Петровна!) про себя называла накатывавшее вне всякого графика состояние, избавиться от которого можно только одним способом...

На этом она остановила мысли о былом и вернулась к разговору:

– Я уже говорила с Олегом, сама идея ему понравилась, но нужны подробности, которых пока нет. Ты-то как думаешь, почему ПТА тянет с регламентом? – спросила

Татьяна Петровна, обращаясь непосредственно к Евгению как к старшему из компании.

– Я думаю, все дело в агентах. Без них дело встанет. Раньше они интересовались только сливками вроде этих, – он фамильярно указал пальцем на Берецких, – а теперь надо окучить вон сколько. Это ж какой Клондайк открыли! Пока нас всех – человек 150 – не завербуют, начинать им невыгодно. Ко мне уже двое обращались, а я жду: может, еще что получше предложат...

– А зачем так много, если в Лиге всего 100 человек? – поинтересовалась Вика.

– Вот она – впитанная вне молока матери американская наивность, – продолжил рассудительный Женя. – А запасные? Мы ж в команде... В футбол играют 11 человек, а в составе до 20 оборотов, и все на контракте. Слышала про такое?

– Да ты что! – делано удивилась Вика. – Откуда знаешь? Хотя да, я забыла – ты в теннис из бундеслиги пришел...

– Молодец! – скупно похвалил остроумие сестры Сеня. – Так ты, Юджин, хочешь сказать, что по ходу матча предполагаются замены?

Тимофеев глубокомысленно поднял вверх глаза, развел руками и умолк, тем самым давая младшим товарищам понять, что, мол, бывает по-разному.

***

В отличие от друзей Евгений Тимофеев с юности рулил своей жизнью без ассистентов и в 25 лет имел опыт, по набору событий опережающий все то, чем могли бы похвастаться младшие товарищи.

Начало его пути не обещало международной известности.

Мама – обычный терапевт в городе Таганроге, папа – в нетях через год после рождения сына. Дальше мама – одна, поэтому работала на трех участках, чтобы свести концы с концами и в том числе купить ребенку теннисную ракетку. Жене нравилось бить по мячу, у него это получалось лучше и точнее сверстников. Кроме того, он – не по возрасту серьезный, старательный – хорошо успевал в школе, особенно по алгебре и немецкому языку.

Первые победы, первые поездки в составе сборной страны за рубеж, осознание перспектив и осознание в 16 лет, что денег – на реализацию этих перспектив – вокруг него нет.

На очередном первенстве Европы в Дюссельдорфе он без посторонней помощи договорился о выступлениях за местный клуб в командном чемпионате Германии...

Спустя год началась самостоятельная жизнь. Он играл за клуб, снимал жилье в пригороде – так было дешевле, подрабатывал на кортах, спарринговал, убирал площадки, натягивал струны и оставшееся время до изнеможения тренировался, заполняя тем самым вакуум общения и отвлекаясь от ностальгии.

Еще через год Женя стал незаменим на своем номере в команде клуба и начал получать за это деньги, позволившие перемещаться по Европе и участвовать в «челленджерах».

Постепенно его жизнь менялась – из теннисного гастарбайтера он превращался в профессионала, зарабатывающего своим трудом на хлеб насущный, и хлеб этот

становился тем слаще, чем больше он вкладывал труда в его приготовление.

Жене повезло: он был из тех, кому азы правильно поставленной в детстве техники позволяли развивать заложенный талант без повседневной корректировки, и отсутствие тренера не мешало оставаться на правильном пути.

О том, что рядом нет старшего товарища, Тимофеев пожалел лишь однажды...

Участвуя как-то в очередном турнире, который проходил на Майорке, он познакомился с демонического сорта сексапильной американкой, поклонницей молодых теннисных мачо, которая обосновалась на острове и прожила унаследованное от родителей состояние.

Мобильный телефон он тогда картинно выбросил с борта ее яхты в океан...

Через месяц Евгений сошел на берег одуревшим от излишеств и сексуального истощения и узнал, что его любимый и родной немецкий теннисный клуб больше не нуждается в услугах «герра Тимофеева»... Многое пришлось начинать сначала.

Но разум, слава богу, вернулся, и он, удесятерив старания, через год уже вошел в число 20 сильнейших игроков планеты, а также поднялся на первые номера и в парном рейтинге.

– Да нет же, – продолжила дискуссию Елизавета Федотова. – Скорее запасные понадобятся в случае травм по ходу сезона. Но вот только срок отсутствия основного игрока... и начисление очков в этом случае... – Не закончив мысль, она замолчала.

– Ладно, молодежь, прорвемся, есть над чем подумать. Сегодня в «Русском самоваре» на Бродвее ужин в нашу честь, помните? – свернула тему Татьяна, и все дружно стали говорить про забытый вкус борща и пельменей.

Глава 3

Баталии Открытого чемпионата США стартовали и пошли по расписанию, но ощущение чего-то – то ли радостного, то ли тревожного – не оставляло всех причастных к профессиональному теннису, и любые разговоры в кулуарах так или иначе перетекали в обсуждение близких перемен.

Некоторые из ветеранов с хорошей памятью вспоминали, что в середине второй половины прошлого века здесь же, на автостоянке перед стадионом, состоялось историческое собрание, давшее начало новому Туру, и начинали рассказывать о том, кто там участвовал и кто не пришел. Их вежливо, но недолго слушали и вновь переходили к перебиранию вариантов будущей жизни в новом формате.

Первой заботой традиционно была финансовая: как поднимутся доходы игроков, если у них появятся собственники; как это отразится на тренерах, которых непонятно кто будет нанимать – спортсмены или их владельцы – и за какие деньги? На втором месте – будоражащие воображение подробности типа названий команд. «Зубастые Ракеты Америки», – предлагали одни. «Еврокойоты», – отвечали им другие. «Коттон Интернэшнл Инкорпорейтед», – успокаивали третьи. Далее шли не менее интересные темы:

дизайн формы, трансферы игроков и даже финал Кубка Лиги на стадионе «Маракана» в Бразилии.

Идеолог переполоха Чак Рабински появился на стадионе на второй день, с утра одетый запанибрата – шорты цвета хаки до колен, гавайская рубаха навыпуск и мокасины. В голове прокручивалась намеченная программа: деловой завтрак со своими заместителями, деловой ланч с Джеком Марье, просмотр матчей на центральном корте и, конечно же, контакты со спортсменами, тренерами, прессой...

К вечеру, с загудевшей от непрерывного общения головой, он скрылся от журналистов в зоне отдыха игроков. Там Чак взял стакан ледяного оранжа, откинулся в глубокое кресло, положил ноги на журнальный столик и затих.

Он не думал, что окажется под таким психологическим прессом – каждый хотел от него подробного ответа на все вопросы, и немедленно. Как всякий Наполеон, ввязавшийся в драку, он чувствовал себя бодро, но при этом понимал, что с началом главного похода тянуть нельзя. До официального запуска проекта под названием «Лига» оставалось всего три месяца, а два ключевых момента были открыты.

После внезапной отставки президента МТФ нетерпеливые теннисные мастодонты (мышление Чака отличалось образностью) коллегиально перенесли выборы на конец октября. Тем самым было отложено нужное решение о нанесении рекламы на форму спортсменов на турнирах «Большого шлема», Кубка Дэвиса и Кубка Федерации.

Потенциальные владельцы команд однозначно дали понять, что вкладывают большие по меркам тенниса деньги и их интересует соответствующая отдача. Рабински

не мог не согласиться. Нынешние рекламные нашивки на коротких рукавах маек – по телевизору они еле видны даже на крупном плане – традиция, которую давно пора модернизировать. Телевидение, кстати, тоже утомилось от этой сдержанности и экономического пуританства. Но такого рода вопросы – прерогатива Международной теннисной федерации, и единственный человек, влияющий на ее жрецов, глав национальных федераций, – это их новый президент, которого они не удосужились оперативно избрать...

Другая проблема направлялась напрямик к его століку с чашкой и двумя бананами – кофе-брейк спортивно-го «агента 001» Алекса Фриша.

На протяжении последнего месяца они разговаривали по телефону в среднем раз в день и понимали друг друга уже с полуслова.

Еще недавно Чак встречался с множеством агентов, налаживая связи, так сказать, в среде. Но, скоро поняв, что говорят они по большому счету об одном и том же, предпринял маневр – собрал совещание и предложил выбрать неформального представителя для ведения переговоров от имени всего уважаемого сообщества. Намек поняли правильно, после чего рупором и ухом коллег стал Алекс Фриш.

Однако Алекс не был бы Фришем, если б не захотел реализовать собственную затею – подписать между его компанией и ПТА эксклюзивный контракт на право представлять интересы всех теннисистов, выступающих в Лиге.

– Привет, Чак! Трудный денек, не так ли? – скороговоркой произнес Алекс, усаживаясь напротив.

– Теперь да, – со вздохом согласился Чак, понимая, что придется выслушать новые доводы о преимуществах идеи Фриша.

– Могу облегчить твои страдания, – пропустив мимо ушей иронию, продолжил Алекс. – За два дня агенты нашей компании широким неводом наловили уже почти 50 процентов игроков и наловят остальных, если мы подпишем с тобой соглашение. Тогда поймешь, как легко работать со спортсменами...

– Вот вам путина открылась, – продолжал иронизировать Чак. – Что раньше в море не выходили?

– Столько рыбы не нужно было, – очищая банан, цинично ответил Фриш. – Сам знаешь. Ты лучше скажи, чем тебе помочь. Мой шеф – авторитет в спортивном мире, он в нем жизнь прожил, и ему интересно все, что ты затеял, – искусно поменял направление разговора Алекс.

Рабински мысленно похвалил собеседника и отметил свое терпение: наконец-то появился намек на что-то большее, нежели обычный до ритуальности набор агентских услуг. Ему, в сущности, было безразлично, кто будет поставлять игроков в команды, и он уже почти придумал, как отрегулировать отношения агентов с Лигой, но выжать из переговоров максимум полезного – искусство политика... Вслух он произнес:

– Я слышал, твой босс сам поигрывает в теннис. Когда начал?

– Не волнуйся, – правильно понял вопрос Алекс, – до нашего с тобой рождения. Хочешь с ним поговорить?

– Пожалуй, пора. Когда он появится?

– Если срочно, я могу попросить его прилететь, а так – на финалах.

– По поводу срочности – реши сам. Если он поможет мне с одной проблемой, вы получите контракт. Большой, но не эксклюзивный – глобализация нужна владельцам гаремов, а не спортивным агентам, вы от этого портитесь, – закончил Рабински и, вдруг замерев, стал смотреть за спину Алекса.

Оттуда по направлению к ним, одетая в легкое облегающее платье, плавно покачивая бедрами и расправив плечи, изящно несла поднос с тарелкой и бокалом вина Мэрилин Монро. Располагаясь по соседству, она невольно наклонилась так, что Чаку показалось: еще секунда – и аппетитное содержимое глубокого выреза аккуратно ляжет основным блюдом между греческим салатом и калифорнийским шардоне.

Глядя на Чака, Алекс встревожено обернулся, увидел Татьяну Федотову и со смехом обратился к ней:

– Таня, присядь, пожалуйста, к нам и познакомься с мистером Рабински – это единственный способ вывести его из ступора. Чак, перед тобой мама Лайзы Федотовой.

Татьяна, не успев присесть, на секунду замерла, но решила принять приглашение и заняла место за их столиком, где ей помимо воли пришлось повторить аттракцион с декольте.

– Добрый день, Татьяна. Как дела, чем занимаетесь? – приходил в себя Рабински.

– Приятно познакомиться. Жду. Елизавета отправилась на разминку, скоро выходим на матч, – ответила Татьяна и приступила к салату.

– И давно вы так? – продолжил светскую беседу Чак.

– Да уж раньше, чем я с Берецкими, – вклинился в разговор Алекс, явно на что-то намекая. – Сто лет хочу, чтобы она отдала дочь мне и отдыхала, но проще статую Свободы упросить поплавать...

– Алекс, я тебе давно предлагаю: переводы головной офис в Москву, и мы – твои. Забыл? – Татьяна пригубила вино и очаровательно улыбнулась. – Ты же знаешь, я привыкла контролировать тех, кто контролирует мою дочь. А у вас, мистер Рабински, есть дети? – неожиданно обратилась она к Чаку.

– Пока не было такой задачи. Да и без жены как-то трудно с этим справиться... – вернул себе чувство юмора Чак.

– Приезжайте в Россию. Все проблемы как рукой снимет... – она не договорила, доставая из складок платья попискивающий миниатюрный телефон.

После короткого разговора на русском языке Татьяна с извинениями встала и с озабоченным видом пошла в сторону выхода, где, оглядываясь по сторонам, стоял плотный, среднего роста мужчина с седыми, зачесанными назад волосами. По-родственному обнявшись и поцеловав друг друга, они вышли.

– Муж, – коротко объявил Алекс. – В их семье жена – агент дочери. Мне тут делать нечего, им даже рекламные контракты не нужны – папа в списке Форбса.

– Значит, правильно я тебе посоветовал... насчет глобализации, – думая о чем-то другом, медленно произнес Рабински и замолчал.

Заметив, что собеседнику стало не до него, Алекс закрутился: – Ладно, я пошел. Увидимся на трибунах, – и поднялся из кресла.

Чак с отсутствующим видом кивнул в ответ.

***

– Ты как здесь оказался? Почему не предупредил? – атаковала Татьяна мужа. – Я тебе сколько раз говорила, что внезапность встречи разрушает радость от ее ожидания?!

– Успокойся, Татя. Вспомни, сколько раз мы договаривались, но у меня не получалось. А ты ждала... Так какое из зол ты выбираешь? И не забывай, что я в Нью-Йорке в среднем раз в месяц. А не предупредил, потому что планировал улететь, даже без ночевки. Кое-что поменялось, и я на сутки здесь, с тобой. Одобряешь? – закончил Федотов и обнял жену за талию.

– Что ж мне остается: олигархова жена – охать можно только от счастья, – ответила Татьяна и слегка прижалась к мужу бедром.

Им нужно было пройти почти через весь стадион, чтобы попасть на тренировочный корт № 15, где разминалась дочь, и Олег Тимофеев с интересом рассматривал все вокруг.

Выйдя на эспланаду между аренами Луи Армстронга и Артура Эша, они окунулись в спонсорское торжище, на котором пестрая публика дрейфовала среди киосков со свежими образцами всего модного и теннисного. Покупки здесь осуществлялись не по велению разума или даже сердца – а по ритуально-сувенирной необходимости, без логического оправдания, но с чувством удовлетворения от выполненного долга.

Посетители, притомившиеся от изобилия впечатлений и жары, набирались сил под зонтиками разбросанных повсюду закусочных и кафе разного калибра. Голос диктора сообщил о начале очередного матча на центральном корте, и владельцы заветных билетов, вызвав легкое колыхание на площади, обозначили движение по направлению к своим трибунам. Следующее объявление моментально собрало хвостатую очередь молодых поклонниц у стенда компании «Робик»: лидер мужского тенниса, лицо фирмы Ник Астер вышел давать автографы на собственных фотографиях.

По пути Татьяна то и дело здоровалась, удивляя мужа: надо же, сколько людей ее знают...

Наконец они вышли на аллею, с которой толпа ручьями растекалась к площадкам с демократичными трибунами без пронумерованных мест, где проходили бои местного значения. Тут болельщики с удовольствием наблюдали, как недавняя звезда, откатившаяся к концу первой сотни, трудолюбиво пытается отстоять былое величие под натиском нахального новичка основной сетки.

– Смотри, это же... – притормозил жену Олег.

– Да-да. Тот самый. Два года назад как черт из табакерки выиграл Уимблдон и с тех пор ничего сделать не способен, – коротко прокомментировала Татьяна и потащила мужа дальше.

На соседнем корте все дружно удивлялись самобытности талантливого и разрекламированного юниора, про которого когда-нибудь можно будет вскользь многозначительно упомянуть: «Я видел, как он начинал...»

В конце пути супруги услышали характерный звук голоса, непостижимым образом соединяющий визг

каратиста с утробным выдохом зрелой женщины: Лиза Федотова била по мячу.

На заре карьеры дочери папа как-то посетил детские соревнования и впервые услышал в ее исполнении такой аккомпанемент ударам. И пришел в изумление. Посмотрел в тот момент на маму – никакой реакции; оглядел немногочисленных свидетелей, сидевших рядом, – аналогичное безразличие. Возмущаться не стал, но жене на ухо все-таки шепнул: «Хорошо, что ты только стонешь...»

На тренировочный процесс кумиров преданным почитателям наблюдать не запрещается, и с десятков таких фанатов Федотовы увидели перед низкой оградой, за которой Лиза принимала подачи от спарринг-партнера Володи под наблюдением Шубина. Он, стоя за ней, после каждого приема что-то тихо подсказывал.

«Вуайеристы чертовы, – про себя высказался папа, подойдя ближе и обнаружив, что женщин среди поклонников нет, одни мужики. Хотя, конечно, понять их можно – от таких ног тяжело оторваться...», – он гордо закончил таким образом мысль и с криком «Экипаж, стройся!» прошел прямо на корт.

Глава 4

Алекс Фриш времени даром не терял. Через два дня после их разговора Чак Рабински сидел в чайном баре отеля «Уолдорф Астория» и ждал встречи с главой крупнейшей агентской корпорации Стивом Кларком. Стив опаздывал, но Чак даже не думал обижаться: такому

человеку и в таком возрасте – от Алекса он узнал, что Стиву 82 года, – многое можно простить. «Созданная в середине прошлого века компания Global Agent Service к настоящему времени опутала своей сетью весь мир, не только представляя интересы бесчисленного множества профессиональных спортсменов, но и торгуя правами на проведение крупнейших международных соревнований, которые Кларк всегда вовремя покупал за меньшую цену. Выйдя за рамки спортивной сферы, он нашел применение своему чутью в шоу-бизнесе и моде...»

Вспоминая цитату из еженедельника «Ньюсуик» о достижениях Стива Кларка, Чак не заметил, как перед ним возник старичок среднего роста со сморщенным загорелым лицом. Несмотря на дневное время, он был одет в светлые шерстяные брюки и синий клубный пиджак. Шею от ворота белой рубашки отделял франтовато повязанный пестрый шелковый платок пурпурных тонов. «Круто, – подумал Рабински, поднимаясь навстречу, – хорошо, что я догадался надеть пиджак – наверно, для него это важно».

– Добрый день, мистер Кларк. Рад с вами познакомиться, меня зовут Чак Рабински. Чаю хотите? Присаживайтесь, – выпалил Чак, почему-то жалея, что на первых минутах знакомства остался без посредника, Алекса Фриша.

Стив Кларк сел в кресло и несколько секунд изучал Рабински. Глубоко посаженные глаза, замаскированные морщинами, позволяли, как из укрытия, наблюдать за собеседником, не выдавая собственных эмоций. Наконец он звучно произнес:

– Ну что ж, похоже, ты такой же сукин сын, как и я 50 лет назад. Алекс мне доложил, что ты взбаламутил весь теннис, но что тебе надо, по большому счету он не сказал. Впрочем, про сверхзадачи лучше молчи – они со временем сильно меняются, и потом становится стыдно. Расскажи, чего сейчас хочешь, но знай: если мне это не понравится – могу тебе навредить.

Закончив такое вступление, Кларк сделал знак официанту и заказал томатный сок со льдом.

«Ну и монстр», – ужаснулся Чак, но вслух произнес:

– Я польщен вашей откровенностью, мистер Кларк, и, соответственно, не буду ходить вокруг и около, чтобы объяснить, что мне нужно.

– Вот и не ходи, – обронил Кларк и опять пристально посмотрел на Рабински.

– Понял, – послушно кивнул Чак и продолжил: – Я уверен, Алекс уже объяснил вам суть перемен, которые мы собираемся привнести в теннис, чтобы сделать его намного богаче и интереснее. В частности, речь идет о нанесении рекламы на форму теннисистов. Для этого необходимы изменения в регламентах турниров. Что касается ПТА – здесь нет никаких проблем: мы всё решим, но турниры под эгидой МТФ – чужой огород, и вообще там заповедник консерватизма. Я надеялся убедить их президента, но не успел – он ушел в отставку. Время идет, и теперь я вот что думаю: может, помочь выбраться нужному для нас президенту МТФ. Но кому конкретно? И как это сделать? Финансовая сторона решаема, инвесторы и партнеры поймут... – Рабински прервался, не понимая, слушает его собеседник, прикрыв глаза, или

банально спит в силу почтенного возраста. – Что скажете, мистер Кларк?

– Скажу, что ты хуже, чем я думал, но ты мне нравишься, и поэтому тебе повезло, – опять громко сказал Кларк и замолк.

Такой темп диалога начал раздражать Чака.

– Мистер Кларк, я могу рассчитывать на ваше содействие? – конкретизировал вопрос Рабински.

– «Заповедник консерватизма»... Хорошо сказал, но плохо подумал. Обидел. Тот, кто что-то создал, всегда становится консерватором – иначе созданного не сохранить. Никогда...

Кларк опять замолк, и Чаку показалось, что на этот раз окончательно. Тем не менее он решил сделать еще попытку и, с трудом скрывая раздражение, продолжил:

– Насколько я знаю, Международная теннисная федерация хорошо структурирована и в нее входит более 200 стран. Механизм выборов...

– Ты что, мне лекции сюда пришел читать? Половина их президентов – мои хорошие знакомые. Другая половина – страны, где бесполезно даже открывать представительство, – перебил его несносный старик и как ни в чем не бывало стал маленькими глотками попивать свой сок.

Чак решил поменять тактику разговора и тоже замолчал. «Пусть этот сухофрукт первым попрощается», – с досадой подумал он, жалея, что связался.

– Ну что, обиделся? – усмехнулся Кларк. – Значит, не все потеряно. Значит, в тебе есть душа. Хотя и немного... Ладно, слушай. Человека, который решит твою проблему, зовут Султан Победов. Он единственный из

участников вашего совещания – да-да, того самого – высказал разумное соображение, как с тобой бороться. Сработай на опережение, предложи договор: финансовые возможности для защиты интересов МТФ – в обмен на нужное тебе решение по рекламе.

– А почему вы уверены, что именно он станет президентом МТФ?

– Не разочаровывай меня. С таким козырем, как компенсация странам – членам МТФ за участие их спортсменов в Лиге, он обречен на успех. К тому же помни, что он входит в Международный олимпийский комитет, имеет хорошее лобби, и оттуда просто дадут советы президентам национальных теннисных федераций...

Рабински переваривал информацию, чувствуя себя ребенком, которому объяснили, что такое «хорошо». Сидящий напротив него человек, как в шахматной задаче, показал верные ходы для выигрыша партии, едва взглянув на доску. Вот и думай теперь: он все знал заранее или это – аналитический экспромт. Хотя, скорее всего, и то и другое. Мощная рептилия.

– Я вижу, ты в чем-то сомневаешься, юноша? – отечески поинтересовался Стив.

– Да нет, что вы, мистер Кларк, ни в коем случае. Просто для меня стала неожиданностью предложенная вами кандидатура. Говорят, с русскими трудно работать...

Старик неожиданно засмеялся трескучим смехом и сказал:

– Я тоже так думал, пока Алекс как-то не доложил мне, что интересы нашей компании в России будет представлять вице-президент их теннисной ассоциации...

Расслабься. Есть хорошая поговорка: хочешь понять Россию – не думай. Будут вопросы – спроси у Алекса, он большой специалист по этой стране и устроит тебе встречу с Победовым. Кстати, не забудь выполнить то, что ты ему обещал... Алексу, мой дорогой, сначала Алексу...

С этими словами Стив Кларк пружинисто встал из кресла и, пожав руку слегка опешившему Чаку, удалился.

Не успел Чак прийти в себя, как место напротив вновь оказалось занятым. Алекс Фриш – легок на помине.

– Ну как, доволен? Судя по шефу, ты его не разочаровал.

– Он меня тоже, – ответил Рабински. – Только мне показалось, что за каждым его словом – двойной смысл.

– Ошибаешься: тройной, а то и больше. В чем ты не разобрался? – взял быка за рога Алекс.

– Зачем мне твоя помощь, чтобы встретиться с Победовым? Я же с ним знаком.

– Ты по-прежнему недооцениваешь институт посредников. Мы своего рода гаранты серьезности намерений, связующее начало, на которое можно опереться, или, если хочешь, – источник лояльности в отношениях между сторонами.

– Всё, всё... Успокойся. Где и когда?

– Завтра, Чак, на стадионе. Это – Открытый чемпионат США. Все собираются в одном месте, найдем тебе кого хочешь...

***

Назавтра в четыре часа пополудни Рабински сидел на гостевой трибуне арены имени Артура Эша и смотрел, как за выход в четвертьфинал терзают друг друга Лиза

Федотова и китайка Ши Свонг. Матч только начался, но накал возник сразу – на розыгрыш первого гейма ушло 20 минут.

«Надо же, – подумал он, – час назад обсуждал с Султаном Победовым, на кого потратить десятки миллионов долларов, а сейчас сижу и смотрю на тех, кто эти деньги скоро для нас заработает... Наверное, это – любовь».

Разговором с Победовым Чак остался доволен. Правда, он однозначно не понял, какова реакция шефа русского тенниса на его предложение, но факт налицо: позитивное впечатление от встречи сохранилось.

Рабински не сразу смог разобраться в своих ощущениях. Ему приходилось бывать в разных переговорных передрыгах – от изнуряющих многочасовых консультаций для выработки единого решения по политическим вопросам, когда нужно свести к единому знаменателю амбиции сразу нескольких носителей разных мнений, до феерических по своему напряжению совещаний с кровожадными инвестиционными банкирами, которых – в рамках отведенных на встречу 10 минут – надо убедить временно расстаться с сотнями миллионов долларов. Но в такой самобытной обстановке, как с этим знаменитым русским, он обнаружил себя впервые.

Пока они обедали в кафе для игроков, к Султану подошли поздороваться почти все российские участники со своими тренерами или родителями. Многие подвели к нему знакомых, чтобы сфотографироваться; несколько молодых людей – видимо, помощники – передавали телефоны для связи с важными абонентами, с которыми Султан обменивался новостями, после чего извинительно

сообщал Чаку: президент Казахстана... Азербайджана... мэр Москвы... При этом он ни разу не потерял нити разговора, каждый раз возвращаясь аккуратно в точку прерванной мысли: своей или собеседника – не имело значения.

За время разговора Рабински познакомился с десятком друзей Султана (имена не выговорить), выслушал несколько смешных историй, в которых Победов бывал с великими людьми, включая одного из бывших президентов США, и узнал столько колоритных подробностей, что в конце обеда ему показалось, будто в этом круговороте он находится много лет, все знает и во всем участвует чуть ли не с детства.

Присутствовавший только в начале разговора Алекс несколько раз приходил справиться, как дела, но, наблюдая одну и ту же картину, удовлетворенно исчезал с озабоченным видом. Лицедей...

Как бы то ни было, предложение прозвучало, отказа не последовало, и, более того, Чак получил приглашение посетить Кубок Стены и обсудить детали. Финансовые, надо полагать... А то, что он не уловил истинную реакцию, это плюс Победову – человек такого уровня обязан скрывать эмоции в серьезных делах.

Правда, остался осадок: пришлось открывать карты первому – но пусть лучше так, чем терять инициативу, когда времени остается совсем мало. График жесткий: решение о размещении рекламы на игроках – до конца октября; после – заключение контракта с телевидением; затем – официальная церемония презентации Лиги с интернет-аукционом, на котором будут проданы 10 профессиональных команд. Это будет шоу! Пятьдесят

лучших мужчин и столько же женщин обретут хозяев, которые будут оплачивать их труд помимо непредсказуемых призовых, будут заботиться о них, так же как они заботятся о детях, но, в отличие от собственных детей, эти подопечные гарантированно принесут пользу...

К действительности Рабински вернул визг китайки, проигравшей последний мяч в первой партии. На табло показался счет – 7-5.

Вслед за китайкой раздался ободряющий призыв «Давай-давай!», и Чак увидел в первом ряду маму Федотовой, привставшую со своего места.

«Впечатляет, – подумал Чак. – И тогда в кафе, и сейчас».

Он не заметил, как рядом с ним занял место вездесущий Алекс Фриш, который, проследив взгляд Чака, с места в карьер доложил:

– Она крикнула что-то вроде нашего «Come on!». Муж два дня назад улетел...

– Алекс, твоя осведомленность безгранична. Говори по делу, – очертил рамки Рабински.

– Не пугайся. Это я так, для начала разговора, – ухмыльнулся Фриш. – Ну, оценил Победова? Могу сразу сказать: ты ему понравился. Я его давно знаю, он любит авантюристов с большим размахом. А уж если ты выносишь его на гребень волны – считай, вы непобедимы.

– Спасибо за поддержку. Отдельно поблагодари мистера Кларка. Кстати, как ты находишь с ним общий язык? По-моему, он с другой планеты, – сменил тему Чак.

– Из другой галактики. Иногда он мне напоминает Создателя – посмотрит сверху, увидит и говорит: быть

по сему... И все выстраивается как надо. Кстати, за ваш план с выдвиганием Победова можешь быть спокоен – старик Стив многое может. Раньше он не вмешивался в теннисную политику, хранил обет. В молодости его с последним президентом МТФ связывала тесная дружба, они даже начинали какой-то совместный бизнес, но потом крупно поссорились – никто не знает, из-за чего, – и после, говорят, поклялись не замечать друг друга, хотя оба всю жизнь в большом спорте и обоюдных возможностей попортить кровь имели предостаточно. Представляешь, даже воевать между собой они считали ниже своего достоинства – вот это конфликт! Но теперь, когда президент в отставке, у старика развязаны руки, и он с удовольствием возьмет реванш.

– Получается, твой шеф использует проект «Лига» для сведения счетов, – прервал собеседника Рабински. – А если он растрогается и пообреет, как бывает с пожилыми людьми, что тогда?

– Расслабься. Кровожадность зависит не от возраста, а от состояния духа. В нашем случае, поверь мне, босс пойдет до конца, и какая тебе разница, чем он мотивирован, главное – Стив Кларк вошел в дело!

– Почему ты так уверен, в чем гарантии? – продолжал настаивать Чак в ожидании новой информации.

Алекс не ответил – трибуны взорвались аплодисментами. При счете 3-3 и «больше» на своей подаче Лиза Федотова после выматывающего обмена длинными ударами вышла к сетке, нарвалась на обводящую крученую свечу, но успела развернуться, догнать мяч почти у фона

и наотмашь, ударом слева направила мяч по линии мимо остолбеневшей Ши Свонг.

– Фантастика! – восхитился Алекс. – Такое сокровище, и без агента, – он покачал головой и продолжил: – Дело не в гарантиях, а в том, что я знаю Стива Кларка почти 15 лет и вижу, как ревностно он относится к теннисному направлению в своей империи. И если уж он согласился содействовать, значит, все просчитал и видит результат. Среди президентов национальных теннисных федераций есть немало его старых приятелей, которые помогут просто из-за возрастной солидарности и в память о том, что их связывало в древности. Так что рассказывай, что с нашим договором.

Глава 5

Лиза Федотова закончила вторую партию со счетом 6-3 и сжатым кулаком поприветствовала маму и тренеров. Ее соратники расслабились. Шубин с Володей обменялись крепким рукопожатием, а Татьяна обняла и поцеловала каждого – традиция. До завтрашней тренировки они расстались: мама пошла поздравить дочь в раздевалку, а мужчины, поглядев секунду ей вслед, синхронно сделали глубокий выдох: тоже ритуал – имеем право отдохнуть...

Их отдых обладал русскими корнями – отправились ужинать. Для этого выбрали давно знакомый ресторан в квартале «Маленькая Италия». Заказали салат из тушеных мидий, медальоны по-милански и большой кувшин кьянти, который гостеприимный хозяин поставил

на клетчатую красно-белую скатерть через секунду после того, как принял заказ.

За годы, проведенные в десятилетней, можно сказать, командировке, они привыкли быть вместе и, как связанные одной веревкой альпинисты, ощущали малейшее отклонение в движении товарища. Кроме того, они иногда одновременно оказывались в схожих жизненных ситуациях.

Несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте – Володе было чуть за 40, – оба прервали matrimониальный статус через пять лет после начала совместного труда.

На первых порах все выглядело неплохо: профессиональная творческая работа, стабильный доход и, слава богу, корректные родители, не сующие нос в ежедневный процесс подготовки дочери. Но проклятие любой семейной жизни – командировки мужа – с фатальной неотвратимостью подтачивало корни супружеского счастья. Володя первым обратился к старшему товарищу – мол, как тебе удается сохранять очаг, и получил скорбный ответ: «Добро пожаловать в клуб...»

Естественно, выход из положения был найден. Испросив разрешения у родителей подопечной, они взяли жен в месячный зарубежный вояж по юношеским турнирам, который проходил пусть и не по самым известным городам Италии, но в апреле, когда расцветающая в этом месяце природа Апеннинского полуострова безупречно контрастировала с угрюмыми московскими пейзажами.

Однако уже в середине вояжа обе в унисон заняли, что хотят домой, что «эти ваши гостиницы, переезды, тренировки, а нам тут чем заниматься...». К чести

Татьяны Федотовой, она пробовала помочь повлиять на ситуацию, понимая существо вопроса. Но недолго и без энтузиазма, так как объективно находилась по другую сторону баррикад...

Через пару лет, когда Лиза выиграла юношеский Уимблдон, приглашать в европейские столицы стало некого – благоверные нашли супружеское счастье и покой рядом с новыми стационарными мужьями.

С тех пор попыток организовать себе постоянную семейную жизнь ни тот ни другой не предпринимали, решая возникающие в интимной сфере вопросы гусарскими методами. Правда, Володя однажды вновь уверовал в светлое будущее и организовал себе романтическую встречу в Париже с новой возлюбленной...

...На второй день турнира он тактично объяснил перенос Лизиной тренировки необходимостью встречи в аэропорту своей знакомой. Федотова-старшая усмехнулась, но ничего не сказала, и на следующий день на завтраке в отеле чуть утомленный Володя представил обществу эффектную брюнетку из Петербурга по имени Дина. Его душа вибрировала и ждала подтверждения правильности выбора. Ее приветливо встретили. Но очень быстро все встало на свои места – в общем-то, без каких-либо искусственных инсинуаций в адрес девушки. Просто Вова ошибся. Просто в некоторых ситуациях малознакомый человек за границей раскрывается ярче и понятней...

Пока Елизавета покоряла «Ролан Гаррос», невяская красавица наносила атаки по «Галери Лафайет» и вечером в подробностях рассказывала всей компании

о добытых трофеях, не стесняясь докладывать о преимуществах той или иной детали интимного туалета. Другой темой стал подбор модного ночного клуба, где можно хорошо посидеть... Дина искренне удивилась тому, что они никуда не ходят.

Наивная Елизавета ретранслировала маме вопрос о клубе...

Естественно, Татьяна приняла меры. На правах директора команды она по-женски хлестко объяснила отдельно взятому Володе неправомочность пребывания в их рабочем коллективе деструктивных элементов – хоть даже и из Петербурга – и попросила впредь таким образом не нарушать сложившегося морального климата вокруг ее дочери.

Володя понуро акцентировал претензии. Да он и сам притомился от темперамента молодой подруги.

На следующий день она без помпы и без возлюбленного, но с новым чемоданом отправилась на такси в аэропорт...

Самый старший член экипажа Шубин подобных эскапад себе не позволял и только вздыхал, вспоминая аппетитную внешность возмутительницы спокойствия.

К финалу в Париж тогда прилетел Олег Федотов, чтобы убедиться воочию, на что способна его 17-летняя дочь.

Вечером по случаю победы он закатил им банкет, на котором услышал историю об амурных коллизиях неразборчивого Володи. Юмора добавил Шубин: «Правильно, Петровна, ты его отчихвостила; с этими кобелями только так и можно...» Больше всех смеялся сам

«потерпевший». Потом долго обсуждали – проштрафился он или пострадал и надо ли ему платить премию за Лизину победу...

На десерт взяли фисташковое мороженное и по двойной порции граппы в качестве диджестива.

– Ну что скажешь, Ксаныч? – продолжил Володя начатый давно разговор.

– А что я могу тебе сказать. Пока не вижу повода суетиться, бывали времена и похуже.

– Ты все шутишь. Я только сегодня уже три предложения получил: два – от агентов, одно – от игрока. Ты бы знал, от какого... Как с цепи все сорвались, – пожаловался Володя и уткнулся в мороженное.

– Да, Вова, тренер ты знатный, нарасхват... Может, меня агентом возьмешь? Не пожалеешь.

– Нет, ну ты представляешь, Ксаныч, у теннисных тренеров агенты появляются. Дожили, – продолжал переживать Крайнев, – футбол, елки-палки!

– А что тебе футбол? Богатейший вид спорта, теннису у него учиться надо. Вчера видел – нашим три безответных закатали? А они все равно в шоколаде. Колхоз «40 лет без урожая», а денег куры не клюют... Давай лучше выпьем.

После глотка граппы, упавшей в животе на мороженное, у Шубина потеплело на душе, он перестал иронизировать и заговорил серьезно:

– Я жизнь в теннисе прожил, Вова, но лучшее время – не когда валютный счет под старость наполнился, а когда в молодости тренером доблестного спортобщества

работал. Отбирал хороших малышей и учил их умразуму. Первенства всякие, чемпионаты, сборы, экипировка – все для них бесплатно. Сам – на зарплате, команда выиграла – премия. Тренером сборной стал. Уважение было... Тренировать ученика за деньги родителей – это только в кошмарном сне можно было представить. И потом – на тебе: свободный полет в поисках корма. У кого бабки – тот и талант. Сколько их приходило: ребенок у нас подвижный... мы знаем, что вы сможете... все будет оплачено... И сколько наших на это клонуло – и осталось у разбитого корыта! И ведь что обидно – лучшие не вписались. Посмотри, кто где: один прибил к частному клубу – членам технику шлифует, а там абразивный станок не поможет... Другой – к олигарху прилип, в команду, стало быть, попал: личный врач там, психолог, массажист, визажист, ну и тренер тоже; третий – фанат неугомонный – с утра хорошую девчонку до ума бесплатно доводит, потому что она из небогатых, а дальше весь день «подкидывает», чтоб концы с концами свести. Вот так. А ты говоришь, агенты, – Шубин замолчал и облокотился о стол. Его голова утонула в плечах, взгляд из-под набрякших век застыл, поджатые губы исчезли с лица – насыпился.

– Ну ты нагнал туч, Ксаныч. Давай смотреть с солнечной стороны. На дворе XXI век, Россия прет полным ходом. Кортю скоро будет как грязи, работы – непочатый край, тренеров – навалом. Мои ровесники не жалуются, все устроились. Есть, конечно проблемы: аренда дорогая, ученики скачут от одного спеца к другому, но это вопрос организационный: культуры контракта пока нет – вот

где бы агент пригодился. А в остальном – трудись. Хочешь – на родине, хочешь – за границей...

– Остановись, умник. Тебе легко рассуждать – ты счастливый билет вытянул и глядишь поверх голов. За границей, говоришь... Да, много нас там, только назови мне, кто хоть одну звезду подготовил? – Шубин сделал паузу и в упор посмотрел на коллегу. – То-то и оно. Потому что русские за границей – это диагноз, от которого избавляться – века. И почему из России, где все так прёт, особенно нефть, молодняк валит табуном, чтобы Пашей Маратовым стать? Помнишь такого? Уехал младенцем, «зазвездил» в Штатах, а мы потом вокруг него хоровод водили: сыграй за нас! Хорошо, нормальный человек оказался... А то, что кортю понастроили, – здорово, конечно, раньше бы так. Но, понимаешь, заехал я как-то в Москве в теннисный центр, где твой бывший тренер якорь бросил, – да-да, тебе же некогда старика навестить, ты все утех себе в свободное время ищешь, – и вижу: шесть площадок под крышей, и все днем заняты. Походил, поглядел и диву дался. Михалыч твой с пигалицей лет семи-восьми занимается: спарринг подбрасывает, он наблюдает – это понятно, а рядом сидят аж четверо – мама, папа, массажист и психолог! И все комментируют, все типа при деле... На соседнем корте, смотрю, два мужика-любителя мучаются; пригляделся: один – тренер! Чего-то рассказывает, что-то показал – думаю: хана тебе теперь, ученик, – а тот рад, дальше ковыряется. Потом закончили, попрощались, к нему другие приходят – мама с дочкой, целуются, он с дочкой дальше заниматься стал... И, ты понимаешь, все довольны... – Шубин опять остановился, сделал паузу.

– Так что, Михалыч жалуется? – спросил Володя, зная ответ.

– Да на что ему жаловаться – заплатили, и будь доволен, клиент хороший... Но он потом закончил, сели чай попить, и что сказал: жизнь поменялась, и мы с ней. Раньше тренер – была профессия, теперь – то ли ремесло, то ли образ. Одни считают себя алхимиками: дайте материал, условия, деньги – получите золото; другие – ты сам видел – маме понравился, детке улыбнулся – и живет безбедно; а папа платит, потому что в семье – комфорт: ребенок в спорте, мама при деле, всем хорошо. Но самое главное и обидное – этих, блин, самородков-тренеров стало как бомбил на вокзале: любой в телевизоре теннис посмотрел, в Интернете объявление дал «обучу недорого», и готов: если язык подвешен и хорошо экипировался – любимец публики. Но самое жестокое – кто платит, тот и прав. И тут что алхимик, что самородок: не показался – следующий... Уже детки, родителей послушав, рот открывают: у меня тренер плохой... Но главная-то проблема в чем – все детские турниры в стране так организовали, что только заплати, и заявиться в них можно как хочешь: хочешь – от тренера, хочешь – от мамы с папой, а хочешь – от черта лысого. А готов или не готов пацан – не важно. Раньше пойдти попробуй мимо клуба, без подписи старшего тренера или директора школы заявись – засмеяли бы. Вот такие, брат, дела!

Подошедший официант осведомился, не нужно ли принести что-нибудь еще, но друзья попросили счет.

– А то, о чем ты говоришь, продолжится очень просто: скауты появятся, будут молодняк для команд

фрахтовать... Всё как в футболе и хоккее. Вот только такие, как мы, кем станем – тренерами или заготовителями? – Шубин вздохнул.

Принесли счет.

В такси говорить не хотелось, и по дороге в гостиницу они молча смотрели на богато украшенные неонам улицы Нью-Йорка.

Глава 6

Олег Федотов вошел в лифт одной из башен Москва-Сити, набрал на панели пароль и стал подниматься в свою рабочую резиденцию на пятидесятый этаж. Резиденций у него было несколько, но всем тихим особнякам он предпочитал этот – зависший между небом и землей позвонок из стекла и стали площадью 500 квадратных метров. В сравнении с тусклым центром виды с высоты простирались захватывающие, и первое время после переезда в его ответе на дежурный вопрос «Как дела?» звучала смешная, но адекватная гордость: «Поднялся...»

В карьерных делах Олег Федотов тоже был на высоте. Однако, в отличие от тех, кто взмывал за облака и потом собирал обломки, или тех, кто отрывался на сантиметр и разворачивал рекламную кампанию, что, мол, парит над миром, он привык относиться к себе без пафоса, но с пониманием, чего стоит.

Обнаружить собственную ценность не очень рано, но и не поздно – на втором курсе Московского университета – помогла, как водится, закономерная случайность.

На факультете вычислительной математики и кибернетики от погруженных в дебри формул и аутентичных, как тибетские монахи, студентов быстро отпочковалась группа шустрых единомышленников, мозг которых не подавил остальные функции организма. «Последователи теории Ландау» – так они себя называли, ссылаясь на достоверные источники о любвеобильности покойного академика. Остальных однокурсников объявили тупиковой ветвью эволюции, или – «детьми Перельмана», в честь здравствующего гения-затворника.

Молодой Федотов – стройный лохматый математик – оказался лидером среди сообщников-ловеласов, так как помимо способностей к точным наукам имел дополнительную природную опцию – вызывать у женщин чувство, которое напоминает им, для чего они родились на свет. Обладая таким талантом и находясь в возрасте, когда в процессе доступа к женским прелестям больше интересует количество, а не качество, он не мог отказать во взаимности ни одной из дочерей Евы. Поэтому, повстречав на втором курсе веселую толстушку Катю с экономического факультета, Олег охотно внес «экземпляр» в реестр достижений с пометкой «экзотично».

Кто кого внес... В своем окружении она носила гордое прозвище Катя Нефть – ее папа заведовал в стране одним из многочисленных кранов, разливающих черное золото. Рядом с ней учились те, чьи машины перед университетом наглядно выдавали достижения их родителей в родной экономике, как, впрочем, и желание сохранить добытое с помощью внедренных в высшее образование детей...

Катерина долго отказывалась поступать в институт, мотивируя тем, что женское счастье не в дипломе, а в приличном муже (вы же хотите внуков, любимые мои родители!). Однако круг поисков семейного счастья она беспечно и однообразно сузила – дорогие рестораны, клубы и курорты. Фокус-группа там обитала, конечно, достойная, но все-таки больше нацеленная на удовольствие, которых богатая наследница поимела в избытке.

Терпеливый отец наблюдал за ходом эксперимента целых три года. Когда дочери исполнился 21, он объявил ей о дефолте и сказал, что на исходные финансовые позиции она вернется только после поступления в высшее учебное заведение. Катя проявила благоразумие, и через год с помощью восьми репетиторов последствия дефолта были устранены.

...В знак признания опробованных достоинств Олега она включила его в экипаж – состав друзей, путешествующих под ее лихим предводительством по ночным клубам столицы. Компанию всегда сопровождал охранник с кошельком и кредитной картой – дочери папа деньги уже не доверял. Для извоза всей братии имелись два джипа с водителями.

В тот бурный период их знакомства она – от большой любви – затащила Олега с собой на лекцию, посвященную административным процессам. Дело было в пятницу, вечером предстоял очередной вояж, и Федотов пошел на такую жертву.

Предмет вел состарившийся капитан большого бизнеса. В прошлом он славился тем, что из руин создавал успешные предприятия, а на педагогической работе

передавал знания, заставляя студентов решать управленческие задачи, основанные на собственном опыте.

...На большом экране проектора появилось задание: увеличить рентабельность филиала агропромышленного холдинга. Олег от скуки вник в исходные параметры, минуты три посидел с закрытыми глазами, что-то быстро начертил и после стал заглядывать к Екатерине в тетрадь, обратив на себя внимание.

– Я вижу, вам нечем заняться, молодой человек, – плотоядно произнес преподаватель. – Или, быть может, вы уже справились?

– Да, справился, – простодушно ответил Олег.

– Интересно. Мне на это понадобилось полгода. Какая акселерация! Ну, подходите сюда, посмотрим.

Олег покорно вышел к доске и протянул листок.

Через минуту прозвучал недовольный вопрос:

– Откуда возникла рентабельность в 23 процента, когда там может быть только 19?

– Я добавил потенциал личного ресурса сотрудников, – ответил Олег и быстро продолжил: – Объясню. Помимо обычных технологических решений, которые там приведены, – и они дают те самые 19 процентов, – здесь можно применить модель адаптивного поведения с позиций эволюционных и простых кибернетических принципов. Действия человека, сталкивающегося с необходимостью изменить существующее положение вещей, могут быть уложены в схему Карла Поппера... – Олег взял мел и уверенно нарисовал формулу на доске, – ... где «Р» – исходная проблема, «ТТ» – пробные теории, «ЕЕ» – устранение ошибок, «РР» – новые проблемы...

Будущие экономисты вместе с наставником уважительно слушали.

Минут через пять, когда Федотов оригинально обосновал появление безвозвратно потерянных для филиала четырех процентов, аудитория с искусственным воодушевлением, но одобрительно зааплодировала. Он удивленно посмотрел на первых в своей жизни – пусть и минутных – поклонников и краем глаза заметил незнакомое девичье лицо, напомнимшее ему образ какой-то красавицы из журнала кино прошлого века. Она одна сохраняла спокойствие, но при этом в ее взгляде чувствовалась другая заинтересованность, чем просто корпоративное удовольствие от снижения авторитета бывшего бизнес-гуру. Преподаватель без комментариев развел руками и спросил фамилию оппонента...

Выходя из аудитории, окруженный шумными компаниями по скорой гулянке Федотов обернулся, чтобы убедиться, не показалось ли ему насчет заинтересованности... Убедился. Глаза красавицы из прошлого века провожали его, но почему-то без хрестоматийной женской тоски – мол, уходишь, а я остаюсь, – а с едва скрытой за ресницами надменностью, словно говоря: сходи пока... Скоропостижно и отстраненно он вдруг понял, что гулять осталось недолго. И, как игла, пронзила парадоксальная по своей сути мысль: скорей бы!

На следующий день Олега разбудил назойливый звонок мобильного телефона. Не открывая глаз, он нажал кнопку, шепотом зомби проскрипел «алло» и снова провалился в сон.

...Диджей что-то прокричал и поставил новый микс с ухающим в печени ритмом и зловещим рефреном:

«Утром в десять ректор ждет! Утром в десять ректор ждет!» Все, кто танцевал на пятачке, окружили Олега и запрыгали на месте, криком повторяя те же слова. Затем кольцо безумствующего хора навалилось на него, он упал на спину, кто-то сжал горло...

С хрипом набрав воздуха, Олег проснулся. Тяжелая рука спящей на животе Екатерины удавом окольцевала его шею и прижала к подушке. Он освободился, сел на кровати, поднял с пола телефон и посмотрел на дисплей: «15:00, суббота, 28 апреля».

В голове зашевелились клочки мыслей: «Каткина спальня... я же не хотел... или хотел... шторы беспросветные – можно спать до воскресенья... семинар в два часа...» На этом месте клочки разлетелись, уступив место тревожному удару колокола: «Утром в десять ректор ждет!» От этого набата в висках Федотов со стоном рухнул обратно на подушку, поднес к глазам телефон, нашел последний принятый вызов и нажал кнопку. «Приемная ректора МГУ, добрый день...» Он судорожно прервал связь и застонал еще громче.

– Ты меня разбудил, – очнулась подруга и, потянувшись, игриво добавила: – Требую компенсации...

– Понимаю, – загробным голосом ответил Олег и затих.

– А я – нет, – недолго молчала Екатерина. – Что с тобой?

– Скажи, что мы вчера натворили? – вопросом на вопрос ответил он. – Меня в понедельник вызывают к ректору...

– Круто. А зачем?

«Боже мой, с кем я сплю», – тоскливо подумал Федотов.

За воскресенье, зная, что в субботу толку не будет, он обзвонил всех участников проведенного вместе ночного рейда, но умнее не стал. Каждый подтвердил отсутствие аномалий и полную лояльность коллектива по отношению к персоналу, гостям и интерьеру трех (или четырех) клубов.

Ясность наступила в понедельник.

...За журнальным столом в кабинете ректора сидел Сам и потчевал чаем казенного вида посетителя – абсолютно лысого мужчину без возраста с острым взглядом из-под очков в золотой оправе.

– Присаживайтесь, молодой человек, – доброжелательно пригласил застывшего на пороге Федотова знаменитый шеф МГУ, – Максим Андреевич хочет с вами поговорить.

«В ночных клубах я этого яйцеголового не встречал, уже легче», – пронеслось в голове у Олега, и он занял место на краю кресла.

– Не переживайте, молодой человек, у нас к вам нет претензий, – начал тот, – напротив, ваша успеваемость заслуживает поощрения, и я бы хотел выразить его в конкретном предложении...

«Что за чертовщина, – подумал Федотов, – где-то я читал о методах вербовки на службу Родине в недалеком прошлом, но ко мне-то какое это имеет отношение?»

– Ваши способности могут быть полезны одной из наших госкорпораций, которая заинтересована в привлечении новых перспективных кадров для развития

экономического потенциала страны. Вы меня понимаете? – глядя в глаза студенту, спросил яйцеголовый.

– Да, конечно, – смиренно ответил озадаченный Олег.

– Так вот, – продолжил гость, – я не буду рассказывать подробности, раздвигать горизонты и прочее. Я предлагаю вам продолжить обучение на факультете государственного управления с последующим гарантированным и высокооплачиваемым трудоустройством. Ваши моральные потери будут компенсированы ежемесячным грантом, который позволит вам самостоятельно оплачивать расходы, необходимые для выхода вашей энергии в ночное время с друзьями. – Максим Константинович сделал паузу и продолжил: – Если, конечно, это не будет мешать учебе. Вы меня понимаете?

– Мне надо подумать, – сглотнув слюну, произнес растерявшийся Федотов.

– Вот и хорошо. Если бы вы согласились сразу, я бы дезавуировал свое предложение. Ступайте и подумайте. Через неделю я вам позвоню, и, надеюсь, все будет в порядке.

Ректор мило улыбался и доброжелательно кивал головой.

...Спустя годы, логически анализируя шаги по жизни, Олег пришел к выводу, что поступил верно.

Организация, куда его призвали на работу после университета, занималась легальным приумножением финансовых ресурсов, полученных от продажи добытого на территории государства сырья. Каждый из таких же спецов, как он, имел право на пятипроцентный

авторский доход от реализации разработанного проекта при его удачном воплощении. Неудачные проекты делали разработчика госслужащим с хорошей зарплатой, но без права заниматься коммерцией – портить жизнь государство испокон веков умело виртуозно...

За 20 лет Федотов не ошибся ни разу, и его собственные активы разрослись до олигархических размеров. Правда, руководство озадачивало время от времени решением социальных внебюджетных задач, тестируя выращенного богача на лояльность, но он умел без заметного ущерба придумывать схемы взаимного удовлетворения сторон.

Год назад ему поручили поддержать национальную федерацию тенниса. Все верно: дочь всерьез занялась этим видом спорта – деваться некуда...

К занятиям физическими упражнениями они с женой относились спокойно, то есть никак, потому что обоим повезло с наследственностью. Перед свадьбой, на четвертом курсе, они узнали о размерах одежды друг друга, и с тех пор новых знаний в этой области не приобрели. Оголтелым поклонником какого-либо спорта он тоже не был и, попадая по случаю на футбольную VIP-трибуну «Лужников», сидел там без душевного подъема. Скорее, наоборот: легко просчитав математическое несоответствие затраченных средств качеству конечного продукта, ощущал досаду от соприкосновения с исторически сложившимся беспорядком.

Предложение заняться теннисом поступило, как ни странно, от человека, эту игру на дух не переносившего. По легенде, его – работавшего министром – первый

президент страны отказался принять по важному делу, сказав, что еще идет игра.

Зачем нужно помогать самому успешному в России виду спорта, он не рассказал, но по опыту Олег понял – это не блажь. Пришлось изучить проблему.

В недельный срок аналитики составили Федотову досье на отечественный теннис. Содержание удивило, и даже возник вопрос: куда попали жена и дочь?..

Из прочитанного следовало, что популярность тенниса – зашкаливает; новые корты строятся повсюду, включая районы вечной мерзлоты; многочисленный приток занимающихся – от мала до велика – неудержим и постоянен; количество турниров разного уровня переваливает за несколько тысяч в год. С другой стороны, цена аренды одной площадки в час в среднем в три раза превышает аналогичные показатели по Европе; в связи с отсутствием лицензирования тренерской деятельностью занято огромное количество непрофессионалов; из-за дороговизны процесса подготовка спортсменов высокого класса переносится за рубеж. Далее: Федерация тенниса России как организация дисперсна и не имеет собственного офиса, а активы в подчинении, наполняющие ее бюджет, отсутствуют.

Еще через две недели менеджеры его компании подготовили программу реорганизации теннисной отрасли, и он вступил в переговоры с Султаном Победовым. Переговоры проходили трудно, но конструктивно. В итоге Олег Федотов занял ключевой пост исполнительного президента ФТР с единоличным правом подписи финансовых документов, а Федерация приобрела ежегодный

бюджет и штатное расписание, где каждый получил зарплату, заставившую напрочь забыть о дополнительных источниках дохода.

В течение года ФТР стала собственником трех теннисных центров в Москве, Екатеринбурге и Черногории, где на круглогодичной основе бесплатно стажировалась перспективная молодежь со всей страны. (Узнав имена конечных бенефициаров этих приобретений, Олег удивленно чертыхнулся, но шум поднимать не стал.) Объединив доселе действующие в отечественном теннисе проекты в единый холдинг, Федерация смогла материализовать свой бренд на базе многоуровневого членства, что покрыло расходную часть бюджета (бизнес-друзья Федотова помогли с удовольствием). Офис ФТР разместился в одной из башен Москва-Сити.

...Лифт достиг нужного этажа, и Олег вышел в холл, который являлся приемной его резиденции.

Помещение было ярко наполнено натуральным дневным светом, потому что противоположная от лифта стена представляла собой окно с видом на Москву-реку, извилиной уходящую в сторону Воробьевых гор. Простиравшаяся далекая перспектива походила на фотографию со спутника, озаренную натуральным солнцем; о том, что это не картография, а живой город, напоминали вспученно торчащие башни старых и новых высоток.

Напротив друг друга через холл располагались две прозрачные двери. На одной гордо красовались выгравированные три мяча и надпись: «Федерация тенниса России», визави – Auditvision Ltd, мозговой штаб компании

Федотова. За обеими дверями находились стеклянные перегородки между отсеками, которые занимал штатный персонал соседствующих организаций.

Разница между соседями носила метафизический характер. Одни красиво тратили деньги, другие – умели красиво их зарабатывать. И первые и вторые нашли общий интерес и сейчас дружно бросили работу, чтобы посмотреть в записи трансляцию финального матча из Нью-Йорка – встречались Вика Берцкая и Лиза Федотова.

Секретарь Марина, вышколенная фотомодель со знанием четырех языков, смущенно пожала плечами и рукой показала начальнику в направлении Федерации, где в переговорной у плазменного экрана собрались все два офиса. Оттуда доносились гул и эмоциональные вскрики.

– Они что, не знают, что финал уже закончился? – имея в виду разницу во времени, поинтересовался Федотов. – Лиза проиграла.

– Знают, но матч-то был интересный, – проявила осведомленность Марина.

– Это да... – согласился Олег и велел соединить с Победовым.

В своем кабинете – единственном отсеке, отгороженном от остальных непрозрачной стеной, он засмотрелся на ослепительный вид тронутой сентябрем Москвы. Привычный урбанистический пейзаж оставался тем же, но налет желтизны на покрове деревьев уже очерчивал неизбежные изменения в климате.

Зазвонил телефон. Не походя к столу, Федотов отчетливо произнес: «Слушаю!», – и разумный аппарат,

распознав его голос, переключился на громкоговорящую связь.

– Привет! Давно вернулся? – заполнил пространство доброжелательный тембр Султана Победова.

– Вчера. Поздравляю с очередной победой российско-го тенниса. Ты где?

– Тебе спасибо. Лечу из Хорватии. Местные друзья прямо из Штатов забрали на один день в Загреб открыть филиал Академии. Вечером буду дома.

– Надо переговорить. Завтра к двум часам до «Большого шлема» доберешься?

– Если мэр не дернет, буду.

– Договорились. Счастливой посадки. До завтра.

Через пять секунд связь автоматически прервалась.

«Большим шлемом» назывался ресторан в тихом квартале Замоскворечья. Его созданием и запуском по просьбе Олега занимался известный московский ресторатор Стариков, для которого новая концептуальная задача вызвала профессиональный интерес – общий зал, дополненный четырьмя отдельными секциями, и кухня «фьюжн». Он блестяще справился с решением.

Каждая секция являлась кабинетом на шесть-восемь человек с отдельным меню. В первом, который назывался Australian Open, декор был посвящен отдаленному континенту с его неизменными атрибутами – бумерангами, шкурами культовых зверей, восковой фигурой аборигена (с копьем и теннисной ракеткой) и прочими этнографическими изысками. Меню предлагало запить

австралийским вином мясо кенгуру, приготовленное всевозможными способами.

Интерьер второго кабинета под названием Roland Garros окунал в атмосферу парижского кафе, где можно утром позавтракать горячим круассаном с кофе, а вечером отличиться заказом порции тушеных лягушачьих лапок заодно с улитками или устрицами под холодное шабли.

Третьим, в соответствии с календарем турниров, шел Wimbledon – уютный маленький паб, оформленный в фиолетовых и зеленых тонах знаменитого стадиона. Тут встречал гостей неизменный «Гиннес», а десерт – соединял клубнику со сливками.

Последний из кабинетов – US Open – напоминал заведение, знакомое по фильмам про ковбоев. Триумфа гастрономии здесь не предусматривалось, но ожидание гигантских порций стейков скрашивал бесплатный «Джек Дэниэлс» со льдом.

Географические и национальные аллюзии дополнялись фотографиями российских теннисистов и их ракетками, которыми они совершали последний победный удар в соответствующем турнире. На экранах можно было посмотреть не только прямые трансляции – с помощью телеменю из архива вызывался любой из записанных когда-либо матчей, и поседевшие чемпионы, отмечая в кабинете свои дни рождения, наглядно показывали детям, почему тут на стене висит папина (или мамина) ракетка.

Общий зал ресторана имел относительно аскетичный вид, но стиль создавали развешанные по периметру

и увеличенные до плакатных размеров голографические копии шедевров мировой теннисной фотографии. В обрамлении багетов со специальной подсветкой они подобно музейным инсталляциям впечатляли и тонизировали посетителей. Помимо этого хорошему настроению способствовали длинноногие официантки, одетые как для выхода на корт.

...Отдавая дань Лизиному выступлению, пообедали в зале US Open, где шла передача с лучшими моментами прошедшего женского финала. Победов, поглядывая на экран, давал профессионально точные комментарии отцу финалистки и резюмировал:

– Не расстраивайся, обе играли прилично, твоей чуть меньше повезло.

– Похоже, – согласился Федотов, – но все равно обидно. Да и как-то странно выглядит: обе из России, а болеют больше за Берецкую. Хотя, конечно, понятно – она же с детства в Штатах.

– У американцев нет другого выхода – только за нее с братом и болеть, они там лучшие, – заметил Победов.

– Хорошо, – взяв чашку с кофе обеими руками, произнес Олег, – давай о главном: какие у тебя новости? Я имею в виду большие. Сам я получил предложение масштабное, и, как понимаю, тебя в стороне тоже не оставили...

Зная аналитические способности собеседника, Султан долго не думал:

– Мне предложили баллотироваться на пост президента МТФ, а тебе?

– Мне нет. Кому это больше надо – тебе или тому, кто предложил?

– Если ты поддержишь – мне. Вернее, всем участвующим. Если я правильно понял и мы говорим о новой командной Лиге, а ты получил предложение ее поддержать, то – мы все в одной лодке. Об этом разговор?

– Правильно понял, – согласился Олег, мысленно признавая проницательность Победова. – Но, думаю, вернее будет не «поддержать», а купить. Месяц назад мой американский партнер по инвестиционному фонду рассказал мне, что к нему приходил шеф ПТА с предложением стать главным спонсором Лиги. Я просчитал, что надежней это хозяйство иметь в собственности, но взял тайм-аут. Теперь ты расскажи.

– Предложение по президентству поступило в виде идеи того же Рабински, но по моей кандидатуре ноги растут из Global Agent Service. Они склоняют Чака подписать с ними эксклюзивный контракт, чтобы поднять стоимость игроков, и на этом этапе готовы помогать ему во всем, включая мое продвижение вверх. Они надеются, что, став президентом, я пролоббирую обильное размещение рекламы на форме теннисистов, играющих турниры под эгидой МТФ. Помимо связей Стива Кларка, который может многим авторитетно посоветовать проголосовать правильно, Рабински обозначил желание профинансировать мою предвыборную платформу: Фонд Лиги – для поощрения федераций, чьи спортсмены попали в составы 10 команд. Вот так, – закончил Победов.

– Красиво, – усмехнулся Федотов. – И каков же размер этого фонда?

– Не знаю. Тебе, оказывается, виднее.

– Вот именно, – медленно проговорил Олег. – Надо подумать...

– Естественно, – улыбнулся Султан, – лучше тебя никто этого не умеет, – но внутренне напрягся и продолжил: – На размышления есть месяц. Только имей в виду: думаешь не ты один – наверняка еще три-четыре адресата занимаются сейчас тем же. Я считаю, эту тему надо брать под себя. Не мы – другие возьмут. Проект Лиги дает преимущества во взаимоотношениях с игроками, которые часто чем-то недовольны – календарем, призовыми, правилами, – а здесь они делают то же, что и всегда, только за дополнительную годовую зарплату. В конце сезона мы собираем две лучших команды на два дня, например, в Москве – можно поговорить с мэром насчет Гостиного Двора. В общем, с кем спортсмены, тот и правит.

«Похоже, он идею полностью акцептировал, – подумал Федотов. – Знак. Надо считать дальше».

Отвечая на его мысли, Султан добавил:

– При удачном раскладе ты просто вводишь взнос за участие команды в Лиге плюс рекламные доходы от организации финального Кубка... Ладно, остановлюсь. Что я тебя учу деньги делать...

С извинениями в кабинет вошла официантка в форме «Ники» и, уважительно склонившись к Победову, сообщила, что приехал курьер с документами и в зале еще четверо в ожидании встречи.

– Ну что, обед прошел в дружеской, конструктивной обстановке. Я пошел ковать удачный расклад, а тебе удачного старта, я «за», – подвел итог Федотов.

– Спасибо, на связи.

Глава 7

Чак волновался. Уже наступила середина октября, время отмеривается обратным отсчетом, а он перелетел из Лондона в Нью-Йорк в полном неведении, для чего понадобился. Конечно, это большая честь – получить приглашение от негласного Инвестиционного Монарха Америки, его приемная роскошна и уютна и скорее похожа на бар закрытого элитного клуба. Но после того как всё согласовали, подписали и пожали руки, какого черта...

В этот момент погруженный в свой ноутбук референт получил беззвучный сигнал, встал и пригласил Рабински войти, вежливо открыв перед ним дверь.

У панорамного окна с видом на статую Свободы хозяин кабинета, видимо, что-то показывал посетителю, который вглядывался вдаль.

– Привет, Чак. Заходи, знакомься: Олег Федотов. Мы тут спорим, где вид из окна лучше – в Москве или Нью-Йорке? У Олега, правда, есть преимущество выбора – я-то у него в кабинете не был, – по-свойски доложил распорядитель своих и чужих миллиардов. Его не по-стариковски гладкое мясистое лицо, одухотворенное порцией многолетнего виски, источало благодущие.

Сюрприз. Именно этого человека он видел выходящим из кабинета Монарха в начале лета, когда приезжал подписывать учредительные документы Лиги.

– Я знаю, – вырвалось у Рабински.

– Что ты знаешь? – Монарх в секунду напрягся, отчего его гладкие щеки набрякли, как у собаки породы

«боксер», и на мгновение даже показалось, будто он ошетинился. – Имя? Или чей вид из окна лучше?

Олег Федотов тоже в недоумении застыл, успев только повернуть голову от окна, и ждал продолжения.

«Немая сцена: провал резидента», – подумал Чак и вслух продолжил: – Извините, мистер Федотов. Мне заочно представили вас как отца Лайзы. Теннисный мир тесен, все друг друга знают, даже если незнакомы.

– Вот-вот. Тесен мир, скоро будем лбами сталкиваться, – расслабился Монарх, – хотя это уж вы без меня – не доживу. Зато в гроб с целым лбом лягу, – закончил он шуткой и первый самодостаточно захохотал.

– Рад встрече, – наконец заговорил Федотов. – Благодаря дочери моя фамилия становится известной. Я еще не привык.

– Главное – вовремя отвыкнуть, когда она закончит с теннисом и нарожает тебе внуков, – вновь засмеялся собственной шутке Монарх и вдруг серьезно продолжил: – Послушай, Чак, мы с Олегом давно знакомы, он – один из немногих в России, с кем я веду дела, и поэтому мы договорились вот о чем: мой контрольный пакет в Лиге он покупает, ты остаешься на месте, а я ухожу обратно в гольф; староват я для вашего тенниса. Да, и не забывай – ничего личного...

Чак посмотрел в угол на стоящую в специальной вазе платиновую клюшку для гольфа, подаренную хозяину кабинета на день рождения, и подумал: «Хорошо было бы треснуть подарком этого финансового монстра по заднице...»

– Я думал, что русский бизнес больше интересуется футбольными клубами английской премьер-

лиги, – хладнокровно высказался Рабински, но тут же с излишним нажимом спросил: – Зачем вам теннис?

Федотов посмотрел в окно на экскурсионный корабль, вдалеке огибающий символ свободы Америки, и, пожав плечами, честно ответил: – В нем моя жена и дочь.

...Катастрофы не произошло, и даже наоборот – по первому размышлению, позиции Рабински укрепились, потому что новый стратегический инвестор сразу объяснил, что все остается как есть и никаких изменений в ход событий он вносить тоже не собирается. Федотов даже попросил оперативно обращаться за помощью, если таковая понадобится для доведения всех деталей проекта до идеала. В присутствии довольного заключенной сделкой Монарха (хорошо, черт побери, иметь дело с людьми из нефтеносных стран!) как гаранта доверительности между собеседниками Чак обрисовал достигнутое и откровенно доложил о тактических планах, связанных с МТФ. Комментарии и вопросы, заданные Федотовым, однозначно дали понять – его понимание сути процесса не оставляет шансов работать с риском для успешного результата.

«Так оно, может быть, и лучше, – подвел черту Рабински, устав взвешивать все за и против на обратном пути в аэропорт. – Говорили же мне, что с русскими думай не думай – все равно не разберешься!»

То, что происходило дальше и окончилось к Рождеству, один из теннисных журналистов сравнивал

с огненным валом – артиллерийским обстрелом, накрывшим заданные цели, чтобы расчистить плацдарм для продвижения наступающей армии.

Первой волной прошла Генеральная ассамблея Международной теннисной федерации, где выдвинутый кандидатом от России тезис «сильные игроки – богатая федерация», подкрепленный обещаниями сделать для этого всё посредством взаимодействия с грядущим проектом «Лига», не встретил возражений.

По причине внеочередности Ассамблею проводили в Вене, избавив тем самым собравшихся от необходимости испытывать экзотическое гостеприимство отдаленных уголков планеты. Атмосфера центра Европы добавила благодушия большинству и без того мирно настроенных делегатов. Одни из них, обремененные намеками неформальных руководителей, мудро подтвердили свою лояльность; другие – кто со скрипом, кто с почтением и удовольствием – откликнулись на просьбу Стива Кларка довериться его совету, а лидеры ведущих федераций, имевшие по многу голосов, давно все сосчитали...

Приверженцы ортодоксальной независимости во мнениях традиционно оказались в меньшинстве и по итогу поняли, что от них уже ничего не зависит.

Озабоченный запрос от представителя тенниса Монголии: «Конкретно – когда и сколько?» был под дружелюбный смех отбит ответом: «Когда ваши будут в десятке»...

Голосование состоялось.

Султан Победов принимал поздравления. Чак Рабински поставил «галочку». Алекс Фриш потирал руки. Олег Федотов считал...

Следующим событием, которое кто-то назвал «очищающим цунами», стало действие, произошедшее в середине ноября в Лас-Вегасе.

Презентация United Tennis League – Объединенной теннисной лиги – готовилась в интригующем режиме. Сайт ПТА давал уже известную информацию о регламенте, по которому 10 команд – по пять мужчин и женщин в каждой – набирают за сезон очки на основе выступлений своих спортсменов в одиночных турнирах ПТА и МТФ. По итогу две лучшие команды встречаются в очном поединке в конце сезона. Но детали, подробности – пища знатоков – отсутствовали; касаясь теннисистов предлагалось обратиться к их агентам...

Представитель Global Agent Service Алекс Фриш, уже подписавший с ПТА контракт на право представлять 60 процентов игроков Лиги (помня о Татьяне Федотовой, Чак на большее не согласился), от имени всего агентского сообщества многозначительно отделялся общими фразами и прогнозами о позитивном будущем своих клиентов. Сами теннисисты быстро поняли, что, делая обычную работу, они получают солидный дополнительный доход, и в подробности не погружались. Тренеры знали то же самое, а те из них, кто находился в секретных переговорах, виду не подавали.

Разосланные приглашения лапидарно сообщали, что церемония жеребьевки команд состоится в отеле

«Белладжио» в Лас-Вегасе, с указанием числа, времени и места за столиком в зале, где проходят представления Цирка дю Солей. На обратной стороне стояли 10 логотипов весом больше миллиарда каждый.

Глава 8

В пресс-центре отеля все кресла имели на верхней спинке дисплей с названием средства массовой информации, приславшего своего представителя. Свободных мест не было; более сотни журналистов жаждали ясности – как в реальности начнет функционировать Объединенная теннисная лига. Традиционный задник представлял собой огромный жидкокристаллический экран без намеков на интересующие подробности – на нем в хаотическом порядке приближались и удалялись лица теннисистов попеременно с логотипами ПТА и ОТЛ.

Наконец появился Чак Рабински в компании привлекательной темноволосой спутницы, в которой все дружно опознали бывшую королеву кортов и светских раутов Иванну Петрович.

Прошел одобрительный гул. Кто-то не выдержал: «Хороший выбор, Чак!»

– Уважаемые господа! – с приветливым пафосом обратился к аудитории Рабински. – Разрешите представить вам пресс-атташе нашей Лиги – Иванну Петрович. Наряду с ее заслуженными спортивными достоинствами, о которых многие из вас в недалеком прошлом часто писали, хочу отметить, что она окончила факультет

журналистики Белградского университета, основала собственный спортивный журнал в Сербии и – что немаловажно – имеет опыт общения с вами... – Чак ободряюще кивнул Иванне. Она бойко начала:

– Дорогие друзья, завтра состоится процедура распределения игроков по командам Лиги, и я надеюсь, вы уже получили пресс-релизы, но, зная, что не всегда есть время изучить детали, мы готовы дать дополнительные разъяснения сегодня.

Часть поверхности стола перед Иванной занимала похожая на шахматную доску панель с проекцией поименной рассадки журналистов. Желающие задать вопрос нажимали кнопку в подлокотнике своего кресла, и на столе зеленым светом загорался квадрат с названием соответствующего издания; касание квадрата ведущим включало микрофон в зале.

Вся панель в момент позеленела. Зная многих в лицо, Иванна интуитивно начала выстраивать очередность на основании эмоциональной памяти от прошлых контактов с масс-медиа. «Автор книги «Балканское чудо» – пусть спрашивает первым, а этот придурок тут как тут – 10 лет терзал меня вопросами о беременности и опять тянет руку – получит слово в конце. Хотя, может быть, и пораньше – что-то новый муженек не торопится», – пронеслось у нее в голове. От последней мысли последовательность сбилась, и она не глядя нажала на первый попавшийся зеленый квадратик.

– Последние три года профессиональные турниры мужчин и женщин проводятся вместе. Новая лига также объединяет спортсменов в смешанные команды. У вас

есть статистика, подтверждающая правильность выбранного пути?

– Безусловно. Точные цифры вы можете еженедельно изучать в журнале «Спорт и телевидение». Мы считаем, зрительский интерес сфокусировался, потому что каждый турнир стал уменьшенной копией турнира «Большого шлема» – а это формат, проверенный временем. Концентрация теннисистов обоих полов в одном месте расширяет диапазон внимания болельщиков при выборе объекта предпочтения – известный в психологии нюанс. Добавлю, что в актив можно записать пять заключенных браков, и эти семейные пары, не расставаясь, продолжают играть в туре. Правда, букмекерам добавилось забот, они принимают ставки: кто следующий объединится в микст под марш Мендельсона и через какой срок ждать потомство.

– Где пройдет финал?

– У нас были заявки от Лондона, Сингапура и Атланты, но права на проведение финала приобрела Москва. Заслуги российского тенниса неоспоримы, и противоположных указаний мы не нашли.

– Вы не боитесь, что этот эксперимент с командами разрушит вековые традиции игры?

– А может быть, освободит от вековых оков? Согласитесь, в сравнении с баскетболом, футболом или хоккеем теннис катастрофически недооценен. Спортсмены на корте проводят в разы большее время, испытывают огромную и непредсказуемую нагрузку в отличие от коллег из упомянутых видов спорта, но при этом в начале сезона не знают, сколько заработают в конце. Но ваше

волнение излишне – основ игры мы не затрагиваем: теннисисты продолжают делать свою обычную работу, участвуя в загодя запланированных турнирах в соответствии с правилами ПТА и МТФ, но только заработанные в одиночных матчах очки еще идут в копилку команды. По итогу выявятся две лучших коллектива, которые в конце сезона встретятся между собой в очном двухдневном поединке. Что здесь разрушительного?

– Жеребьевка может собрать в одну команду большинство сильнейших. Будет ли тогда смысл участвовать в Лиге остальным?

– Не может. Принцип набора этого не допускает. Напомню, в составе каждой команды 10 человек – пять мужчин и пять женщин. С помощью целевой жеребьевки спортсмены первой десятки рейтинга – у мужчин и у женщин – рассеются в разные 10 команд; вторая десятка аналогично, и так далее.

– Как быть с владельцами команд, если они, выплачивая игрокам зарплату, захотят управлять ими по своему усмотрению?

– Во-первых, управлять теннисистами – в спортивном понимании этого слова – здесь бессмысленно, так как уникальность проекта в соединении традиционно индивидуального набора очков на основе Чемпионской Гонки и командного подсчета суммы этих очков. Кстати, хочу напомнить: еженедельно в зачет идут только лучшие три результата у мужчин и женщин. Возможно, через какое-то время назначать на каждую турнирную неделю шесть основных, зачетных игроков и будут нанятые владельцами капитаны из числа бывших профессионалов. Если

же вы говорите о коммерческом использовании команды как бренда, то я не думаю, что кто-либо из участников процесса будет заинтересован в нарушении баланса, при котором обе стороны полностью зависят от успешности друг друга.

– Вы предусматриваете наличие трансферного рынка в Лиге?

– Безусловно. Командный формат предполагает обмен и продажу спортсменов, и я не думаю, что мы станем исключением. Посмотрим на это в развитии, и в конце следующего сезона я предполагаю появление окна для перемещения лидеров из одной команды в другую...

Через какое-то время, устав витиевато скрывать не предназначенные для дотошных журналистов детали, Чак косо и выразительно посмотрел на Иванну. Та понимающе кивнула, со словами «последний вопрос, джентльмены» на мгновение занесла палец над панелью и прицельно опустила его на выбранный квадрат.

– Госпожа Петрович, вы недавно вышли замуж в третий раз, но...

В назначенный день и час весь цвет мирового теннисного сообщества собрался в знаменитом отеле.

В фойе Рабински встречал гостей вместе с привлеченным ассистентом, символом хорошего настроения Америки – Фредди Ремфи, который во весь рот улыбался и зазывал гостей посмотреть на то, чего они в жизни еще не видели...

«А ведь если сейчас здание рухнет – теннисная жизнь на планете Земля остановится, – откуда-то посетила

голову Чака по-детски деструктивная мысль. – Все здесь... и надо будет всё начинать сначала... а сам-то я где буду... Бред. Это от усталости».

– Эй, Чак, я пожал руки стольким великим чемпионам. Это улучшит мой удар справа? – вернул Рабински на землю воодушевленный Ремфи.

...Привычную цирковую арену в этот раз заменила уменьшенная копия корта с изумрудного цвета ковровым покрытием. Ряды заранее сервированных столов, уступами уходящие вверх, превратились в один большой VIP-амфитеатр для многочисленных представителей теннисной знати. Ломая голову над рассадкой, Чак и его команда выкрутились – верхние места заняли те, кто моложе.

На корте шел одиночный мужской матч. Неизвестные зрители на сцене синхронно поворачивали головы, следуя за полетом мяча, и так же синхронно и гулко вздыхали перед тем, как захлопать в ладоши.

Заинтригованные гости расселись, заказали напитки и попытались распознать участников поединка. Однако безрезультатно – фантастического качества компьютерная графика выводила на арену объемное изображение живых людей, но идентификации не предполагала, табло тоже отсутствовало. Цирк!

Качество зрелища было таково, что аперитивный звон бокалов затих. Многие из присутствующих стали улавливать нечто близкое, узнавать что-то свое – элемент техники, отшлифованный когда-то до блеска; случившийся однажды неповторимый розыгрыш мяча; классно выполненный удар, после которого тогда по божьему

велению возник победный кураж... Эkleктично, но талантливо скомбинированный в виртуальном виде ход матча достиг цели – реальных зрителей проняло, потому что любой мог сказать: это – про меня...

Не прошло и пяти минут, как внезапно над игравшими разразился ливень. Площадка быстро покрылась лужами и опустела, а болельщики на сцене, раскрыв зонты, дружно покинули трибуну. Свет над ареной медленно погас; еле слышно прозвучал отдаленный гром, который, стихая, увлек с собой шум дождевых капель.

Все замерли – считать увиденное увертюрой или финалом?

Резкий свет двух прожекторов несколько раз лучами перекрестился на корте, пока не обнаружил две фигуры с микрофонами в руках: Фредди Ремфи и Чак Рабински.

«Мистер американский смех» сделал фирменную улыбку «во всю сцену» и произнес:

– Дамы и господа! Мы начинаем! Я, если честно, плохо понимаю, что произойдет в конце, но, во-первых, рядом стоит знающий толк в теннисе Чак Рабински, а во-вторых, у меня уже есть опыт – я вел церемонию «Оскара» и тоже не понял, почему всё так распределилось...

Зал отзвучиво засмеялся. Слово взял Рабински:

– Извините мое присутствие на сцене, но кто-то должен следить, чтобы Фредди не превратил собрание в комедийное шоу. Проект «Объединенная теннисная лига» долго готовился, много обсуждался и, к счастью, показал, что равнодушных людей в нашем спорте нет. И судя по количеству знаковых персон, собравшихся сегодня, мы

имеем полное право дать старт первому этапу – провести жеребьевку теннисистов по командам.

– Среди знаковых, как сказал Чак, есть и культовые, – вступил Ремфи. – Именно поэтому на их столах стоят вазы с теннисными мячами, розовыми и голубыми. Запоминайте, это атрибуты жеребьевки.

Те, кто наблюдал за церемонией в Интернете и по телевидению, увидели похожий на бокал сосуд из прозрачного стекла с двумя мячами «Данлор» (пять миллионов – в казну новой Лиги).

– Угадайте, какие для девочек, а какие для наоборот, – веселился король комедии, но, не развивая жанра, повысил голос и торжественно объявил:

– Итак, с нами глава Международной федерации тенниса Султан Победов! Автор рекордов! Если разбить копилку его достижений – хватит на всех...

Султан встал, приложил правую руку к сердцу, а левой дружелюбно помахал залу.

– Если я правильно понимаю, – продолжил Мерфи, – здесь все друг друга знают и мне не надо официально представлять ваших знаменитых коллег, они – живая история мирового тенниса, но все же... Нас осчастливил своим присутствием Сьен Торк! Помните, в школьных учебниках – земля вращается? Это от его ударов справа!

Поседевший широкоплечий блондин двумя руками поднял над головой вазу, как когда-то поднимал очередной победный кубок, и, посмотрев на нее, знакомо ухмыльнулся.

– Следующие мячи – под надежной опекой женских рук. Легенда тенниса – Эйрис Крафт! В кошмарном сне

я видел, что посылаю ей легкий мяч под бэкхенд и выхожу к сетке...

Хорошо сохранившаяся почтенная леди обернулась к залу и послала воздушный поцелуй всем вокруг.

– Внимание, господа! Энин Верн! Неповторимая и непобедимая! Она снова с нами. Кому довелось встречаться с ней на корте, могут гордиться...

Бывшая чемпионка, когда-то шокировавшая своим ранним уходом теннисный мир, удивила снова: ее не узнали в поднявшейся миниатюрной даме, которая, видимо, испытала на себе искусство лицевой пластики. Начавшиеся хлопки недоуменно стихли, но в этот момент она улыбнулась, и знакомая улыбка моментально вернула память о хрупкой спортсменке, покорительнице вершин «Большого шлема». В приветственном шуме раздался возглас: «Браво, Энин!»

– Сюрприз... – произнес Ремфи и сделал паузу так, что стало непонятно: надо пережить встречу с Энин Верн или подготовиться к новой неожиданности. – Пятую порцию мячей нам покажет великий и грозный... затворник Карел Ивандл! Могу открыть секрет – он перестал ждать сыновей от своей жены, потому что первая дочь родила ему внука. Ваши поздравления!

В сухощавом пожилом мужчине с впалыми щеками трудно было узнать бывшего Царя Карела, обладателя всех, кроме уимблдонской, наград в XX веке. Он встал и скромно поклонился, держа вазу у пояса. Зал одобрительно загудел и заохал, кто-то отчетливо крикнул: «Добро пожаловать домой, старик!»

– Итак, мы попросим представленных героев выйти на сцену, извините, на корт, – Ремфи сделал приглашающий жест рукой.

– И не забудьте, пожалуйста, мячи, – добавил Рабински.

Под бравурный марш легенды тенниса вышли на арену, встали в ряд и дружно подняли руки в ответ на бурные аплодисменты. Учить их было не надо – 10 логотипов «Данлор» в ладонях смотрели в зал – все понимали, что такое респект спонсорам.

Неожиданно на корт беззвучно выехала тележка в виде столика, на котором лежала спортивная кожаная сумка, потертая настолько, что даже наехавшая на нее объективом телекамера не отобразила на крупном плане никакого товарного знака или эмблемы. Из сумки узнаваемо торчали лишь ручки теннисных ракеток.

– Прошу вооружиться, – пригласил Ремфи собравшихся на сцене, и они с удовольствием разобрали образцы деревянного теннисного зодчества первой половины XX века. Все, кроме Энин Верн, рассматривали предметы старины с умилением, как младенческие фотографии давно выросших детей. Она же взяла музейный «Шлезингер» профессиональной хваткой и без благоговения сделала несколько сноровистых движений, разминая кисть. Ее взмахи будто подали незримый ментальный сигнал, и все пятеро вдруг одновременно развернулись в сторону зала и начали делать характерные ритуальные действия, называемые «начало подачи».

Профессиональная аудитория понимающе засмеялась, но часть – нервно, подумав: «Черт его знает, что тут в цирке может произойти...»

На корте снова появилось изображение зрителей, и Чак сказал:

– Напоминая о доброй традиции оставлять что-нибудь на память поклонникам после матча, я прошу уважаемых гостей послать мячи в сторону – подчеркиваю – виртуальной трибуны.

Вся компания во главе с Победовым, помахивая антиквариатом, приготовилась ударом справа выполнить задание.

– Не промахнись, Карел!

– Лучше слева, Эйрис!

– Жди прием, Султан! – развлекались коллеги.

В этот момент резко исчез свет. В темноте еле слышно возник звук барабанной дроби; он быстро нарастал, становясь громче и громче, пока наконец не превратился в едва переносимый, оглушительный бой. В момент, когда терпеть такой акустический аттракцион стало больно, звук резко оборвался, вспышки прожекторов осветили корт, и те, кто стоял на нем, не сговариваясь, синхронно, двумя залпами избавились от мячей – как показалось, вложив в удары больше силы, чем требовалось, после чего быстро вернулись на свои места в зале.

Дальнейшее продемонстрировало, чем сильна человеческая фантазия, подружившаяся с искусственным интеллектом компьютера и оснащенная чудесами светотехники.

Посланные деревянными ракетками 10 теннисных мячей как снаряды пролетели сквозь ряды достоверно охнувших болельщиков и вдруг, соединившись, обернулись бугристой розово-голубой тучей, которая взмыла вверх, набрала высоту и оказалась на околоземной орбите, заняв место по соседству с другими искусственными спутниками. В следующее мгновение эта субстанция стала массивно сбрасывать с себя мячи, которые бомбами атаковали цели на континентах Земли.

Целями были живые люди. Используя известный кинематографический прием, континенты, мгновенно приближаясь, становились городами; города – стадионами; стадионы – кортами, где на каждом играли узнаваемые участники современного профессионального тура. Как в калейдоскопе, розовые и голубые мячи падали у ног теннисистов, и те бесшумно исчезали с площадок, чтобы вновь появиться в стенах Цирка дю Солей. Через минуту бомбардировка закончилась, и гости, начисто забывшие о еде и напитках, увидели, что на сцене, на 10 рядах виртуальной трибуны, вместо зрителей сидят по 10 спортсменов – пять мужчин и пять женщин, в сумме 100 лучших теннисистов мира.

– Дорогие гости! – напомнил о себе Фредди Ремфи. – Помните, я вам говорил, что вы такого еще не видели? Согласитесь, авторы шоу потрудились не зря, и пока вы приходите в себя с помощью дорогого вина и изысканных блюд, Чак постарается объяснить, что же здесь произошло...

– Спасибо, Фредди. Уважаемые коллеги, я хочу напомнить, что нам долго пришлось выбирать формат

команд, для того чтобы обеспечить отсутствие явного преимущества хотя бы в одной из них. Поэтому для старта проекта мы выбрали целевую жеребьевку, результаты которой вы видите воочию. Итак, нижний ряд – команда лидеров во главе с Ником Астером и Викторией Берцкой, которые закончили сезон первыми в рейтинге. Естественно, но условно, они – первые номера в своих коллективах. Их товарищи на вторых, третьих, четвертых и пятых номерах, соответственно, стоят в рейтинге на двадцатой, тридцатой, сороковой и пятидесятой позициях. Таким образом, сразу взглянув на верхний, десятый ряд, мы видим, что последнюю команду поведут вперед десятые в мировом рейтинге Юджин Тимофеев и Ши Свонг, которым составляют компанию обладатели одиннадцатого, двадцать первого, тридцать первого и сорок первого мест в рейтинге. Давайте пожелаем всем участникам Лиги удачи в стартующем сезоне, – закончил выступление Рабински.

Теннисисты на сцене, опережая реакцию публики, дружно, как хоровой ансамбль скаутов, встали и поклонились. Гротескная нелепость – игроки в массовом поклоне на трибуне – вызвала веселье. Верхние столы занимали приглашенные профи из «живой» первой десятки, и их это представление удивило больше всех.

Невеста Ника Астера, дитя гламура из породы Барби, прильнула к жениху с вопросом: – Ник, твой близнец богат?

Уставший от инспирированной в коммерческих интересах помолвки, он откликнулся моментально: – Сказочно. Хочешь, познакомлю?

Лиза Федотова нанесла укол Сене Берецкому: – Сэм, ваш агент знает, что вас – четверо?

Сеня был занят беседой с чернокожей звездой французского тенниса Николь Нао. Вопрос прервал его доверительной монолог на словах «мы в одной команде, Николь, наконец-то мы вместе...», и за него ответила сестра: – Откуда тебе известно слово «агент», детка?

Евгений Тимофеев, поглядев на своего клона, практически высказался: – Да, жаль, брата такого нет, в паре всех бы порвали!

– ...Поприветствуем пионеров Объединенной теннисной лиги, – подхватил эстафету Фредди и, послушав короткие аплодисменты, загадочно закончил: – Советую вам поторопиться с основным блюдом, потому что вас ждет невиданный десерт... О нем вы узнаете через 15 минут.

Заиграла джазовая музыка. Сцена медленно развернулась и вместо теннисистов предъявила расположившихся на обратной стороне трибуны музыкантов, уже непонятно каких – голографических или все-таки натуральных. Оба конферансье спустились в зал и сели за стол в первом ряду, где их ждали Победов и Олег Федотов с женой.

– Извините, что прерываем вашу беседу на русском языке – все никак не соберусь его выучить, но скажите по-английски: вам понравилось? – простодушно спросил Ремфи и, не дожидаясь ответа, принялся за горячее.

– Шекспир бы этого не понял, – ответил первым Победов.

– Здесь лучше проконсультироваться у Копперфильда, – добавил Федотов.

– Как вы себя чувствуете, мистер Рабински? – заинтересованно спросила Татьяна, глядя, как тот с озабоченным видом пьет минеральную воду.

– Извините, я просто на связи, – и он коснулся встроеного в ухо передатчика, – получаю оперативную информацию.

– Он лучший в мире брокер, – не переставая жевать, заметил Ремфи. – Вам не нужно ничего продать или купить?

– Именно этим мы через несколько минут и займемся, – сказал Олег и спросил: – Чак, там все готово?

– Да, все в порядке, – ответил Рабински. Он не стал говорить, что пять минут назад многое могло пойти кувырком. Но обошлось.

Так что же мы увидим напоследок? – с женской непосредственностью поинтересовалась Федотова.

Все промолчали, уступая право разгласить тайну ее мужу. Он посмотрел на часы и, вздохнув, ответил: – Сейчас начнется продажа теннисистов, то есть команд.

– Я надеюсь, Лиза будет в нашей команде? – по семейному просто, но твердо обратилась Татьяна к супругу.

– Конечно, дорогая, – заботливо кивнул Олег.

– Мне грустно, что пятеро моих отпрысков растут, занимаются виндсерфингом, а покупателей нет и нет, – опечалился Ремфи. – Господин Федотов, может быть, вы их приобретете? На всякий случай, для разнообразия? Я дам хорошую скидку. Подумайте: младшему – четыре,

старшему – 15, остальным – не помню, но хоть один из пяти вам точно пригодится. Госпожа Федотова, не упускайте шанс: черный подвижный малыш в любом коллективе – вещь незаменимая!

– Татьяна, соглашайся только на условиях опта и усыновления, чтоб не забрал обратно, – подсказал Султан.

...За столиком, традиционно объединившим теннисное руководство Америки, Франции, Великобритании, Австралии и Китая, царило умиротворение. Сэр Чарльз Стоун испытывал покой по врожденной привычке, остальные – потому что их спортсмены присутствовали в новом проекте в достаточном числе и в соответствии с подписанным коммюнике (спасибо новому президенту МТФ) – их федерации получают за это весомые финансовые бонусы от Лиги.

Джек Марье нарушил молчание первым:

– Поздравляю, мистер Фонг, ваше ведомство стало еще богаче – деньги к деньгам.

– Благодарю, но хочу отметить, что нам всем далеко до бюджета, который тратится на теннис в Индии: один миллиард долларов в год. Я думаю, скоро они нас догонят.

При слове «Индия» Сэр Чарльз оживился и бодро, но беззвучно зашевелил губами, готовясь что-то сообщить. Франсуаза Миллард решила ему помочь:

– Сэр, вы слышали? Не жалеете, что поторопились избавиться от такой перспективной колонии?

Мистер Ортодокс отечески снисходительно кивнул и с достоинством озвучил чуть ранее пришедший на ум комментарий:

– Наша семья владела акциями большой чайной компании в то время. Дедушка кузена моей сводной сестры служил в ней управляющим и предвидел конец протектората, что позволило ему предпринять соответствующие меры и спасти семейный капитал.

– Гениально! – оценила ответ Франсуаза Миллард.

– Мне кажется, дело не только в деньгах, – сказал Рой Хант, закончив аккуратно поглощать все поданные ему блюда. – Если мы посмотрим назад и проследим динамику присутствия той или иной нации в авангарде тенниса, то увидим: мои австралийские соотечественники начали доминировать первыми – Лейвер, Хoad, Розуэлл... Дальше их потеснили американцы, я даже не буду называть фамилии – они всем известны, потом разродилась страна викингов, затем проявили себя испанцы. Госпожа Миллард, вам респект – спортсмены Франции и, кстати, соседней Германии никогда надолго не исчезали. Но когда появилась орда русских, особенно женщин, они сами признали, что деньги здесь ни при чем – скорее наоборот: их отсутствие заставило талантливых славян ассимилироваться по всему миру. В теннисе не может быть фабрик по производству чемпионов, это – миф.

– Рой, ты хочешь сказать, что теннисные академии – фантомы в пустыне? – не удержался Джек Марье.

– Нет. Оазисы! – продолжил Хант, – но они не гарантируют ничего, вот в чем дело. Моя мысль заключается в том, что в нашей с вами работе критерий оценки – системность и уровень содействия, а не статистические результаты спортсменов, которые напрямую от нас не зависят...

Он не успел договорить, потому что музыка закончилась, в очередной раз погас свет, и на сцену, сопровождаемый лучом софита, в одиночестве поднялся Фредди Ремфи. Он занял место за деревянной кафедрой и серьезным голосом сказал:

– Привет. Давно не виделись. Я остался без Чака – у него слабые нервы.

Трибуна с теннисистами за спиной ведущего показалась вновь, но на этот раз над ней трехмерное изображение позволяло увидеть объемные логотипы, знакомые по присутствию на пригласительных билетах церемонии.

– Итак, господа, мы открываем занавес до конца. Сейчас вы станете свидетелями первого в мире теннисного аукциона. Представленные компании, – Ремфи указал рукой вверх, – обозначают наличие 10 претендентов на право стать обладателями теннисных «конюшен». Они заплатили за это право, купив входной билет в Лигу за один миллион долларов. Команд – тоже 10, и через несколько секунд мы узнаем, сколько стоит каждая из них на самом деле. Аукцион стартует. Шаг – сто тысяч.

Эмблемы, парящие под потолком, опустились и выстроились над игроками, образовав в воздухе подобие одиннадцатого ряда.

Ремфи отчетливо, с нарастающей скоростью произнес:

– Коллектив под номером один – команда Ника Астера и Виктории Берецкой: стартовая цена – один миллион долларов...

Он не успел договорить – логотип автогиганта «Райскер» под звук двойного удара по тарелкам скакнул

вверх, и Фредди, смешно сделав то же самое, добавил громкость в голосе: – Один миллион сто тысяч – раз...

Подпрыгнул логотип часовой фирмы «Скелор».

– Один миллион двести тысяч – раз...

Через пять минут, после торжественного провозглашения «четыре миллиона пятьсот тысяч – три. Продано», команда обрела владельца – знакомого всему свету производителя модной одежды «Небеттон».

Зрители притихли, как перед матчем в пятом сете, и следили за мультипликационными маневрами известнейших мировых брендов.

Фредди Ремфи с энтузиазмом тараторил одни и те же цифровые заклинания, и если бы не регулярный пафосный вскрик в конце каждого лота, можно было подумать, что он участвует в конкурсе скороговорок.

Через полчаса девятая команда, после короткого торга между двумя оставшимися претендентами, ушла с молотка за полтора миллиона в руки японского концерна «Иноси», и аукцион закончился. Коллектив под номером десять, с Тимофеевым и Свонг во главе, автоматически отошел «лузеру» торгов – если, конечно, таковым считать древнейший американский банк «Бостюнион».

Вновь появились музыканты и приглушенно взялись за спокойную блюзовую композицию.

Все разом вздохнули и загудели, переполненные от избытка эмоций, впечатлений и невысказанных комментариев.

– Ну и ну, – изумился знаменитый седовласый ветеран в кругу со товарищей. – Парни, надо обзвонить еще

живых – может, наскребем человек тридцать, и на продажу. Название – «Гвардия тур»...

– Скорее, «Гильдия древностей», – отозвался его бывший партнер по паре. – А покупать нас будут компании по продаже подержанной сельскохозяйственной техники...

– Алло, это я. Ты меня слышишь? – Ник Астер соединился со своим агентом по телефону. – Объясни: я – в команде «Небеттон», а по контракту я ношу «Робик», тут не будет проблем?

– Успокойся. Проблемы у тебя будут только тогда, когда я перестану работать спортивным агентом. Все, у кого есть личные контракты, не пострадают, об этом есть договоренность с представителями владельцев команд. Входя в Лигу, они заранее подписали протокол о координации рекламной деятельности.

– Ты мне ничего не говорил...

– Если бы я тебе все говорил заранее, ты был бы беднее. Ник, рядом со мной как раз сидит шеф маркетинга фирмы «Небеттон», посмотри вниз на пятый столик слева, в третьем ряду, – она передает тебе привет.

Ник Астер посмотрел в указанном направлении и помахал рукой красивой молодой женщине. Она с улыбкой, приветливо кивнула.

– Это что еще за сигналы? – возмутилась ролевая невеста, вычислив визуального адресата суженого.

Лучший теннисист планеты демонстративно не ответил.

...Яков и Эсфирь Березские внимательно отсмотрели многоканальную трансляцию в Интернете

и незамедлительно вышли на связь с детьми. Первая попытка оказалось безрезультатной – Сеня ответил, что в данный момент говорить не может. Папа не отступил и набрал дочь:

– Вика, в чем дело? Мы видим на экране, что вы сидите за одним столиком, а Сеня, видите ли, занят. Что происходит?

– Не волнуйтесь. Вам просто не все показывают. Он озабочен продолжением нашего рода с добавлением черного оттенка кожи наследникам и не хочет, чтобы его отвлекали, – доложила Вика и показала брату язык.

– Дочь, я ценю твой юмор, но, во-первых, хорошо, мама тебя не слышит, а во-вторых, как же так получилось, что вы с Сеней не сможете играть микст? Это же какая потеря для команды и для рекламных возможностей... Может, мне поговорить с Алексом?

– Папа, для того чтобы играть микст, нужно не только быть в одной команде, но и дойти до финала Кубка в конце сезона – так что тебе нет смысла беспокоиться, и, пожалуйста, не дергай так часто Алекса – у него сейчас хватает забот и без твоих коммерческих предложений. Я перед Рождеством обязательно к вам заскочу на несколько дней. Привет маме, скажи, перезвоню ей завтра...

– Елизавета, по-моему, тебе повезло: твой новый хозяин говорит по-русски. «Русойл». Папа постарался? – обратился к Федотовой заскучавший Тимофеев.

– Переживаешь, что попал в кабалу к американским банкирам? – вопросом на вопрос ответила Лиза. – Не дрейфь. Они устраивают кризисы и разоряются не часто,

да и доллары все равно никто не отменит. Я слышала, что через год в регламенте появится параграф о трансферных окнах для первых номеров; останешься в десятке – замолвлю за тебя словечко.

– Твоя доброта безгранична, Элизабет, – отреагировал Евгений и вытащил из пиджака телефон, на который поступило сообщение: «Привет! Ты сэкономил мне деньги. Подарок за мной. Линда». К тексту прилагалось фото знакомой яхты.

Женя растерялся.

Он в эротических снах вспоминал их загульное каботажное плавание, но осознавал, по какой грани прошел, и за три года ни разу не откликнулся на регулярные призывы выйти в море еще раз... В памяти встал ночной разговор на палубе. Между ними и звездами витал воздушный коктейль, настоянный на молекулах любовного пара и сладкого дыма, который источает, сгорая в огне, нелюбимое допинг-службой растение. Она вскользь упомянула о владении контрольным пакетом акций крупного банка...

– Ты здесь? – заинтересовано спросила Лиза.

Евгений очнулся. Стало ясно, почему «Бостюнион» вяло выглядел на теннисном аукционе.

– Пока да, – отрешенно ответил он.

***

На следующее утро, пока гости церемонии приходили в себя – кто от увиденного, кто от последующих удовольствий Лас-Вегаса, в одной из переговорных комнат отеля Султан Победов открыл заседание совета директоров МТФ.

– Уважаемые коллеги! Наше сегодняшнее собрание носит экстренный характер. Именно поэтому повестка дня состоит только из одного пункта, и давайте не будем затягивать обсуждение до вечера. – Заметив легкое недоумение, он с усталым вздохом завершил мысль: – Хотелось бы закончить сегодня – еще одна ночь в казино мне не под силу. Нам надо принять решение по поводу размещения рекламы на спортивной форме теннисистов. Предоставляю слово приглашенному гостю, мистру Рабински.

Для многих возникло ощущение дежавю...

Чак, бодрый, как будто не было вчерашнего вечера, начал неожиданно:

– Меньше года назад я участвовал в аналогичной встрече и рассказал о планах создания нового формата соревнований. За короткое время планы обернулись реальностью, но я сожалею, что это стало причиной отставки президента МТФ. В то же время я рад и польщен возможностью вести совместную деятельность с нынешним прославленным президентом Султаном Победовым. – Чак приостановился и с более деловой интонацией продолжил: – Как вы поняли, вчера мы вступили в новую фазу развития профессионального тенниса, которая экономически целиком зависит от спонсоров, то есть владельцев команд. Такие люди хотят не только вкладывать большие деньги, но и видеть наглядное отражение своей деловой активности в заданном направлении. В конкретном воплощении это означает отмену ограничений в нанесении коммерческой рекламы на теннисистов...

Он не завершил мысль из-за возникшего шума недовольства. Первой встрепенулась Франсуаза Миллард:

– Уважаемый Чак, я высоко ценю ваш труд и те финансовые привилегии, которые получают национальные федерации от участия их спортсменов в Лиге. Но проблема в том, что генеральным спонсором тенниса, например, в нашей стране является компания «Косталь», и нарушение контрактных обязательств не входит в сферу моих интересов. Думаю, аналогичная проблема будет иметь место и за пределами Франции.

– Франсуаза права, Чак, – подал голос Рой Хант. – Те бонусы, которые заложены в отношениях между национальными федерациями и Лигой, хотя и существенны, но все же находятся в зависимости от результатов выступлений участников. А мяч – круглый...

«Они что, торгуются?» – переглянулись между собой Победов и Рабински.

– Успокойтесь, друзья, – дружелюбно обратился ко всем сразу Джек Марье. – Открою секрет: я уже обсудил проблему со своими спонсорами. Вы знаете фирму «Ники». Они открыты для любых предложений, потому что знают: бизнес можно делать в любой ситуации.

– Вот вам ситуация, – продолжала спорить госпожа Миллард, – команда «Небеттон»: 10 теннисистов, из них трое – на разных контрактах по спортивной форме...

– Не далее как вчера, – взял в свои руки ответ Рабински, – Алекс Фриш, агентство которого ведет дела более половины представленных в Лиге игроков, обсудил данную коллизию с руководителем маркетинговой

службы компании «Небеттон» Паолой Янг. Она, оказывается, – представьте, какой пласт отношений мы заставили двигаться, – связывалась с крупнейшими спортивными марками, и предложение, которое они сообщая уже обсудили, выглядит следующим образом. Их дизайнеры предлагают всем командам эскизные варианты цветовой идентификации, с наличием эмблемы владельца, конечно. После утверждения рисунок переносится на те модели одежды, которые по различным персональным контрактам используют теннисисты. В результате игроки получают узнаваемую командную форму, а все задействованные производители – расширение ассортимента за счет реплик, популярных среди любителей. По-моему, неплохо придумано? – закончил вопросом Рабински.

– А если владельцы команд захотят размещать на спортсменах привлеченную рекламу? – задал вопрос Рой Хант.

– Да, как мы это сможем отрегулировать? – поддержала его Франсуаза.

Возникла красноречивая пауза. Готового ответа не было.

Султан заметил, что забыли дать слово руководителю тенниса Англии, и тот, нахохлившись от обиды, поджал губы и замер, всем видом выказывая презрение к неразумной молодежи.

Победов обратился к старейшине:

– Сэр Чарльз, нам бы хотелось узнать ваше мнение.

Британец благосклонно кивнул, приоткрыл рот и медленно, скрипучим от ехидства голосом произнес:

– Мне остается только пожалеть, что прошли времена, когда единственной спортивной формой была продукция моего соотечественника Пита Ферри, – и замолчал, вернувшись к исходному выражению лица.

Победов посмотрел на Ли Фонга. Тот отрешенно хранил безмолвие. Ночью он играл в рулетку и лишился ста тысяч долларов. За его равнодушной маской скрывалась лишь одна, но важная мысль: «Решайте быстрее. Всё мы вам сошьем...» Отвечая на взгляд Победова, он опустил и поднял опухшие веки в знак поддержки и понимания сути вопроса.

«Молодец. Наш человек», – подумал Султан и начал подводить черту:

– Дорогие коллеги! Давайте не забывать, что мы все находимся внутри этого проекта и, так сказать, точка невозвращения уже пройдена после вчерашнего мероприятия. Да, есть риск. Но риск оправдан, потому что, во-первых, мы движемся вперед, а во-вторых, игроки – с нами, и это самое главное. И если в их интересах – получать дополнительный доход с нашей помощью, то зачем нам работать против себя!

«Своеобразная логика, – подумалось каждому из присутствовавших, – но логика... Только куда она нас всех заведет?»

– Поэтому прошу принять решение с учетом интересов спонсоров команд. Что касается так называемой субаренды рекламных мест на одежде игроков, – о чем спрашивал Рой, – то я предлагаю следующее. Игровая форма остается в том варианте, о котором нам рассказал Чак, а спортивные костюмы пусть используются для

нанесения привлеченных владельцами логотипов. – Победов заметил взлетевшие брови Франсуазы Миллард, полные возмущения глаза Чарльза Стоуна и неожиданно закончил: – Так, мистер Рабински?

Чака оказался готов – всякое приходилось испытывать, – и подхватил и подкрепил идею:

– Давайте смотреть правде в глаза – времена исключительно белой и унифицированной формы давно канули в Лету. Наряды тех, кто выходит на корт, все больше и больше по расцветкам напоминают павлиний хвост. Но не кажется ли вам странным, что фантазии модельеров, которые они оттачивают на профессиональных теннисистах, приносят гигантский доход изготовителям, а мы с вами – те, кто несет ответственность за организационное пространство, где все это презентуется, – остаемся в стороне? Или мы так беспечно богаты, что можем отказаться от дополнительных поступлений в наш совместный бизнес? – Чак вытер платком вспотевший лоб.

– В чем тут бизнес и где он совместный? – откинув церемонии, по-деловому проявил общий интерес Рой Хант.

– Я, наверно, не совсем правильно выразился, – поправился Рабински, – но суть в том, что в этом проекте мы взаимосвязаны. Напоминаю схему: владельцы команд платят вступительные и, впоследствии, ежегодные взносы, далее планируются отчисления и от будущих трансферных переходов; часть всех этих платежей поступает в национальные федерации, грубо говоря, за выращивание игроков для команд. Мы только в начале пути и не можем безошибочно все просчитать, но в чем

я абсолютно уверен, так это в том, что мы обязаны максимально расширить диапазон возможностей сотрудничества с нами для действующих и потенциальных партнеров. Спасибо. Мне больше нечего добавить. – Чак взял со стола бутылку с минеральной водой и, минуя бокал, отпил из горлышка.

Он разгорячился, всем видом давая понять, что не отступит и будет биться до конца.

Почувствовав момент перелома в дискуссии, президент МТФ филигранно им воспользовался:

– Ну что ж, господа, я преобразую русскую поговорку и скажу, что мы все взобрались на сук, и если кто-то из нас хочет его подрубить, то... – Победов задумался, как по-английски завершить фразу, – ...не советую, – вырвалось у него коротко, но настолько многозначительно, что по повисшему молчанию стало ясно: оппонировать дальше не имеет смысла.

Глава 9

Любой турнир старается удивить зрителей, но Открытому чемпионату Австралии повезло больше всех – впервые на Арене Рода Лейвера состоялся парад команд Объединенной теннисной лиги.

Чак Рабински отказался заключать по этому поводу какие-либо контракты, потому что, во-первых, не было времени, а во-вторых, он знал, что Рой Хант – идеальный человек для реализации того, чего никто еще не делал.

И Рой Хант постарался. Отыскав людей, которые придумали церемонию открытия Олимпийских игр в Сиднее, он дал им задание произвести не меньшее впечатление на теннисную аудиторию, включая капризных игроков, которым придется почти час находиться на корте без ракеток.

Затея, поначалу больше похожая на авантюру, удалась, хотя не без потерь. Рой Хант от волнения избавился от пяти килограммов веса; компания, которая взялась за воплощение замысла, недосчиталась части сотрудников, переоценивших свою трудоспособность; а работники стадиона на две недели потеряли ориентацию – они в театре или на спортивном объекте?

Тем не менее все закончилось благополучно. Теннисисты испытали новые впечатления, побывав актерами в фантастическом шоу; зрители узнали, что на корте можно увидеть не только чудеса спорта; а владельцы команд по телеканалу увидели идентификацию своих компаний так, как будто режиссером был Спилберг.

Дальше все пошло обычным путем. Триумвират – игроки, спонсоры, зрители, – на котором, как на трех китах, держится спортивное событие, разбился на три секции, где у каждого есть собственное дело. Уважаемые партнеры занимали места в ложах, давали приемы, презентовали свои новые достижения – в общем, делали то, без чего теннис не состоялся бы как часть образа жизни людей, которые ведут по этой жизни за собой других.

Болельщики, в основном местные (Австралия – не ближний свет), лояльно поддерживали исполнительское мастерство заезжих профессионалов, раз в год

навещающих Зеленый континент. Каждого обладателя входного билета ждал сюрприз – бесплатный мобильный телефон фирмы «Иноси» со встроенной программой, позволяющей делать прогнозы на результаты выступлений команд в Объединенной теннисной лиге.

Теннисистов удивить трудно, но они с благодарностью оценили еще одну закрытую крышей арену, из-за чего, правда, стали шутить о превращении Открытого чемпионата в полуоткрытый. Но климат... Цитатой дня признали реплику: «Возьми лучше меня». Игрок, изнуренный мясорубкой квалификационных соревнований и сорокоградусной температурой воздуха, так обратился к Сэму Берецкому, собиравшемуся к выходу на корт с кондиционером.

«Ну кто придумал эту Австралию?! Каторга. Сюда же раньше ссылали преступников, а нас-то за что? За призовые... я уже не чувствую: лед это или уголь...

«Время!»

...Да чтоб тебя... дай еще пожить под зонтиком... Встань и иди... Ох, твою... Скворода... Моя подача... Хочу, чтоб последняя... Если сейчас не возьму – сдохну... Нет, лучше – он... С детства мне кровь портит: грунтовик хренов, термит поганый... Первую под лево, плоскую х...у для мачо подачу... *«Фол!»* Ладно, проехали... Вторая туда же, на... Играем... Справа – кросс... Сука, догнал... Справа – опять кросс... Ждал, сука... Слева – кросс... Коротко... Бжать... Бл...ь!

«Ноль-пятнадцать!»

...Дыши... Дыши... Полотенце... Успокойся... Не суетись... Накрыться бы им и лежать... А она его пусть

зубами снимет... Идиот... Пора... Первую крученую в тело и к сетке, на... Попёр... Спра... – линия... Сле... – линия... Сле... – прыжок... – кросс... Есть!.. Да!.. Да!..

«По пятнадцати!»

...Ну в жопу вперед с подачи... Дыхание сбил... Не торопись... Дыши... Такая же фигня у нас, кажется, когда-то где-то была... Он тогда с приема к сетке рванул... Хрен тебе сейчас... Дыши... Первую – косую... Попасть только... Разгалделись: «Давай-давай»... Не отвлекайся... Поддержалки... Выиграю – всем дам... Соберись... Первая – косая, на!.. Есть!.. Есть!.. Какой, в п...у, челлендж!.. Ну, давай, повтор... Покажи... Ну?! Молодец!

«Тридцать-пятнадцать!»

...Блин, ну почему я не робот?! Подал бы сейчас две навылет... И все... Не ной... Обязательно первую... Он будет рисковать... Сто лет его знаю... Первая крученая под лево, на... Справа – кросс... Слева – кросс... Справа – кросс... Слева – кросс... Так не выдержу... Справа – линия... Укоротил, сука... Догнать... Кистью влево... Держи линию... Свеча, сука... Не догоню... Догнал... Он против солнца... Свеча... Аут!.. Спасибо, брат!

«Сорок-пятнадцать!»

...Полотенце... Дыши... Дыши... Я – сеянный... Первый круг... Он – из квалификации... Какой же я... Да если б знал, что сегодня так... Всё. Пока в сетке – сплю один... Пора... Первую под лево, на... Есть!.. Навылет!.. Всё!»

«Гейм, сет и матч со счетом: шесть-три, пять-семь, семь-шесть, шесть-семь, восемь-шесть выиграл Евгений Тимофеев!»

Пожав руки сопернику и рефери, Евгений собрал ракетки в сумку, накинул на голову полотенце и пошел в раздевалку.

Там было многолюдно – первый круг. Игроки не делились с конца прошлого сезона и обменивались новостями. Обстановка еще хранила атмосферу приподнятости, как на корабле, на котором собралась побывавшая в отпуске команда. По мере выбывания участников эта атмосфера стухнет, и оставшиеся в сетке уже не так весело будут общаться между собой, обмениваясь при встречах оценивающими взглядами.

Интересная деталь: в сравнении с другими видами спорта – нет в теннисе отдельных мест для переодевания соперников, и до последнего, финального матча они, как гладиаторы, снаряжаются вместе перед выходом на арену, понимая, что к последнему бою их должно остаться только двое. И, согласно теории межличностных отношений – как сказал бы специалист, – именно здесь, бывает, завоевывается часть виктории.

Известный гуру спортивной психологии учил: «Подойди к раздевалке последним, распахни дверь настежь – если открывается на себя; а лучше ногой – если внутрь; при этом с порога, громко: «Привет! Как дела!» И, считай, половина победы у тебя в кармане».

Обессиленный, Тимофеев еле дошел до своего места и, не сняв с плеча сумку, грузно опустился на скамейку.

Коллеги оказали ему знаки внимания:

- Поздравляю.
- С возвращением!
- Чего так рано? Замерз?

- Юджин, пойдем покидаем? Мне надо размяться.
- Не трогайте его. У банкиров жизнь не сахар. Видите, как устают.

Он не отвечал – набирался сил, чтобы добраться до души.

Баламут Драган Старкович в ожидании вызова на матч удовлетворял любопытство:

– Ну, какие дела в команде «японцев»? Форма красивая, а почему не кимоно? – спросил он, зацепив взглядом знакомого из четвертой десятки, надевавшего тенниску с ярким красным кругом на спине.

– В кимоно – это на презентации команды. Круто было. У нас одна бельгийка – метр девяносто, а две – афроамериканки. Экзотика получилась, но японцам понравилось.

– И что, гаджеты «Иноси» рекламируете?

– Обязаны.

– Напряги есть?

– Пускай и будут – у меня теперь новая кредитка, зарплатная, от японского банка; я раньше и не думал, что столько стою без учета призовых...

– Учи японский – будешь стоять больше. Правда, Ник? – он переключился на Ника Астера, который вышел из душа.

– О чем речь?

– Я говорю, в команде «Иноси» доплачивают за знание японского. А у вас в «Небеттоне» как с итальянским?

Ник перестал вытираться, задумался, откинул в сторону полотенце:

– Спроси моего агента.

– А где он? – с озабоченным лицом огляделся Старкович.

– Его сейчас здесь нет.

– А как же ты в душе без него обошелся?

– Он сказал, что ты согласился помочь...

Старкович хотел продолжить пикировку, но увидел вошедшего в раздевалку юного индийца, одетого в такую же форму, как и он. Прошлый сезон 18-летний житель Калькутты с непроизносимым именем Ашанипрамба Хираньякашипу (игроки быстро окрестили его Раджой) окончил сорок третьим по рейтингу и оказался пятым в мужской половине «Русойла». В Мельбурне жребий свел его в самом начале чемпионата с первым номером своей команды.

– Привет, о мой младший брат! – начал Старкович.

– Привет. А почему ты называешь меня братом? – простодушно спросил Раджа.

– А как мне еще тебя называть, – изумился Драган, – если мы с тобой одна семья? Мы в одной команде, живем в одном отеле, играем в одном турнире и даже вот стартовый матч играем между собой.

– Да, ты прав, старший брат. Все так и есть, – белозубо улыбнулся индиец.

– Хорошо, что ты все понимаешь. Но главное в том, что для окружающих нас американцев и европейцев мы – люди Востока и поэтому сильны традициями, согласно которым младшие почитают старших, правильно?

– И что? – почувствовав подвох, забеспокоился Раджа.

– А то, что, согласно нашим законам, ты не можешь обыгрывать старшего брата. Там такая жара, пожалей

его, – серб сложил ладони под подбородком и смиренно наклонил голову.

Раджа расслабился.

Сцена придала сил Тимофееву:

– Эй, Драго, у вас, «нефтяников», бонусы платят баррелями или рублями?

– Русскими девушками.

– Значит, ты без прибыли...

– Лучше расскажи, чем хорош «Бостюнион». Наверно, в пиджаках и галстуках заставляют ходить? – перехватил инициативу Драган, но ответа не получил, потому что его и Раджу вызвали на корт. Уже в дверях он обернулся и прокричал:

– Прощайте, ребята! Уходим биться за Россию...

Тимофеев задумался. Вопрос напомнил, как в самом конце декабря его команда собралась на Майорке, чтобы подписать предварительно разосланные контракты.

Юристы банка оказались на высоте – все было предусмотрено, придаться не к чему, и теннисисты с удовольствием поставили подписи под обязательствами играть в единой форме (кстати, довольно красивой), следовать рекламным договорам и, естественно, быть готовыми выступить в финале Кубка, если до этого дойдет дело. В свою очередь, каждый получал ощутимый месячный гонорар, усиленный бонусами за удачные результаты, компенсацию транспортных расходов, а также медицинскую страховку на год.

Закончив формальности и переночевав в отеле, наутро они в сопровождении фотографа и видеооператора

поднялись на палубу хорошо известного Тимофееву плавсредства.

Сердце турнирного бойца екнуло при виде Линды, одетой в ослепительно-белый капитанский костюм, плотно пригнанный по фигуре. Стилизованный морской китель из тонкой ткани ясно давал понять, что надет он на голое тело, и только настоящая фуражка слегка отвлекала от провокационного облачения.

Яркой кометой пролетела в голове мысль о том, что за годы, так сказать, в разлуке с шикарной сумасбродной американкой именно от нее полученные «секреты мастерства» утвердили его мужскую самооценку... Но только сейчас он задумался: сколько же ей лет? Сопоставление приобретенного опыта и памятные тактильные ощущения трехлетней давности приводили к выводу, что никак не меньше 30 с определенного размера хвостиком.

В короткой приветственной речи хозяйка яхты без лишнего пафоса пожелала всем успеха и счастливого плавания в совместном проекте, после чего оператор заснял, как под веселую музыку «первые номера» Ши Свонг и Юджин Тимофеев подняли вверх по мачте флаг с эмблемой команды банка «Бостюнион».

Пикник на воде продолжался до вечера. Спортсмены купались, загорали, устроили на просторной палубе дискотеку с национальными танцами – участвовали представители шести стран, объедались изысканными дарами моря – в общем, резвились от души, и Линда не отставала. Однако, развлекаясь, Евгений постоянно находился в ожидании сигнала, намека на восстановление связи, и отсутствие

такового заставляло его нервничать. С одной стороны, он испытывал облегчение – не надо возбуждать любопытство товарищей, с другой – зачем было слать ему эсэмэски...

Ясность наступила на следующее утро, когда после завтрака, перед выездом в аэропорт, обсудив со всеми, кто и когда появится в Австралии, Женя поднялся в номер за сумкой. Там его ждал конверт с запиской: «Задержишься на два дня. Бонус. Линда».

***

Алекс Фриш с утра сидел в холле отеля. Австралийская жара достала настолько, что он решил не ехать на стадион и перенес все встречи сюда, в лобби-бар.

Первыми по плану были Берецкие.

Виктория пока вне проблем, но вот ее братца успеть бы взять под уздцы. Этот герой-любовник забыл, что от поведения за пределами кортов зависит стоимость рекламных контрактов и каждый его поступок – предмет рассмотрения не только поклонниц, готовых разделить с ним либидо, но и отражение точности при выборе маркетинговых целей...

Он увидел, как Вика и Сэм вышли из лифта в компании с Драганом Старковичем, Николь Нао и – сюрприз – папой Берецким. Все, кроме папы, несмотря на жару, поверх теннисок были одеты в легкие спортивные куртки, разукрашенные логотипами разных фирм, и только эмблемы на спинах однозначно давали понять, что Сеня и Николь – из команды швейцарских часовщиков «Скелор», Вика – из «Небеттона», а Старкович играет за российский «Русойл».

Мозг Алекса заработал: папа – позитив... хотя мог бы и предупредить, что приедет. Драган почему рядом с Викой? Хотелось бы, чтоб случайно. Сэм с Николь Нао – похоже, что в одной команде и уже в одной постели... Так, экспресс-анализ: несет ее сумку – плохо, но не страшно; за руку не держит – хорошо; у папы вид довольный – нормально, но он, пока от мамы не узнает, ничего не поймет... Смотрим ближе. Круги под глазами: Сэм – нет; Николь – нет, хотя с таким цветом кожи...

– Привет, Алекс. Ты едешь с нами?

– Привет, дети. У меня встречи здесь. Яков, рад тебя видеть. Эсфирь приехала?

– Нет, она отказалась. Ждет, когда весь тур переедет в Америку.

– Ладно. Передавай мое почтение. Увидимся с ней в Штатах. Сэм, есть разговор, задержись.

Семен доверительно кивнул Николь, и вся компания направилась к стойке официальной транспортной службы чемпионата.

– Как спалось? – начал Алекс.

– Спасибо. Не жалуюсь, – вежливо ответил Сеня, опускаясь в кресло. Он вопросительно поглядел на агента.

– Не обижайся, я просто хочу узнать, не из тех ли ситуация, когда надо помочь тебе вовремя и без потерь выпутаться, – мягко выразился Алекс и без паузы быстро продолжил: – Давно вы вместе?

Сеня молча глядел в сторону выхода. Алекс посмотрел в том же направлении. Сквозь прозрачные двери было видно, как под козырьком отеля остановились две

машины; в одну садились папа с Викторией, в другую – Старкович с Николь. Она смеялась.

Опытный агент скосил глаза на Семена и понял: придется поработать.

– Сэм, постарайся понять меня правильно, – он вновь привлек внимание подопечного. – Твоя личная жизнь принадлежит только тебе, но пока ты в Туре и наверху рейтинга, она – источник дохода наряду с призовыми, которые сегодня есть, а завтра – бог знает...

– Старик, я все помню, – с безразличным видом отреагировал Семен.

– Ну и молодец. Тогда давай я откровенно подумаю вслух, а ты, если хочешь, комментируй. Итак, о Николь. Я понимаю – ты не в Африке ее нашел, она родилась в Париже, и ее мама француженка. Но скажи мне как финансовому опекуну, что нам с ней делать? В коммерческих целях эксплуатировать лояльность черного населения планеты? Вряд ли. Поддержать Барака Обаму? Уже поздно – он справился без нас. Да, забыл вот что: доведешь невесту до венца и сбежишь – назовут трусливым расистом; не сбежишь – можешь потом оказаться на месте старины Беммера: он до сих пор в хлопотах... Ну, какие варианты я запомнил?

– Я не понимаю, о чем ты. На мне уже рекламных контрактов как игрушек на рождественской елке. Ты намекаешь еще на что-то?

– Да, намекаю, – вздохнул Алекс, – на то, что тебе самому пора думать о последствиях каждого твоего шага, и все контракты быстро закончатся, если в головах потребителей образ кумира окажется развенчанным.

– А Николь-то здесь при чем? – держал незатейливую оборону Берецкий.

– Контрастности много.

– Чего?

– Внимания ваша парочка привлекает больше, чем нужно. Коэффициент уязвимости возрастает.

– Послушай, ты выражаешься, как будто мы не живые люди, а предметы какие-то, – раздраженно прокомментировал Семен.

– Вот именно – живые, и поэтому не застрахованы от ошибок, число которых я хочу минимизировать, причем заранее. Понимаешь? – нажимал Алекс.

– Да понимаю, понимаю, – начал злиться Сеня, но вдруг, будто вспомнив нечто, атаковал оппонента: – А за сестрой ты так же следишь?

Он с удовольствием обнаружил удивление на лице своего патрона.

– Только не говори, что есть повод, – обескуражено произнес тот, прокручивая в голове порядка десятка кандидатов на создание новой проблемы.

– Не знаю. Тебе следует поговорить с ней самому, справишься? – продолжил контрнаступление Берецкий и все-таки дипломатично закончил: – Извини, мне надо ехать, через полчаса тренировка. Пока.

«Выросли сукины дети. Прости, Эсфирь. Пестуешь их, с рук кормишь, жизни учишь, а они... Я, наверно, буду хорошим отцом: опыт-то какой...», – мысленно произнес Алекс.

Из задумчивости его вывел занявший место Сэма Чак Рабински.

– Привет. Что случилось? – поздоровался Чак.

– Доброе утро. Ты о чем? – насторожился Алекс.

– Как о чем? Агент номер один сидит в одиночестве, по телефону не говорит, кофе мне не заказал. Дальше перечислять?

– Понятно. С хорошим настроением тебя. Что нового в недрах ПТА, свежие проекты появились?

– Думаем. Есть соображения. Расскажи о спортсменах, какие у них впечатления?

– Общее впечатление от старта – происшествий и потерпевших нет, за исключением тех, кто не попал в Лигу: их жалко. Особенно у мужчин – среди оказавшихся ниже пятидесяти есть опытные бойцы, они были бы кстати...

– Да, – прервал Алекса Чак, – мне уже говорили, что в «Русойле» пригодился бы Паша Маратов.

– Правильно говорят. Харизматические фигуры в коллективе всегда в цене, в первую очередь с коммерческой точки зрения. Надо на будущее подумать о регламенте с учетом интересов таких ребят. Правильно?

– В целом да, – согласился Рабински, – но сейчас рано обсуждать, ближе к концу сезона что-нибудь предложим. Ты лучше заранее подумай вот о чем. Хозяева команд не вникают в тонкости тенниса и в то же время, опираясь на известные стереотипы, понимают, что любому коллективу нужен авторитетный руководитель, тренер. Пока, на первом году проекта, они делегировали от себя кураторов, маркетологов, знакомых со спортом, но не знакомых с деталями тенниса. Я уже со всеми переговорил и могу сказать примерно следующее: их поставили на убой. На результат они повлиять не смогут, а ответственность будут нести, потому что так уж устроена психика боссов: платят и требуют достижений.

– Так они что, не знали, чем будут заниматься? – удивился Фриш.

– Не совсем. Каждый после жеребьевки в авральном режиме снаряжал свою команду в плавание: готовил к подписанию договоры, связывался со спонсорами, агентами, занимался экипировкой и так далее. Но сейчас, когда старт пройден, становится ясно, что спортивный результат – вне их компетенции, а спросят по итогу за него, – Рабински сделал глоток кофе.

– Послушай, Чак, я все понимаю и почти со всеми успел познакомиться и поработать. Они не производят впечатления пострадавших. Им даже многие из наших завидуют – другой уровень...

– Да, они – хорошие люди и компетентные специалисты и быстро понимают, что к чему; поэтому мы и должны им помочь. С выгодой для нашего общего дела, конечно. Если ты помнишь, я когда-то говорил о капитанах команд, которые получают право выставлять на турнирную неделю зачетных игроков. В этом году мы исключили эту тему из регламента, чтобы не опережать события. Теперь самое время начать подбор таких капитанов из бывших игроков или из тренеров и одновременно внушать владельцам мысль, что с профессиональными ассистентами жизнь станет легче. Справисься?

Рабински внимательно изучал реакцию Фриша. Последний месяц все испытывали перегрузки, и он знал, что когда усталость накапливается, человека лучше оставить в покое. Внешний вид Алекса ему не нравился – из Крепкого Орешка тот превратился в Крепкого Орешка в отставке...

Алекс Фриш на пару секунд задумался и к удивлению Чака бодро и напористо ответил:

– Непременно. Сфера агентских интересов расширится, Кларк одобрит. Ты отвечаешь за создание спроса на тренеров со стороны хозяев команд, я – за набор кандидатур. Уже сейчас вижу человек двадцать, готовых быть полезными. Только помни, размер гонорара должен заставить их забыть про забавы пляжного и ветеранского тенниса, – Алекс оживился как золотоискатель, обнаруживший признаки перспективной жилы.

– Не волнуйся, кураторы доведут информацию куда надо и в нужном виде. Главная задача – свести их аккуратно с твоими новыми, так сказать, клиентами, но давай договоримся: ни те ни другие не должны ощущать, что ими манипулируют, – Рабински опять пристально посмотрел на своего визави.

– Мной, значит, можно?

– Ну, я же не втемную...

И оба со смехом пожали друг другу руки.

Глава 10

«Нефтяники» завершили выступление на чемпионате и за два дня до его окончания чартером вылетели в Америку.

Чартером скромно назвали «Боинг» средних размеров, переоборудованный для корпоративных путешествий под эмблемой «Русойла» на фюзеляже.

Такой вид передвижения не был предусмотрен никакими контрактами, но Татьяна Петровна под впечатлением

от последнего Лизиного трехчасового поединка, который дочь умудрилась проиграть с восьми матчболов, прямо с трибуны позвонила мужу и в сердцах сказала, что больше никуда не полетит и остается подыхать в Австралии...

Федотов, почуяв недоброе, принял оперативные меры.

Известие о том, что ей присылают самолет – не букет цветов, – чтобы забрать в Москву, застало Татьяну утром, когда она очнулась от глубокого, как после болезни, сна.

Вчера она без единого слова одна уехала в отель, озадачив тренеров отсутствием привычных напоминаний и поручений.

Войдя в номер, она включила кондиционер, приняла душ и рухнула в постель. И задумалась. Было странно самой – почему сорвалась. Жара – не повод, всем добавляет хлопот; Лиза – тоже не удивила, она и раньше изумительным образом проигрывала «свои» матчи; физиология – рано... Пока искала ответ, вернулись вопросы попроще: где Лиза?.. где ужинаем?.. когда тренировка?.. отлет в Штаты? И незаметно уснула под тихое жужжание кондиционера.

Когда она спустилась на завтрак, у Шубина с Володей отпустило – привычно приветлива, доброжелательна, да еще с таким известием: за ними прилетает самолет.

Напугались они накануне изрядно – никогда Петровна не уходила без обычного «всё, пока». Боялись, конечно, больше за Елизавету, с которой, похоже, без матери уже и не справиться, а про себя завершали умозаключения о женщинах одинаково: «Какие хорошие ни будь – все равно мозги...»

Как и предполагал Олег Федотов, утренний разговор с женой о ее перемещении на родину окончился просьбой об изменении маршрута, и он с удовольствием эту просьбу выполнил, понимая, что себе дороже.

Погрузившись в прохладный, отделанный натуральной кожей и деревом салон самолета, они взяли курс на Северную Америку, с облегчением глядя вниз на раскаленный, постепенно исчезающий в серой дымке материк, покрытый очагами лесных пожаров.

Спортсмены разбрелись по креслам и диванам и затихли. Даже беспокойный Драган изменил привычке и заснул раньше, чем успел познакомиться со стюардессой.

Из 10 игроков команды «Русойла» летели только трое – остальные проиграли раньше и покинули чемпионат неделю назад.

Татьяна с Шубиным и Володей заняли «плацкарт» – отсек с креслами вокруг журнального столика. Рядом располагался бар, где для них уже готовили напитки.

– Мы прям тренерский штаб клуба НБА. Перелетаем со своей командой после матча... А, как тебе, Ксаныч? – высказался Владимир.

– Ну что, начнем разбор полетов в полете? – напористо поддержала тему Татьяна и внимательно посмотрела на тренеров.

Они переглянулись. Мама их подопечной редко когда претендовала на участие в анализе Лизиной спортивной деятельности, а если такое и случалось, они тандемом осторожно гасили вспышки ее интереса в специфических вопросах.

– Я догадываюсь, о чем вы думаете, но мне кажется, пора об этом поговорить, – продолжила Татьяна.

– Да о чем конкретно-то? – простодушно спросил Крайнев и осушил бокал с яблочным соком. Обернувшись к бару, он сделал стюардессе знак повторить.

Шубин дипломатично помалкивал, размешивая сахар в чае. «Если все по-старому, то Вова сам справится, без меня», – думал он, дую в чашку. Но не угадал.

– Виктор Александрович, мне интересно – где тот момент, после которого Лиза остановилась? Хочу сразу объяснить, что у меня к вам обоим нет абсолютно никаких претензий. Мы давно вместе, Лиза уже два года в десятке, и со стороны кажется, все в порядке...

– Почему в порядке? – поспешил вставить слово Володя. – У меня работы непочатый край – ее «физику» ни дня нельзя без присмотра оставлять, сами знаете.

– Я о другом, – прервала его Татьяна. – По моим ощущениям, она не хочет идти дальше, будто в барьер уперлась и встала. Концентрация пропала, какая-то эмоциональная разболтанность... Я не говорила – сейчас на турнире пару раз кое-что в сумку забыла положить перед выездом из отеля на стадион. Раньше такого никогда не было.

– Это не барьер, это – лучшие теннисистки мира. Вы хотите, чтобы они расступились? А есть еще те, кто оказался позади и будет на пятки наступать, – дискутировал Крайнев.

– Но надо же что-то делать. Может, психолога привлечь? – наконец определенно высказалась Татьяна.

Молчание Шубина наполнилось многозначительностью. Он скрестил на груди руки и наклонил подбородок,

что означало: ему есть что сказать, но – рано. Поэтому пока солировал ассистент.

– Лучше астролога. «В середине недели Козерогам не следует выходить к сетке, сосредоточившись на получении положительных эмоций от контактов с друзьями. В конце месяца смело вносите изменения в удар справа...», – монотонным голосом закончил Володя и первый засмеялся.

Татьяна кисло улыбнулась и тяжело вздохнула. Неделю назад ночью она разговаривала со старшей дочерью – откуда той было знать, что мать спит в Австралии, – которая весело прощebetала о приобретении настоящего женского счастья в лице программиста из Венесуэлы, и теперь, если все будет хорошо, мама станет бабушкой.

«Чертова бабушка!» – подумалось ей тогда перед тем, как провалиться обратно в сон.

Она опять взяла себя в руки:

– Вова, не забалтывай меня, говори по существу, если можешь...

– Да, Татьяна Петровна, могу – и готов доложить: психолог был бы актуален либо с детства, либо – при наличии отклонений, каковых тренерский коллектив пока не выявил, но спасибо за сигнал. Или проще: вы готовы к тому, чтобы отойти на второй план? А настоящий психолог этого потребует, вернее, даже не начнет без такого условия. И доверять ему Елизавета должна будет безоговорочно – может быть, больше, чем маме с папой... Мы-то с Ксаньчем такую ситуацию переживем – люди наемные, а вы?

«А я буду внуков нянчить. В Венесуэле», – чуть не сказала вслух Федотова и опять вздохнула. Взяла бокал с белым вином и, глядя в иллюминатор, стала цедить его маленькими глотками.

Шубин внимательно, будто прицелился, посмотрел на красивую, замученную дочерью женщину, и словно охотник, дождавшийся единственно верного момента для выстрела, коротко спросил: – А она у тебя в девках?

Володя повернулся к наставнику и замер в почтительном удивлении...

Татьяна не поперхнулась, но только оставшаяся в бокале половина вина вдруг влилась в нее помимо воли. Жидкость бодро ударила о стенки желудка и отскочила в голову уже парами, прочищающими спутанные мысли.

– Это что, важно? – сказала она первое, что пришло на ум в попытках найти верную платформу для полемики по такой теме.

– Для меня нет, для нее – да, – невозмутимо обронил Шубин.

– Нам надо такие вещи обсуждать? – поинтересовалась Татьяна, признавая, что конструктивными доводами не располагает, а говорить «она еще ребенок» или «ей нужно думать о деле» в данном контексте бессмысленно.

– Ты, Петровна, первая начала, – ответил Ксаных и продолжил: – Я тебя почти на 20 лет старше – поэтому не обижайся, скажу как есть: в спорте женщинам без этого нельзя – отвлекаются. И если вовремя начинают – тем лучше... Дальше рассказывать или сама поняла?

Вслух ответа не последовало. Татьяна рассуждала: парадокс – старшая, Маргарита, которая живет как неосязаемая для матери субстанция, докладывает о своих душевных и интимных перипетиях с дотошностью исследователя, а младшая, которая постоянно рядом, оставила эту дверь на замке... И как получилось, что, заиклившись на спортивных делах дочери, она упустила такой важный момент, вернее, не соотносила его с успешностью на корте, и вот на тебе – мужики тыкают носом в женскую проблему? А когда эта проблема началась? Как ее решать? Хотя, дура, ты-то здесь при чем... Или уже все решено? Тогда кто? Я его знаю? В этом теннисном водовороте их столько... выбирай не хочу. А кого выбрала она? А он справился? Боже мой, о чем я думаю... Я привыкла контролировать дочь, но... дальше без меня? И что говорить, что обсуждать... Не дай бог советовать начнут... Пора закругляться.

– Извините, Виктор Александрович, я беру тайм-аут. Мне надо передохнуть. Олег говорил, здесь можно поспать в отдельном купе, я, пожалуй, воспользуюсь.

Татьяна поднялась, спросила у бортпроводницы, куда ей пройти, и удалилась.

– Ну, Ксаных, ты гигант, не человек – рентген, насквозь видишь. Дай с тобой вина выпить, учитель! – в приступе уважения витийствовал Крайнев. – Надо ж, где корень проблемы откопал. Не надо учебников – дай рядом быть!

– Тебе бесполезно, – усмехнулся Шубин. – О другом расскажи: почему в самолете оказался Старкович с этим, как его, индийским йогом? Не в смысле – мест мало, а вообще?

Крайнев задумался. Он чуть привстал, заглядывая вперед через кресло, где только что сидела мама Федотова, и увидел вполне мирную картину. На одном диване спал, свесив сорок шестого размера ноги, серб, на другом – уткнулся в кожаную обивку индеец; Елизавета под пледом откинулась в кресле – глаза закрыты, в ушах наушники.

– Значит, враг рядом? – он повернулся к Шубину.

– Сядь, шпион, засветишься. Врагов в этом деле у женщин нет: или союзники, или – резервисты. Вот только Лиза наша еще разбираться не научилась – молодая. И мать замороченная...

– И что делать, Ксаныч? Я, кстати, пацанов с нами не звал. А ты?

– Ну и хорошо. Я тоже. Значит, дамские штучки. Что и требовалось доказать... Помяни мое слово: через пару недель из газет узнаем, кто тут на борту Лизин хахаль, – таиться молодежь не умеет. Поведай мне лучше, Вова, о разговоре с Алексом Фришем, и не спрашивай, откуда я знаю, считай – он сам доложил.

– Ну если доложил, что рассказывать? – удивился Крайнев.

– Ты же знаешь: я в английском слаб, а ты чешешь без запинок. Убедил? Помогай старику.

«Ага. Старик, блин, – подумал Володя. – Мне бы таким стать. И как же его объехать? И чтоб не обиделся...»

– Предлагал подумать над переходом Лизы под крыло агентства – известная тебе тема. Сам видишь: мать устала, за всем уследить не может, дочь выросла... – Володя отпил сок и замолчал.

– И что ты ответил? – Шубин внимательно наблюдал за младшим товарищем.

– Да что я могу ответить. Не мы решаем, сам знаешь.

– Больше ничего не предлагал?

– Тебя что интересует, Ксаныч? Говори яснее, – Крайнев поставил бокал на столик и повернулся к стюардессе: – Дайте мне красного вина, пожалуйста.

– Да ты не ерзай, Вова. Я тебя знаю как облупленного, – спокойно проговорил Шубин. – Им со следующего года нужны капитаны команд. Работа хлебная, а в нашем коллективе такой человек должен быть русским по понятным причинам – владелец из России. Поэтому: чего темнишь?

Володя собирался с мыслями, чтобы сформулировать корректный ответ, но тут неожиданно перед ними возникли Лиза с Драганом.

– Тренеры, почему не спите? – без затей поинтересовался Старкович.

– О вас думаем, – с облегчением ответил Володя. – Садитесь, рассказывайте.

– О чем? – спросила Елизавета и опустила на мамино место. Драган расположился рядом, на подлокотнике, и, закинув руку назад, за спинку кресла, создал впечатление, что обнимает Лизу за плечи.

– Как жить дальше думаете? – провокационно осведомился Крайнев, глянув на Шубина. – Мы вот тут обсуждаем шансы вашей команды на попадание в финал. Прорветесь?

– Рано говорить, – серьезно возразил Старкович. – Но я бы хотел побывать в Москве. – И он выразительно, сверху вниз посмотрел на Федотову.

– Ну, Елизавета тебе покажет, – включился в разговор Шубин. – ЦУМ, ГУМ, «Детский мир»...

– Что это? Мой русский язык такого не знает, – простодушно спросил серб.

– Виктор Александрович шутит, – пришла на помощь Лиза. – В центре Москвы есть такие места, магазины, но мы туда не пойдем.

– Понял. Я подумал, что это названия ночных клубов...

– А какой твой любимый ночной клуб, Драган? – подержал тему Володя.

– Тренер, мой любимый клуб ночью – кровать, – невозмутимо отвечивал Старкович.

– ...И ты всех в него приглашаешь, – закончил фразу Ксаньч.

– Тише. Раджа проснется, – сквозь смех сказала Лиза. Он маленький, спать должен.

– Ошибаешься, – возразил Володя. В Индии ранние браки обычное дело. Ему сколько? Восемнадцать? Может, у него уже жена и дети.

– От первого брака, – добавил Шубин.

– Нет. У него есть подруга, он говорил, – доложил Старкович.

– И сколько ей? Лет тринадцать? – изобразил любопытство Крайнев.

Лиза фыркнула. Выражение ее лица выдавало неравнодушие к предмету разговора.

– Хороший вопрос, тренер. Я забыл узнать. Надо разбудить, пусть расскажет.

– Ты что? Дай поспать, – Лиза порывисто положила ладонь на колено Драгану, но тут же смутилась и подняла

руку вверх, чтобы привлечь внимание бортпроводницы. Та моментально подошла, осведомилась о заказе и предложила всем выбрать закуски перед горячим обедом. Ассортимент оказался лаконичен – блины с черной икрой, ломтики севрюги горячего копчения, селедка под шубой, – но когда все это через несколько минут оказалось распробованным, качество «от ресторатора Старикова» напомнило о подзабытых достоинствах настоящей русской кухни.

Вкусная еда свернула разговор в сторону гастрономии, и после десерта было достигнуто соглашение о послеобеденном отдыхе.

Самолет пересекал океан.

Путешественники, научившиеся засыпать вне зависимости от смены часовых поясов, привычно расслабились. Под низкий гул турбин им виделись сны.

...Татьяна Петровна покупала памперсы в супермаркете. Она не могла сделать выбор и обратилась за помощью к продавщице. «У вас мальчик или девочка?» – «Две девочки». – «Какой возраст?» – «Двадцать и двадцать три». – «Килограмм?» – вежливо спросила продавщица. – «Ну что вы – лет. Они большие...» – «Вам надо сделать звонок в Венесуэлу и уточнить размеры, вот телефон». – «Откуда она знает про внучку из Венесуэлы?..» – подумала Татьяна и перенеслась в какие-то тропики, где на опушке девственных джунглей увидела идиллическую картину. Бамбуковая хижина, покрытая пальмовыми листьями; детская люлька, сплетенная из лиан и подвешенная под огромным кустом с яркими алыми бутонами; люльку покачивает Маргарита, одетая только в цветастую

тряпичную набедренную повязку, а у порога хижины в позе бога Шивы восседает смуглый красавец в чалме. На нем зеленый френч и такие же бриджи, заправленные в черные сапоги. Одной рукой он держит раскрытый ноутбук, другой – маленький микрофон, он что-то диктует...

...Володя Крайнев стоит на огромном пьедестале в окружении подопечных. Командный Кубок взят! Он не видит лиц ребят, не помнит имена. Они это он, а он – они. Момент триумфа! Он долго был незаметным – пусть и незаменимым – дублером, который вышел из тени, для того чтобы стать первым... Звучит ставшая гимном чемпионов песня, но вдруг почему-то слова «we keep on fighting till the end» заменяются русским текстом «и не забудь про мой массаж»...

...Драган Старкович всматривается в растворяющийся в голубизне горизонт. Его руки лежат на штурвале, он привычным взглядом окидывает приборы и поворачивает голову вправо. Место второго пилота занимает Елизавета Федотова, на ней белая форменная рубашка с галстуком, и всё... Она ведет переговоры по рации: «Да поняла, мама. Рядом... Не волнуйся, приземляемся через четыре часа. Я в полной безопасности...» Драган усмехается и переводит управление на автопилот. Пробует снова. Лиза потягивается и развязывает галстук. На дисплее пульсирует надпись: «Переход в режим автопилота заблокирован»...

...Раджа поднимается по ступенькам в дом своих родителей. Их дом небогат, но крепок семейными узами. Он долго отсутствовал и соскучился по трем старшим сестрам и двум младшим братьям. Еще больше он соскучился по невесте, которую знает с рождения. Она – соседская дочь, и ее отец уже 10 лет считает свадьбу вопросом времени:

жених на заработках, он стал получать много денег на теннисных турнирах и скоро приедет. Раджа входит в комнату и видит любимое многочисленное семейство вместе с соседями и их родственниками. Они все стоят вокруг невесты, поют и показывают руками, чтобы он подошел ближе. Невеста оборачивается... и оказывается русской теннисисткой Елизаветой. «Сюрприз!» – хором кричат гости и хозяева, вовлекая юношу в танцевальный круг...

...На берегу тихой речки сидит знаменитый теннисный тренер Виктор Шубин. Ему хорошо. Он уже несколько дней ловит рыбу, одного за одним вынимая из зеленоватой, пахнущей кувшинками и тиной воды то подлещика, то ерша, а то – прошлым утром – жирного зеркального карпа. И каждый раз приговаривая: «Это тебе не сибас с дорадой, это для ухи с водкой и усладой», – снимает с крючка очередной экземпляр. «Подсачник забыл, Ксаныч!» – раздаётся незнакомый голос, и кто-то бросает около ведерка с уловом брезентовый чехол. Шубин не оборачивается, развязывает тесемки и достает из чехла короткий подсачник – теннисную ракетку без струн...

Глава 11

– Султан, ты где?

– Сейчас посмотрю в окно...

– Смешно. Ты уже слышал новости из Англии?

– Олег, я что-то могу пропустить, потому что в самолетах бываю чаще, чем на земле. Ночью прилетел в Париж. На «Ролан Гаррос» у меня совещания. Что случилось?

– Рассказываю. Мои друзья из Лондона сообщают, что владельцы Уимблдонского клуба не приняли решения по поводу допуска на корты теннисистов в новой форме. Дискуссия вышла из-под ковра, и эта аристократическая братия вот-вот сделает официальное заявление. Если такое произойдет, то... сам понимаешь. Ты должен их опередить. Решаешь вопрос?

– А что, есть выбор? – без воодушевления парировал Победов и посмотрел на часы: семь утра. Скорее всего, Федотов звонит из Москвы. Интересно, Рабински он уже озадачил? Но вслух спросил: – Ты сюда собираешься?

– Если только Лиза доберется хотя бы до полуфинала. Жена доложила, что у дочери завелся бойфренд и что она теперь видит проблему... – Федотов замолчал.

– Тоже решать? – на всякий случай поинтересовался Султан.

– Не отвлекайся, сами разберутся. Позвони, пожалуйста, когда будут новости. Удачи.

Хотелось, как в детстве, провалиться обратно в сон. На седьмом десятке Победов, в отличие от сверстников, не страдал от бессонницы, потому что вычислил: при его ритме жизни он недоспал примерно пять-шесть лет, и организм требовал отдать долг, особенно по утрам.

Но после таких новостей заснуть – преступление. Мозг уже загрузился и начал перечислять людей, способных повлиять на ситуацию. Понятно, что президенту МТФ первому выходить на сцену не стоит – светиться, пока нет официального заявления, глупо. Задавать вопросы Чарльзу Стоуну тоже рано, а может, и бессмысленно, потому что непонятно, на какой он стороне – иначе обязан

был бы дать знать. По старой памяти пришло в голову выйти на посла, но следующая мысль, «А кто там сейчас послом?», отрезвила и вернула к действительности. Да, были времена...

Одного за другим перебрав ближний и дальний круг знакомых, осевших в Лондоне, понял: среди них нет таких, кто мог бы повлиять на жрецов самого статусного в мире теннисного клуба. Деньги трансформаторов российских недр в зарубежные авуары тут бесполезны; высокие связи – тоже не их конек в Англии. Проблема реальна...

Он спустился на завтрак, как обычно здоровался направо и налево, обменивался впечатлениями и продолжал размышлять о том, что кто-то же может помочь...

Выйдя из отеля и садясь в машину, Победов вскользь отметил, что официальная транспортная служба обзавелась автомобилями нового поколения.

«Новое поколение... Как же я мог забыть о таком шансе?.. Вот кого стоит попробовать на фронтах интриг во благо достижения цели! Высокопарно?! Ничего, пусть учатся», – сам с собой разговаривал Султан, отыскивая в телефоне нужный номер.

С этим абонентом его когда-то связывали дружеские и рабочие отношения, но и те и другие пришлось прервать, когда на ниве российского тенниса последние стали слишком тесными... Друг потерял в деньгах, но получил компенсацию в виде полезных международных контактов, которые уже несколько лет поддерживала его дочь, давно обосновавшаяся в Лондоне. По достоверным данным (знакомых источников-то теперь вон сколько),

там она прагматично воздерживалась от активного общения с разудальными молодыми соотечественниками и, беспрекословно выполняя советы отца, через теннис обзаводилась более солидными знакомствами. Ей это хорошо удалось, и она вот-вот украсит свое генеалогическое древо.

– Привет. Как дела?.. Давно тебе не звонил. Слышал, куда меня занесло? Спасибо. Это чтоб надежней грохнуть. Ты сейчас далеко?.. Так мы рядом. Я в Париже. Подлетай, посмотрим теннис из моей ложи, дело тут одно обсудим. Если сможешь, буду благодарен... Договорились?.. Ну всё, есть. До завтра.

Автомобиль с президентом МТФ подъехал к стадиону.

Свежая мысль: многое познается в сравнении. Возьмем, к примеру, последний месяц весны. Для одних это «Мир! Труд! Май!», для других – май... Париж... «Ролан Гаррос»... Найдите два отличия.

По большому счету все чемпионаты «Большого шлема» равны, как четыре горные вершины, одинаковые по высоте и недостижимости. Им нет смысла состязаться между собой или с другими турнирами, кто круче, – вековая фора не дает шансов обогнать эту квадригу. Отсюда – по-королевски спокойное тщеславие организаторов, озабоченных одним: на что потратить доход, чтобы стать еще лучше. Отсюда – выдержанный симбиоз масштаба, комфорта и традиций, ненавязчиво, но внятно напоминающий о статусе события. И конечно же, главный козырь всей четвертки – финальный матч, который к последнему дню наполняется таким пафосом, что даже

если он катастрофически безлик и краток, то все равно проходит при полных трибунах, транслируется на весь мир, и о его победителе сообщают радиостанции всей планеты, провозглашая имя нового или повторного триумфатора. А тот, кто разгромлен, волей-неволей оставляет себе неброское, но достойное, как английский твидовый пиджак, звание «финалист турнира «Большого шлема», своего рода гарантию качества исполнительского мастерства.

В общем, четыре главных события в профессиональном туре – это изумруды в мировой теннисной короне, которыми не налюбуйешься.

Но так уж устроен человек – поест черной икры с золотых тарелок и задумается: а золото под яством какой пробы? Вроде бы из другой тарелки было вкуснее...

Так вот и в Париже, попробовав «Ролан Гаррос», понимаешь, что есть тут нечто особенное, и когда сравниваешь – независимо от элитарности и патетики грандиозных финалов – выстраиваются в ряд: до обморока удушающая жара Мельбурна, шумная урбанистическая духота Нью-Йорка, плаксивая хлябь островного Лондона.

А тут... Предлетний месяц на краю Булонского леса, почти в центре Европы, где в окружении свежей зелени каштанов и акаций гармонично нашли себя черепичные площадки и бежевые стены трибун и шатров.

Это вам не цветастость и навязчивость объема на US Open, не инопланетность и географическая инородность Мельбурна и не защищенное веками депрессивное сочетание фиолетового и темно-зеленого на Уимблдоне.

Или взять то, о чем помнят ноги теннисистов: жесткий, раскаленный хард или вдруг чудаковатая английская трава...

А тут... Мягкая смесь песка и кирпичной крошки, которая после полива дает непередаваемый запах от соединения воды и натурального спортивного грунта. И кажется, что, вдыхая его, впитываешь ту самую энергию земли, благодаря которой бегаешь потом за желтым мячиком до изнеможения.

Да и само название... Ни тебе внятной топонимии, ни ссылки на какой-либо эпизод древней революционной заварухи – нет. Летчик! Авиатор начала XX века месье Ролан Гаррос! Будьте любезны: вы – теннисный стадион! Изящно и нетленно. Как французская кухня.

Победов демократично забыл предупредить о своем появлении на стадионе Франсуазу Миллард, дав себе некоторое время – пока скоро не вычислят – побыть фланирующим посетителем, вынесенным толпой на площадь Мушкетеров.

Сами собой мелькнули дежурные воспоминания о предыдущих – нет резона их считать – визитах или, по-старому, «выездах в составе спортивной делегации на неофициальный чемпионат мира на земляном покрытии».

И захотелось поверить, что по большому счету мало что изменилось – те же площадки, те же деревья вокруг; да и мы в принципе те же самые, только чуть постарше. Но вот детали... Куда ни кинь, поменялись. Где франки, телефонные будки, механические табло? А где

переживания – хватит ли на всё командировочных? Это и оно – изменения вроде не катастрофические, но о возрасте напоминают реальней любого юбилея...

– Посмотри, какой расклад, – русская речь прервала думы Победова. Двое, видимо туристы, стояли перед табло с расположением команд.

Внешний вид одного выдавал профессионального любителя тенниса – поджарый, загорелый, в шортах и майке «Косталь»; приятель же имел облик явно эпикурейский – широкие льняные брюки и рубаша навыпуск не могли скрыть бочкообразного живота знатока гастрономии.

– «Небеттон» без Астера – на третьем месте! Он третий месяц пропускает, и такой результат, – комментировал толстяк.

– Ты, брат, не в теме. У них на последнем номере оказался чумовой китаец, всех чешет; он теперь кормилец.

– А, понял. Хорошая фишка – типа можно любить не только лидера.

– Любить не обязательно, но следить надо. Астер, кстати, здесь и собирается играть. Если хочешь, можешь сделать прогноз на турнир, вон стенд «Иноси»: бери бесплатно телефон, софт там уже закачан.

– Я не понял: ты меня в игру какую-то втягиваешь или позвал теннис посмотреть?

– Да успокойся, куда тебя втянешь с таким весом...

Рядом с ними возник третий, маленького роста брутальный крепыш в джинсах и майке без рукавов. Он разговаривал по телефону и, не прерываясь, обменялся с друзьями рукопожатиями.

– ...Ты же наш основной эксперт по ставкам, и вообще ты этот турнир когда-то выиграл. Так что не тяни – советуй, время до вечера есть, – он закончил разговор и начал изучать одиночные сетки, ни на кого не обращая внимания и давая тем самым понять, кто сейчас главный.

– Ну и что тебе сказал знаток? – не выдержал Загорелый.

– Сказал, хочет еще посмотреть, – задумчиво проговорил Крепыш, рассматривая табло.

– Да зачем, когда и так видно: у «японцев» больше всех сеяных – надо на них ставить.

– Не факт. У «нефтяников» грунтовики собрались – тоже аргумент. – Крепыш обернулся, подмигнул Загорелому и решил включить в разговор толстяка: – Эй, Большой Пьер, у тебя мнение какое?

Тот не замедлил с ответом:

– Для начала, мне кажется, пора пообедать.

– Так, понятно, – оба кивнули.

– А потом, мне не нравится ваша суета. Я вот сейчас выберу себе коллектив – и буду болеть. Только за него. До конца. Как полагается.

Друзья не ожидали от своего товарища такой простой версии и на мгновение оторопели.

– А если заранее окажется, что по очкам твой коллектив не доезжает до финала? – первым спросил Загорелый. – Будешь на него ставить?

– Дети мои, вы думаете, я ракетку в руках плохо держу – значит, профан? Вы еще не отличали рубля от доллара, когда я уже консультировал букмекеров. Во-первых, здесь у вас все просто: индивидуальные очки – в общую

копилку; во-вторых, любая команда может за две-три недели обогнать другие, потому что либо у кого-то лидер провалился, либо у кого-то темная лошадка обнаружилась; и в-третьих, прошу не забывать – договорных матчей никто не отменял, а я с детства в коррупции, – закончил Толстяк и захохотал.

– Ой смотрите! Султан Победов! – раздался громкий писк, и из толпы вылетела долговязая девица с аккредитационной карточкой «Пресса» в руке.

Многие, включая русскую троицу, обернулись и опознали президента Международной федерации тенниса.

Султан посмотрел на часы: «Продержался четыре минуты».

– Извините, – затараторила журналистка, – я вчера прилетела, я первый раз, мне в «Московском спорт-ревю» сказали разузнать побольше. Вы мне дадите интервью?

«Ну и ну», – успел подумать Победов, но позвонил телефон, и Франсуаза Миллард сообщила, что она планировала увидеться на совместном обеде, но любезно ждет Президента на ланч и просит не отказать.

Возникший перед ним референт в клубном пиджаке с шевроном ФФТ вежливо улыбался и уже жестом показывал дорогу.

«Пять минут», – зафиксировал Султан и собрался последовать за сопровождающим, но на пути стояла отважная девица с гордым и счастливым видом человека, выигравшего джек-пот в лотерее.

– Как вас зовут, девушка? – быстро сориентировался Победов.

– Юля. Я совсем только...

– Хорошо, хорошо, не переживайте. Мне нужно идти, поэтому вы пока начните общаться с нашим внештатным советником. Вон он стоит с товарищами у табло, видите, большого размера мужчина? Его зовут Петр. Передайте, что я попросил, – и, не дожидаясь ее реакции, помахал рукой компании специалистов, которые молча глядели в их сторону: – Ребята, расскажите Юле о теннисе. И передайте привет знатоку.

- Добро пожаловать, господин президент.
- Рад встретиться снова, Султан.
- Привет, босс.
- Доброе утро, мистер Победов.
- Давно не виделись, шеф, – последним закончил

Рабински.

Султан поздоровался со всеми и огляделся.

Помещение оказалось незнакомым – отсутствовали окна, зато на стенах разместились абстрактные картины, по которым можно было понять, что в них присутствует намек на теннис: силуэты парящих фигур с абрисами ракеток и следы невидимых мячей среди ярких светло-коричневых полей...

Посередине стоял стол, сервированный на шесть персон. Пока разливали кофе, Султан отметил, что отсутствует сэр Чарльз.

Франсуаза Миллард дождалась, когда за официантами закрылась дверь, и произнесла:

– Уважаемые коллеги, на правах хозяйки заведения прошу вас рассаживаться и отведать творения нашего кондитера.

Гости с воодушевлением откликнулись, словно понимая, что сладкие закуски помогут смягчить вкус горькой пилюли, которую надо будет дружно всем принять.

Никто не хотел первым начать серьезный разговор, и даже Победов не спешил воспользоваться прерогативой должности.

Устав ждать инициативы от мужчин, госпожа Миллард решила начать первой:

– Дорогие друзья, нам предстоит сегодня встретиться на официальном приеме от имени Федерации тенниса Франции. На него впервые приглашены новые лица, владельцы команд Объединенной командной лиги. Нет необходимости объяснять, какая честь – принимать гостей такого ранга. Однако новости, поступающие из Англии, ставят под сомнение атмосферу комфортности на нашем обеде, и мне крайне не хотелось бы, чтобы он оказался посвящен обсуждению известной проблемы. Поэтому я призываю вас подготовить единое мнение по этому вопросу, и оно должно быть не только внятным, но и в какой-то степени отражать нашу общую уверенность в преодолении возникшего препятствия. Я права, господин Победов? – вопросом закончила Франсуаза, давая понять, что зашла на территорию Президента.

– Несомненно, – ответил Султан и посмотрел на Рабински, который с отстраненным видом держал чашку с кофе у рта и рассматривал живописное полотно на стене.

Вслед за Победовым остальные тоже сосредоточили внимание на Чаке.

Тот, выдержав паузу, оглядел всех по очереди, как бы отвечая на взгляд каждого, передернул плечами и безадресно спросил: – А вы готовы к решению проблемы? Судя по отсутствию мистера Чарльза, о стопроцентном единстве говорить не приходится. А оно нам пригодится.

– Чак, единство может возникнуть на основе общей платформы, но мы ее пока не выработали. Для начала хотелось бы узнать о рецептах, предлагаемых держателем проекта, – высказал мнение Рой Хант и взялся за очередное пирожное.

Рабински продолжил:

– Пока я могу только моделировать ситуацию, когда Уимблдон закроет двери перед игроками, – официальных заявлений не поступало, но если такое произойдет, формально за бортом останутся 100 лучших из 256 участников. Вопрос первый: кто больше потеряет? Я не знаком с доводами англичан, но мне кажется, наш проект достаточно органично вписался в мировой теннис и поднял его на новую высоту. Нам повезло, и мы нашли прогрессивных людей, взявших под финансовое крыло и саму идею, и 10 команд Лиги. Может быть, кто-то из присутствующих видит глубокий смысл в нанесении вреда – тогда поделитесь секретными данными. Я не отказываюсь от личной ответственности, однако с самого начала мы продумали и предложили концепцию взаимовыгодной заинтересованности для всех сторон, и я, хоть убей, не вижу причин для противодействия в принципе всем нам. – Он с досадой покачал головой.

– Извини, Чак, я тебя прерву, – сказал Джек Марье. – Нам понятно, что ты близко к сердцу принимаешь происходящее, но британцы думают не о том, чтобы нанести нам вред, а о том, чтобы не нанести вред себе. «Отсутствие новостей – лучшая новость». Они – авторы. Старцы, которые управляют Уимблдоном, прекрасно понимают, что сохранение традиций – их единственный козырь в маркетинге, и, надо сказать, он работает. Где в мире найти спортивное событие без рекламы? Здесь – пожалуйста. Они ничем не связаны, и даже игроки их по большому счету мало интересуют: игроков много, а Уимблдон один, и кто победит – не важно. Турнир однажды перенес бойкот – дело было в начале семидесятых прошлого века, – и ничего, просто участвовали те, кто не отказался. И я авторитетно скажу: места выбывших займут с удовольствием. Кстати, напомним: среди владельцев команд отсутствуют английские компании, и с этой стороны тоже не зайти.

– Может быть, все-таки позвонить сэру Чарльзу и прояснить ситуацию? Он чопорный человек, и ему, скорее всего, неудобно докладывать обстановку первым, – высказал мнение Рой Хант.

– Дорогой Рой, – с нотками раздражения вступила Франсуаза, – ему просто нечего сказать, потому что – напоминаю устройство Уимблдона – турнир проводится Комитетом, куда входят семеро представителей Лаун-теннисной ассоциации Англии и 12 членов Всеанглийского лаун-теннисного клуба, который, в свою очередь, владеет стадионом и, соответственно, всем, что на нем происходит. А возглавляет Комитет председатель Клуба,

раз в год принимающий, так сказать, в гостях древнейший чемпионат на планете.

– Но он же не может принимать решения единолично, кого-то он слушает? – продолжал выяснять детали Рой.

– Да, есть еще президент – Его Высочество Герцог Кентский, – с легкой иронией пояснила Франсуаза. А патронирует заведение Ее Величество Королева Англии. Телефон не дать?

– Вы меня извините, но нет ли там женщин? И если есть, то какую роль они играют? – допытывался австралиец.

– Невнятную, – коротко ответила Франсуаза и добавила: – Их в комитете три: две от клуба, одна от ассоциации, и они находятся на тех позициях, от которых мало что зависит. Эмансипация обошла остров стороной, – закончила она с усмешкой.

– Я хочу сообщить, – неожиданно громко произнес Ли Фонг, отчего все притихли и с интересом посмотрели на руководителя китайского тенниса; он редко брал слово на совещаниях. – Я хочу сказать, моя страна тоже бережно относится к традициям, и этим традициям несколько тысяч лет – больше, чем английским. Однако моя страна нашла путь, на котором обычаи и ритуалы не стали препятствием для движения вперед. Мы в теннисе делаем общее дело, и если кто-то из нас отказывается идти дальше, то пусть остается в стороне.

Ли Фонг замолчал, и не сразу стало понятно, что он завершил выступление. Несколько секунд тишины помогли осознать четкость формулировки и стратегию решения проблемы.

Уловив в атмосфере единство, слово взял Победов:

– Если я правильно понял, уважаемый господин Фонг отразил суть происходящего – доходчиво обозначив ту самую общую платформу, о которой спрашивал Рой. Теперь можно переходить к тактике преодоления препятствия и выбору инструментов. Какие будут соображения?

Рабински воодушевился:

– Предлагаю не ждать никаких уведомлений из Лондона и сыграть на опережение. От имени Профессиональной теннисной ассоциации мы опубликуем меморандум, где первыми объявим, что 100 лучших игроков, участников Объединенной теннисной лиги, считают целесообразным отменить обязательную белую форму. В противном случае мы проигнорируем Уимблдон, но не так, как рассказал Джек, – когда еще существовали любители, – а тотально: оставшиеся 156 спортсменов получают компенсацию за вынужденный двухнедельный простой. Текст меморандума я предоставляю вам к вечеру. Одновременно полезным будет опубликовать в Интернете статьи в поддержку нашей позиции. Предварительную пресс-конференцию я готов дать здесь, на вашем чемпионате, мадам, – Чак сделал почтительный кивок в сторону Франсуазы, – если вы согласитесь, конечно.

Все посмотрели на президента французской федерации тенниса.

Было заметно, что ей льстит такое внимание: четверо опытных, наделенных большой властью мужчин ждали от нее ответа.

«Почему я не президент МТФ», – подумала она, но тут же отогнала крамольную мысль, прекрасно понимая,

что лишь намек об этом мгновенно переведет сидящих рядом с ней партнеров в разряд оппонентов с оттенками каннибализма.

– Я не против, месье Рабински, но инициировать пресс-конференцию раньше времени вряд ли целесообразно. Сначала надо дождаться ответа на свое обращение, а потом уже реагировать.

– Вы правы, Франсуаза, – дополнил Победов. – А куратнее, Чак, подожди с меморандумом. Сначала отправь письмо с просьбой и обязательной ссылкой на решение МТФ – в моем секретариате возьми нужные данные. Если получишь на бумаге отрицательный ответ, тогда предъявляй ультиматум, делай заявление, оглашай билль и так далее. С прессой – каждый со своей – мы поможем, журналисты уже начали задавать вопросы, и чем больше будет разговоров, тем лучше.

Все, кроме Рабински, одобрительно кивнули, но он не стал возражать, признавая политическое мастерство старших товарищей; к тому же цель была достигнута – его план в целом акцентировали.

– Итак, Франсуаза, не беспокойтесь – на сегодняшнем обеде мы будем выглядеть как минимум дружно и с атакующим планом действий наперевес, – заключил Победов.

***

На центральном корте имени Сюзанн Ленглен сектор, предназначенный для уважаемых людей, наполнился как на финале. Важные персоны не отказали себе в удовольствии собраться для совместного просмотра

показательного матча, традиционно проходящего за день до официального начала турнира.

На этот раз представление давали ветераны – француз Эдмонт Ирна и американец Гэс Андари. Едва они показали на арене, по трибунам прокатился гул одобрения, сменившийся долгими аплодисментами. Зрители, видевшие двух великих бойцов в эпоху их расцвета, спустя 15 лет радовались одному факту встречи своих кумиров на корте.

И кумиры не подвели, начав представление, с одной стороны – имеющее форму обычного матча, но с другой – превратившее игру в гротескную смесь пантомимы, балета и комедийного клуба.

Они то безжалостно гоняли друг друга по всей площадке, то, передыхая, начинали яростно конфликтовать из-за спорного мяча, обращая при этом к прецедентам 20-летней давности, а то вдруг бросались заботливо вытирать один другому вспотевший лоб полотенцем – арсенал аттракционов был неиссякаем. Каждый экспромт встречался бурной овацией, а удачный розыгрыш – хоровым стоном удовольствия.

Одновременно с первыми ударами на трибуне появились самые почетные гости. Отобедав, они рассаживались в кресла с именными табличками на спинках (искусство протокола занимало в арсенале Франсуазы Миллард передовые позиции!) и внимательно разглядывали все вокруг. Со стороны казалось, что стадион посетила группа дисциплинированных туристов, у которых в программе на воскресенье запланирован просмотр тенниса.

По большому счету так оно и было, и счет точно был большим, потому что многие из этих туристов прилетели в Париж на собственных самолетах.

Не все из них разбирались в тонкостях игры, но, дипломатично приняв приглашение ознакомиться с областью, где возник новый нематериальный актив, они с любопытством следили за тем, что происходило на корте, и по их реакции, за которой, в свою очередь, следили заинтересованные лица, им нравилось.

– Как вам сегодняшний обед?

– Великолепно. Не жалею, что прилетел сюда на один день...

– Вы что-нибудь поняли из разговоров об Уимблдоне?

– Да. Я понял, что есть проблема и есть пути ее решения.

– Вы верите в изменения на Альбионе?

– Почему нет. У нас в Японии не было ни одного автомобильного завода, когда в Америке уже выпускали миллионы машин, и это положение тоже считалось неизменным...

– Вы прекрасно выглядите, мадам. Наверно, играете сами?

– Спасибо. Предпочитаю ходить под парусами, больше тонизирует.

– Тогда почему теннисная команда?

– Здесь есть игра...

– Мистер Рабински, посмотрите, что они вытворяют. А нельзя включить в команды таких ветеранов?

– Вполне реально, но было бы лучше иметь их в качестве капитанов или главных тренеров – и игрокам понятней, и вам проще спросить с профессионалов...

– Мой спортивный управляющий доложил, что он получил предложение о покупке нашей команды. У вас такого не было?

– Если оно поступило от швейцарского инвестиционного фонда – то все в порядке. Они таким образом прощупывают перспективы капитализации проекта. Ответим сейчас, что готовы, – исчезнут моментально...

Чуть ниже на трибуне сидел президент МТФ и беседовал со своим давним знакомым, прилетевшим по его приглашению из Лондона. Прикрываясь от солнца, оба надели одинаковые стильные соломенные шляпы (комплимент-аксессуар от организаторов) и, как и полагается почтенным джентльменам, которые давно не виделись, разговаривали о детях.

– ...Ну и помогает ему твоя фамилия или мешает?

– В разных ситуациях по-разному. В России больше помогает, чем мешает; в международных контактах, скорее наоборот. Но другого выхода у него нет – только самому доказывать... А твой парень, наверное, в нефтянке? Он же Губкинский заканчивал.

– Да, с отличием. Правда, я его все равно на пару лет в Сибирь отправил, чтобы знал, откуда деньги начинаются. Сейчас при делах, в «Русойле».

– Дочь-красавица радует?

– Непрерывно. Работу выполняет, карьеру делает, сейчас вот семью собирается строить. Самостоятельный человек. Одна напасть – теннис ваш любит. Завтра прилетит, здесь у них встреча директоров лаун-теннисных клубов.

– Здорово, – прокомментировал Султан. – И кто избранник?

– Из благородной богатой семьи. Перспективный. С хорошей родословной.

«Похоже, он меня «тренирует». Ладно, пусть, имеет право. Но пора проявить осведомленность», – подумал Победов и вскользь осведомился: – Уж не сэра ли Эдварда Дугласа, шефа Уимблдона, внук?

– Он самый. Уинстон Дуглас, надежда семьи на продление клановой репутации. Его отец ее слегка подкосил – оказался перманентным прожигателем жизни, и дед сделал ставку на внука. Говорят, ставка оправдалась и молодой Дуглас уже видит себя в парламенте.

– Ты с дедом общаешься?

– Да нет, познакомились во время помолвки и больше не виделись. Дочь с ними тусуется, ездят в родовое имение. Он это любит, мечтает правнуков дожидаться.

– А ты что?

– Да ничего. Подарю им на свадьбу вертолет, и всё. Чтоб с внуками ко мне прилетали. Я тут одну старую дачу под Йоркширом приобрел, буду переделывать – бассейн нужен с русской баней, корт теннисный, вертолетная площадка опять же.

– Ладно, остановись. Для твоей дочери у меня есть предложение: возглавить департамент маркетинга МТФ. В качестве теста пусть решит задачку...

Стадион взорвался долгим приступом смеха. Неувядаемые виртуозы раз за разом направляли мяч с задней линии друг другу под право, и счет ударов перевалил уже за 50, когда Эдмонт Ирна остановил игру, подошел к судье на вышке и обратился с просьбой наказать соперника за пассивность. Судья невозмутимо выслушал апелляцию, кивнул и объявил: «Ровно».

Поскольку Эдмонт проявил коварство на матчболе Гэса, тот остолбенел. «Девять, восемь, семь...», – начал отсчет рефери, после чего американец со словами «это не Америка, это – Африка!» пошел подавать заново. Начав обычные постукивания и помахивания, он вдруг замер и неожиданно выполнил удар снизу, послав мяч высоко вверх. Пока такая свечка летела в квадрат подачи соперника, Гэс сорвался с места, перебежал на противоположную сторону и сделал знак французу, чтоб не мешал, мол, приму сам. Затем, со зверским видом отведя ракетку... промахнулся и, изображая отчаяние, понуро отправился обратно на свою половину. «Меня обокрали!» – обратился за справедливостью Ирна. «Матчбол Андари», – безразличным голосом объявил счет арбитр.

Глава 12

– ...Лиза, мне стыдно читать новости о тебе в Интернете, – устало возмущалась Татьяна Федотова.

– Читай журналы, – не глядя на маму, безразлично отвечала дочь.

– Ты думаешь, там другое? «Инструктор по теннису и Камасутре»... дальше цитировать?

Лиза не ответила и отодвинула от себя тарелку с салатом. Начиналось время обеда; они сидели за круглым столом в кафе для игроков, и пока никто не подсел, Татьяна Петровна пыталась исполнить материнский долг.

– Мало мне старшей, и ты туда же. Откуда это у вас?

– Ты про что, мама? Я рожать не собираюсь, – деловито заверила Лиза, – и вообще не мешай мне: я уже, между прочим, три круга прошла и нуждаюсь в психологическом комфорте, – она спасительно замахала рукой Берецким, которые вместе с Тимофеевым набрали на подносы еду и глядели, куда бы присесть.

– Пошли, Лизке надо помочь, – сказал Сеня, заметив сигнал.

– С чего ты взял? – ехидно возразила Вика.

– Сам в беде, тону.

– Так оно же не тонет... – отстав на шаг, себе под нос пробормотала сестра.

– Тебе виднее, – отозвался Сеня.

Глядя на приближавшуюся компанию, Татьяна Петровна поймала себя на желании уйти. Уже не хотелось, как раньше, видеть в них пусть и повзрослевших, но детей. Слишком резко возникла грань между их беззаботной молодостью, которую она контролировала, и новой самостоятельной жизнью, где ей – трудно поверить – остается все меньше места; а балансировать на этой грани не осталось сил.

– Здравствуйте, мама Таня, – весело произнес Евгений. – Ничего, что я с детьми? Не с кем было оставить, – кивнул он в сторону Берецких.

– Тоже чудят? – взяв себя в руки, пошутила Федотова, глядя на Лизу, которая криво усмехнулась.

Опережая дальнейшие комментарии, Елизавета радикально сменила тему:

– Уимблдон играть будем? У нас в «Русойле» менеджер сказал, что запретить он не может, только вот белая форма без утвержденной идентификации команды – нарушение контракта.

– Везде одно и то же, – не отрываясь от спагетти, высказался Сеня. – Менеджеры – враскоряку, – и умолк, продолжив прием пищи.

– Да, им не позавидуешь, – отметил Тимофеев. – Владельцы спросят... Засада.

– А владелицы? – невинно поинтересовалась Вика и обменялась взглядами с Елизаветой.

Евгений промолчал. Глубоким вздохом он мудро обозначил, «с кем приходится иметь дело», и вернулся к тарелке.

– А что говорят те, кто в ваших командах? Вас же там по 10 человек, – вновь почувствовав себя ответственной, задала вопрос Татьяна Петровна. Быстрого ответа не прозвучало, и она разочарованно обронила: – Ну и команды...

– При чем здесь команды, мама?! Мы же не по своей воле оказались заложниками – кто-то не договорился, а мы крайние. Кому не хочется Уимблдон выиграть? Есть такие? – Лиза подбородком очертила сидящих напротив.

– Не уверена, – отреагировала Виктория. – Какой кайф победить в таком турнире без приличных игроков? Профанация полная, стыдно будет.

– Тебе – да. Теперь встань на место тех, у кого другого шанса подняться, может, больше и не будет, – возразил Тимофеев. – Поглядите на своих четвертых и пятых номеров: совсем другая мотивация; плевать они хотели на условности – им победы нужны.

– Не совсем так, – откликнулся Семен. – У нас в «Скелоре» четверо из Китая, так они между собой говорят, что если для команды лучше не играть в Уимблдоне, значит, интересы команды важнее. Что-то в этом есть.

– Говорят, лет 40–50 назад была ситуация: кто-то бойкотировал турнир, но не помогло – остальные приняли участие, – аргументировал Евгений.

– Вы читали интервью Матвея Александрия, нашего телевизионного комментатора? – спросила Татьяна Петровна.

– Какое? У него их столько... – пробормотала Елизавета.

Опять испытав чувство морального превосходства, Татьяна подумала: пригожусь еще, и продолжила:

– ...Последнее, где он рассказал о том Уимблдоне, в котором выступал в 1973 году. Тогда существовали так называемые социалистические страны, и все их спортсмены считались любителями, даже если выступали в профессиональных турнирах.

– Не понял, – удивился Сеня. – Как могли попасть в Тур непрофессионалы?

– Дослушай. Они играли классно, только у себя на родине зарплату им платили казенную, и поездки оплачивало государство.

– Так это же здорово, гарантированное содержание, – опять не удержался Березцкий.

– Сенечка, дай расскажу до конца, – терпеливо продолжила Татьяна Петровна. – Одна деталь: призовые деньги любители целиком отдавали своему государству, потому что полностью от него зависели. Так вот, в тот год один из профессионалов перед Уимблдоном был обвинен в употреблении допинга за то, что воспользовался каплями от насморка. В знак протеста многие из его коллег отказались от участия, но любители из соцстран такого себе позволить не могли – их бы на родине дисквалифицировали. Поэтому тогда Уимблдон все-таки состоялся, и Матвей дошел до финала, в котором проиграл Якову Конешу из Чехословакии. В этом же интервью он говорил, что сейчас, когда профессионалами стали все игроки, бойкот реален.

– Ваш босс более конкретен. Я только что на официальном сайте ПТА прочел: те, кто пропустит Уимблдон, получают денежную компенсацию, – сделал объявление Володя Крайнев и занял место за столом.

– Сколько? – почти хором спросили все, кроме Федотовой-старшей.

– Кто ж вам сейчас скажет, – разбирая блюда на подносе, невозмутимо ответил Крайнев, посмотрел на Татьяну и добавил: – Хапуги, а не молодежь.

Тимофеев сориентировался первым, достал из кармана телефон, быстро нашел нужный сайт и начал читать вслух:

«Чак Рабински, опираясь на поддержку Международной теннисной федерации, заявил, что направил руководству Уимблдона письмо с просьбой разрешить участникам использовать спортивную форму в соответствии с регламентом Объединенной теннисной лиги. На вопрос о последствиях отрицательного ответа он сообщил, что в интересах спортсменов было бы не допустить такого развития событий. Однако у ПТА есть резервные возможности для компенсации финансовых потерь игрокам, которые останутся на стороне здравого смысла и перспектив развития тенниса в целом...». Вот вам, – закончил Евгений.

– Так сколько конкретно? – настаивал Семен.

– Торóпитесь, дети, – солидно ответил Крайнев и авторитетно заключил: – Решения-то от англичан не поступало, вопрос до сих пор открыт. Политический маневр это называется. Нет официального ответа – нет официальной реакции. Соответственно, зачем открывать карты. Но я бы призовой фонд разделил на всех поровну – и вся недолга.

Трофимов опять взялся за телефон, быстро понажимал кнопки и поморщился: – Маловато.

– Зато честно, – уверенно сказала Вика.

– Если не играть? – с сомнением, будто спрашивая саму себя, произнесла Лиза.

Вся компания сосредоточенно примолкла, и никто не заметил, как над ними нависла коренастая фигура Шубина. Он издалека обратил внимание на корпоративную задумчивость молодых соотечественников и решил отвлечь их вопросом: – Кого хороните?

– Трупы неубитых врагов, сенсей, – встрепенулся Сеня.

– Они знают?

– Нет. Им так легче погибать.

– Молодец, Семен. Нам будет трудно без такого бойца!

– В каком смысле?

– В прямом. Я сейчас встретил твоего папу, и он показал мне журнал с фотографией: ты со своей шоколадной подружкой едите одно мороженое на двоих, и подпись: «Это не реклама, это – его будущее». Папа сказал, что мама все знает и уже летит в Париж тебя убивать.

– Вы шутите, Виктор Александрович, – улыбнулась Вика. – Мы с ней не договаривались.

– О чем? Об убийстве?

– А из Индии кто-нибудь летит?.. – мрачно добавила Татьяна Петровна.

– Не думаю, – ответил Шубин. – Истоки русско-индийской дружбы имеют крепкие многовековые корни еще со времен Афанасия Никитина, который, кстати, и рассказал аборигенам Индостана о красоте славянских женщин. Так что пожинаяем плоды его путешествий, так сказать...

– Who is it? – тихо спросил Сеня у сестры.

Та пожалала плечами.

– Что-то я такого теннисиста не помню, – высказался Тимофеев.

Шубин посмотрел на Татьяну Петровну. Она наконец-то улыбалась, но нашла в себе силы сделать серьезное лицо и проговорила: – Он тебя тоже.

Глава 13

Сэр Эдвард Дуглас не любил мобильных телефонов. Он принимал их возникновение в жизни как явление природы, с которым приходится считаться, но пользоваться беспроводной связью считал недопустимым для джентльмена. Все, кто был достоин знакомства с ним, знали, что позвонить и поговорить с председателем Всеанглийского лаун-теннисного клуба можно без проблем в часы его присутствия на территории Уимблдона с понедельника по пятницу. Остальное время считалось приватным, и без убедительной причины вторжение в него было чревато потерей лояльности в отношениях. Единственное, на что он пошел в угоду современным средствам общения, – это на установку мобильного телефона в автомобиле. Только аппарат, по его просьбе инсталлированный между передними сиденьями «Бентли», имел классический вид, и поднимал трубку, естественно, шофер.

Утренний звонок в машину застал сэра Дугласа уже на Риверсайд-роуд, и он поморщился: через 10 минут можно было бы разговаривать, сидя в кресле в своем кабинете. Но водитель сообщил, что хочет переговорить Уинстон Дуглас, и передал трубку – знал, внуку отказа не будет.

– Привет, дед.

– Привет, Уинстон. Как дела? Что делает Гала? Передай, в субботу ее ждет сюрприз.

– Вот по поводу субботы, дед, я и хотел сказать... Похоже мы пропустим.

– Даже и не думай. Ты же знаешь, кого я пригласил познакомиться с вами, – их нельзя обижать...

– Дед, мы уезжаем в Москву.

– Что значит в Москву? Надолго?

– Пока на несколько дней.

– Послушай, Уинстон, в 30 лет лучше совершать подвиги, а не ошибки. Кстати, и для того и для другого нужен повод. Может, мы это обсудим? Ты с самого детства не пренебрегал моими советами – в отличие от твоего отца – и поэтому уже добился в жизни куда большего.

– Да, конечно, я благодарен тебе, дед, но сейчас я не один и...

– Прекрасно понимаю: не каждому везет найти свою половину – я действительно рад, что рядом с тобой Гала. Однако представь будущее нашей династии, если бы мужчины разлетались за женами по всему свету. Безусловно, мир стал более открытым, но нельзя забывать о родовом гнезде. Это я возвращаюсь к субботе.

– Не обижайся, дед, но у Гали возникли серьезные проблемы по работе. Ты знаешь ее бизнес – она давно занимается маркетингом в области спорта и возглавляет собственную фирму, которая уже имеет несколько реализованных проектов в Англии.

– Знаю и даже наводил справки. Скрывать не буду, о ней – только положительные отзывы.

– Последнее время она работала над рекламными контрактами в теннисе, потому что там появилось что-то новое и открылись большие перспективы. Не знаю подробностей, я далек от деталей, но, судя по ее словам, контракты подписаны, многое уже оплачено и подготовлено,

и теперь возникает форс-мажор, который с заказчиком из России лучше заранее обсудить на их территории. Я связался с ее отцом, он сказал, что в случае неудачи Гале проще будет начать все сначала на родине, чем в Лондоне, и предложил мне возглавить его международную юридическую компанию с офисом в Москве, если понадобится работа.

– И что ты ему ответил?

– Дед, ты забыл, с чего мы начали разговор?

– Извини, я не думал, что ты относишься к этому так серьезно.

– К чему, дед?!

– Еще раз извини, Уинстон. Мне нужно прервать разговор, я сам перезвоню тебе позже.

Машина подъехала к воротам клуба, но из нее никто не выходил. Шофер подождал минуту и, обернувшись, счел нужным заметить: «Мы на месте, сэр. Вам помочь?»

Его патрон глубоко задумался. Бледно-розовые щеки со старчески опущенными складками еле заметно подрагивали, но лоб не нахмурился и прямой пробор в жидких седых волосах остался безукоризненным – джентльмен не вправе показывать смятение.

Сэр Эдвард Дуглас ушел в себя и принимал важное решение.

Он уже много лет сопротивлялся изменению курса в выбранной издавна политике. Его кредо «непоколебимые устои – непоколебимое будущее» было надежным оплотом в раздерганном инновациями современном мире. Да, он допустил строительство крыш над центральными кортами, признавая эволюционность лондонской

архитектуры в целом; да, он отступил перед натиском электронных приборов, которые, надо признать, облегчают жизнь и течение ее процессов; но главное, то, с чем рожден Уимблдон, – натуральное газонное покрытие, белоснежная форма теннисистов и свободные от ярмарочных вывесок площадки – осталось нетронутым, несмотря на регулярные атаки армий маркетологов и бизнесменов.

Остальные члены клуба давно сдались: одни – потеряв иммунитет к вирусам современной жизни, другие, помоложе, лишь из уважения к институту членства лицемерно поддерживают председателя; а члены королевской фамилии... А когда они во что-то вмешивались?..

Бог дал ему долгие годы, но не вечность. К чему в 80 лет оставаться донкихотом? Надо всего лишь представить себя со стороны входящим на стадион с правнуками, ощущать свободу уважаемого посетителя, обремененного заботами о том, как бы не пропустить поход в туалет и мытье рук своих несмышленных наследников перед обедом в ресторане клуба... Он давно представлял эту картину и каждый раз отгонял ее подальше. И сейчас, после звонка внука, понял, что картина едва ли станет явью, если он не примет решение.

***

«Последний оплот пал!»

«Вперед, Британия!»

«Английский газон в опасности!»

Заголовки в спортивных изданиях состязались в остроумии, откликаясь на новость из Лондона о том, что, идя навстречу велению времени, Всеанглийский

лаун-теннисный клуб допускает к участию в Уимблдоне спортсменов в цветной форме.

Те, кого это волновало в первую очередь, обменялись первыми впечатлениями по телефону:

– Доброе утро! Поздравляю! Наша позиция – проявить инициативу – дала результат: Карфаген взят.

– Да. Взаимно.

– Что взаимно? Нас тоже взяли? Думаю, агентам прибавится работы – такая дверь приоткрылась... Алекс Фриш со своим шефом уже, наверное, обсуждают план захвата рекламных площадей Уимблдона.

– Пусть обсуждают... И мы обсудим. Ладно, Чак, увидимся на финале. Привет.

– До встречи.

Победов кивнул сидевшему напротив знакомому из Лондона и сказал:

– Если б не завтрак, можно было бы выпить.

– Да, прошли те времена... – задумчиво ответил тот и пригубил обезжиренный йогурт.

– Мое предложение остается в силе. Что Галина? – спросил Султан.

– Не знаю, как и объяснить... Я тебе помог. Вернее, она тебе помогла. Но занять пост, который ты предложил, она не захотела, сказала: рано. Поэтому пока будем считать – обошлось без жертв. А что дальше-то с вашим теннисом будет? – сменил он тему. – Уже говорят, с этим командным форматом и сама международная федерация никому не нужна...

– Пока Олимпийские игры живы – продержимся.

– Тогда понятно: они нас, я думаю, переживут.

– Еще как переживут... А ты, кстати, не думал себе теннисную команду приобрести? Пока я в теме, могу помочь.

– Чем? Как деньги потратить?

От ответа Победова спас очередной звонок. Он посмотрел на дисплей телефона. Первой реакцией было отойти и поговорить сепаратно, но секунду поразмыслив, он передумал.

– Привет, Олег. Твое задание выполнено. Рабински, кстати, думает, что это его заслуга. Конечно... Тебе виднее. Отлично, увидимся.

Султан отключил телефон и доложил: – Федотов собирается быть на финале. А как ему не быть, дочь играет, – продолжил он, будто разговаривая с самим собой, и обратился к собеседнику: – Он тебе нужен?

– Вряд ли.

– Почему? Не последний человек в России.

– Да, президент национальной теннисной федерации, фигура. Шучу. Как он, справляется? Говорят, все отрегулировал.

– Но я могу сказать ему, кто помог? – хладнокровно прервал собеседника Победов.

– Зачем? Он же к тебе обращался... У меня и так, слава богу, все в порядке. У Галины тоже. Вот посмотрю сегодня женский финал – и поеду. Завтра на мужской не хочу – наших нет. Только за кого нынче болеть будем, Султан?

– Хороший вопрос. За Россию.

Над центральным кортом стадиона «Ролан Гаррос» отчетливо зазвучал голос судьи на вышке: «Открытый

чемпионат Франции по теннису. Женский одиночный финал. Справа от судейской вышки – мадемуазель Виктория Берещкая, Россия, команда «Небеттон».

Фанаты Виктории, молодежь, сбита в кучки и одетая в разноцветные майки с невообразимой раскраской, вскочила в приветствии. И без того пестрая масса зрителей вдруг вспучилась яркими тропическими клумбами, которые на секунду вытянулись вверх, навстречу солнцу, и, отсалютовав своими цветами, опустили на место.

...«Слева от судейской вышки – мадемуазель Лиза Федотова, Россия, команда «Русойл».

Несколько сотен одетых в майки с российским триколором болельщиков вскочили и с криками «Russian Oil forever!» развернулись и показали, что у них на спине изображена черная капля...

Олег Федотов отказался от приглашения занять с женой места в ложе для почетных гостей, решив побыть в составе экипажа, рядом с тренерами дочери. Экипаж пополнился – смуглый молодой индеец сидел рядом Володей Крайневым, обмениваясь замечаниями по поводу кондиций соперниц.

Самолет Федотова приземлился с опозданием, и у него не получилось повидаться с дочерью до игры, поэтому, оказавшись на трибуне, он подверг анализу ситуацию вокруг себя в том виде, в каком застал.

Жена мужественно несла почетный крест забот и славы; на ее лице попеременно отражалась то гордость за Лизу, то радость по поводу приезда законного супруга, и все это вместе сдерживалось налетом серьезности – финал все-таки!

Ксаньч спросил: «Привет, как жив?» – что означало отсутствие проблем, и, стало быть, говорить пока не о чем. Гуру. Имеет право.

Володя Крайнев, наоборот, готов поддерживать беседу на любую тему, лишь бы собеседник слушал. Поэтому за три минуты Олег узнал, что с «физикой» у нас все в порядке, технический арсенал на высоте, за «лирику» отвечает мама, а погода в связи с его приездом наладилась. И именно Крайнев – а кто ж еще, не мать же – представил Федотову Раджу: – Жемчужина команды, открытие в копиях индийского тенниса, бойфренд Елизаветы.

– Олег, – коротко ответил Федотов, пожав руку вежливо улыбавшемуся юноше.

«До чего же емкий язык, – подумал он. – Вот как называть такого парня на русском? Жених – глуповато; ухажер – аляписто; приятель, друг – неадекватно. А в английском учтено все, что угодно девушкам: и мужской пол, и нестарый совсем, и друг опять же...»

– Ну как ты? – коротко приобняв жену, спросил Олег.

– Вот... – движением подбородка в направлении корта указала Татьяна.

– И только?

– А сам не хочешь?..

– Смотря чего.

Татьяна прижалась к мужу плечом: связь с родной душой восстановлена...

– Внимание, – раздался голос Шубина, – к нам приближается делегация Организации Объединенных Наций.

Спустившись по ступенькам, рядом с ними рассаживалась команда Берецких: Яков и Эсфирь, Алекс Фриш с прибывшим на финал Академиком и Семен, который бережно поддерживал за руку свою темнокожую подружку Николь Ноа.

Минуту, оставшуюся до первой подачи, операторы французского телевидения потратили на крупный план, который комментатор находчиво назвал возвращением русских сезонов в Париже.

– Опаздываете, господа, – заметил Крайнев, – уже думали без вас начать.

– Давно не виделись, Фира, – сказала Татьяна. – Как жизнь на чужбине?

– Могло бы быть спокойней, если б не Яков. Он все время хочет придумать себе какую-то работу.

– Яша, вернись на родину, там работы непочатый край, – предложил Федотов.

– Судя по тебе, уже таки давно хорошо початый, – не согласился Берецкий. – А родина у нас там, где жена. Так что давай делать интернациональный бизнес.

– Яков, ты опять за свое? Какой тебе бизнес?! – забеспокоилась жена. – Он даже за своими детьми не может проследить. Я отпустила его на три месяца – сказал, поможет Сене и Вике на турнирах, – и где та помощь? Мой сын в объятиях шоколадной француженки, будто в Америке таких нет. Олег, ты деловой человек, у вас с Танечкой такая же беда. Вы только подумайте: мы вместе 10 лет назад водили детей на теннис, а они теперь на глазах у всего мира заводят шашни не пойми с кем.

Разгоряченная Эсфирь обернулась к объекту своего гнева, Семену. Тот с удовольствием переводил Алексу и Академику обличительную речь матери. Они корректно кивали.

– Да, да, Семен, переведи еще, что у Алекса я спрошу попозже, где он, агент твой, был, когда ты творил безобразия. Девочке скажи, она мне нравится, она красивая и пусть приезжает к нам в гости. Лучше, чтоб без тебя, охламон...

Матч начался, и разговоры прекратились, как будто между хорошо знакомыми компаниями возник звуко-непроницаемый барьер. Спустя 15 минут барьер исчез, когда первый сет закончился с опрокидывающим счетом 6-0 в пользу Федотовой.

По игре нельзя было сказать, что Берецкая «развалилась» или страдала оттого, что какой-то удар пропал, наоборот, она, по статистике, сделала минимум невынужденных ошибок, и в ее движениях никто бы не нашел сбоев или провалов, но только те мячи, от которых меняется счет в партии, выигрывала Елизавета.

Первым дал промежуточную оценку Академик. Повернувшись в сторону Федотовых, он отчетливо проговорил: – Elizabeth is great today.

– Хорошо бы, – философски отозвался мудрый Шубин.

– Сомневаюсь, – осторожно добавил Крайнев.

– Может, переведешь, о чем они? – спросил жену Федотов.

– Они о том, что подозрительно гладко Лиза снесла Вику.

Второй сет покатился по такому же сценарию, и Алекс Фриш заерзал: негоже его клиентам так вот... Он решил повлиять на ситуацию и обратился к Академику: – Сэр, правила допускают взять перерыв; и вы, как тренер, можете выйти на корт и дать совет ученице. И с точки зрения прессы – хороший ход: в критический момент тот, кто раньше никогда...

– Расслабься, Алекс. Бесполезно, сегодня не ее день, – он помолчал и добавил: – Вернее, сегодня день Федотовой, и молись, чтобы Вика взяла пару геймов.

Алекс помолился, и Березкая вырвала два гейма при счете 5-0. Мелькнувшая в связи с этим надежда на тектонический сдвиг и поворот вспять не успела даже оформиться во что-то конкретное...

«Гейм, сет и матч со счетом 6-0, 6-2 выиграла мадемуазель Елизавета Федотова, команда «Русойл»! – торжественно объявил рефери. Стадион приветствовал новую чемпионку, которая стояла в центре корта оглушенная и счастливая.

Все помнили их прошлогодний матч в финале чемпионата США, когда Лиза могла восемь раз подряд могла одним мячом закончить игру, но...

Убедительнейший реванш состоялся, и теперь она, примадонна, раскланивалась перед благодарной европейской публикой. Она подошла к сектору, где сидели ее близкие, но не стала пробираться по рядам, а вытянула левую руку вперед и замерла, приложив правую с ракеткой к сердцу.

Телевизионный репортаж, многократно показанный всеми новостными каналами, давал трогательную

картину: рука Лизы с чуть приподнятой ладонью, устремленная в направлении родителей и тренеров, и среди них индийский красавец, повторяющий ее жест, как бы встречая невидимый луч, соединяющий два сердца.

Церемонию награждения обе компании смотрели молча, но угадывалось:

...Не может быть. Я теперь первая в рейтинге... Я!

...Наконец-то мы их сделали...

...Похоже, что получилось...

...Может, пора менять тренера...

...Как же они все устали...

...Нечего ему с ними делать...

...Я больше не могу на это смотреть...

...Помешает ее папа или нет?..

...Попробовать, что ли, еще раз предложить свои услуги...

...Пойти в дом к ее родителям или не пойти?..

Глава 14

Известие о конце гегемонии белого цвета на Уимблдоне довело степень интереса к турниру до критического уровня.

Руководство британской корпорации, владеющей правами на телетрансляцию, захлебнулось от лавины дополнительных заявок на покупку сублицензий и, лихорадочно удовлетворив все до единой, стало грустить о том, что на следующий год новый председатель оргкомитета

турнира точно пересмотрит условия контракта и повысит цену.

Древнейшие члены Всеанглийского лаун-теннисного клуба очнулись от геронтологической спячки, вспомнили о привилегиях и живо обратились за невостребованными с прошлого века билетами. Наследные принцы, с молодости избежавшие влечения к теннису, почувствовали свою полезность в этой области и вынуждены были запросить сведения о востребованности семейной логи. Спекулянты, забыв о чувстве опасности, как, впрочем, и о чувстве меры, напоминали браконьеров, которые стоят посреди узкой мелкой речки, забитой идущим на нерест лососем.

Кто-то заботливо подогрел и пустил слух, что изменится даже гастрономический символ: клубника станет белой, а сливки – розовыми.

Но у любого ажиотажа наступает предел.

Когда ворота стадиона открылись, зрители, жаждавшие увидеть разномастный цыганский табор, который вытаптывает изумрудный бархат газона и попирает вековые устои, быстро пришли в себя. Ничего из ряда вон они не обнаружили.

Какие были спортсмены, такие и остались – только одетые по-разному: кто в соответствии с цветовой гаммой своей команды, кто – не попавший в Лигу – в привычной форме, колор которой теперь не надо проверять на верность Уимблдону. Та же, слава богу, ягода – сто лет с одним вкусом; трава, не ставшая выше или ниже со времен изобретения паровоза, и те же порядки, следование которым имеет большее значение, чем их понимание.

Потрясений избежать удалось. Нововведение оставило в неприкосновенности саму игру, и через день никто особенно и не вспоминал о былом доминировании белоснежных тонов на кортах.

Олег Федотов на правах отца решил пару дней побыть гостем дочери на турнире и демократично смешался с теми, кому разрешалось иметь доступ к участникам.

Он вежливо отклонил предложение получить более солидную аккредитацию, решив не привлекать к себе внимание и посмотреть изнутри на то, о чем докладывали его финансисты и аналитики. И не ошибся – Уимблдон оказался прекрасным местом для получения живых иллюстраций к тексту.

В первый же день, когда «Королева Елизавета» со «свитой» с утра прибыла на тренировку, пошел мелкий занудный дождь, непрменный атрибут лондонской жизни. Он одинаково нарушил планы всех, кто приехал на стадион, и тем самым вне графика заставил зону отдыха заполниться почти полностью.

В ожидании милости от погоды Шубин с Крайневым сели играть в нарды, Лиза пошла общаться с российскими тележурналистами, а Олег с Татьяной взяли кофе и расположились у окна с видом на пустые площадки, между которыми на небольших трибунах замерли раскрытые зонтики терпеливых зрителей.

Большой монитор на стене показывал интервью с Максом Джонроем.

Обсудив сетки соревнований и позубоскалив насчет безнадежности пейзажа, зуб мирового тенниса

перешел к статистике показателей команд Лиги. Он подробно описал их положение, проанализировал составы, с удовлетворением напомнил о своих прогнозах полугодовой давности и посетовал на отсутствие настоящих капитанов, которые могли бы соревноваться тоже – заявляя шесть зачетных игроков на каждую неделю...

В этот момент Федотов огляделся и зрительно отметил: большинство теннисистов, одетых одинаково так или иначе, сидели рядом и живо обменивались впечатлениями, глядя на экран.

– Ну, что я вам говорил?! – обратился к сотоварищам один из обладателей эмблемы китайской фирмы «Хайшан». – Мы в одной половине сетки – шансов набрать очков больше, и если наши первые рано не закончат, можем войти в тройку.

– А если закончат, то в ту же тройку – только с конца, – отозвался его приятель. – И плакали тогда наши бонусы...

В другой компании обсуждали дела букмекерские:

– И что ты ему ответил?

– Сказал, что ставлю всегда на себя и на нашу команду – и ему тоже советую.

– А он?

– А он сумасшедший. Поставил на финал «Скелор» – «Русойл» – кто из них выиграет, будет ставить позже, – и еще два к одному на то, что до конца лета объявят о помолвке Берецкий и Николь Нао.

– Похоже, что псих. Надо поговорить с Сэмом, пусть потянет до конца сентября...

Евгений Тимофеев бесцельно бродил, прижав телефон к уху, и было видно, как ему тяжело разговаривать. Уединиться он нигде не мог, а присесть – значит сделать кого-то свидетелем моральных мучений, которые он претерпевал от контакта с абонентом.

«...Нет, не могу... я даже первый круг не сыграл... ты сама знаешь ответ на этот вопрос... ты сделаешь хуже своей же команде... послушай!...», – Женья со вздохом посмотрел на телефон и с решимостью боевого офицера-ракетчика, получившего команду «Пуск!», нажал кнопку отключения связи. И сразу заметил, что в шаге от него стоит венгерская теннисистка, с которой он познакомился в Париже полтора месяца назад. Там она дошла только до второго круга и уехала, не осуществив их обоюдных желаний. Она пробивалась во все турниры через квалификацию и, соответственно, была юна, свежа, неопытна, но – целеустремленна.

– Привет, Юджин! Проблемы?

– Привет. Рад тебя видеть. Есть одна. Поможешь решить? Пойдем обсудим...

Федотов хотел поделиться впечатлениями с женой, но к ним вернулась Лиза, а с ней – Чак Рабински.

«Вовремя», – подумал Олег и спросил:

– Привет Чак. Скажи, пожалуйста, о каких капитанах только что рассуждал Мак Джонрой?

– Доброе утро. О тех, чьи места сейчас занимают представители компаний-владельцев.

– А они не могут назначать состав? – поинтересовалась Татьяна.

– Слава богу, нет, – откликнулась Елизавета. – Откуда им знать, кто из нас готов лучше или хуже. И для чего они все время рядом...

– Возможно, это и непривычно, – после женщин дождался наконец своей очереди Рабински, – но функция менеджера, директора, если хотите, в коллективе имеет место быть. Другое дело, что такой человек не может влиять на спортивный результат, равно как и отвечать за него. А должность тренера просится к нам – факт. Мы думали об этом давно, но не торопились. Лучше, если такие введения в проект будут происходить поэтапно и востребованно. Перед следующим сезоном сделаем дополнение в регламент.

– Что думают владельцы и нынешние менеджеры? – вникнул в тему Олег.

– Мы стараемся делать так, чтобы менеджеры сами попросили у владельцев подмогу; все-таки дополнительные расходы... А капитаны наготове уже есть. Наверное, лучше, если такой набор потенциальных кандидатур появится с нашей стороны. Как вы думаете?

Лиза ответила первой: – Да, это нормально, многие говорят, с капитанами может быть интересней. А мнение теннисистов спросят?

– Безусловно. Однако надо понимать, командный формат предполагает в том числе и дисциплину, – Чак намекнул на потенциальную «угрозу». – Иначе не стоит и начинать.

– Если бы ваши капитаны влияли на поведение подопечных в личной жизни... – не удержалась Татьяна. – Будет такой пункт в регламенте?

– Будет. Самый главный – мамам вход воспрещен, – огрызнулась Елизавета.

– Не слушай, Чак, это другая проблема, – подвел итог Федотов. – Я все понял. Когда появится список потенциальных капитанов, покажи, пожалуйста. Что еще интересного?

Рабински замаялся, но ему повезло: пришло известие о прекращении дождя и возобновлении тренировок.

Женская половина семьи Федотовых, захватив тренера, убыла, и он смог говорить о деле, которое, собственно, и хотел обсудить.

– Интересного много, но есть одна тема, которую надо согласовать в первую очередь. Я – о трансфере игроков. В регламенте об этом пока ничего нет, но мы должны – так же как с капитанами – заранее подготовить владельцев и к идее, и к процедуре, – Чак замолчал, ожидая реакции.

Федотов кивнул, и он продолжил: – С идеей проще – она не нова, – а вот по процедуре имеются варианты. Конечно, можно было бы сохранить концепцию стартового аукциона и заново организовать продажу, например, обновленной десятки, но лучше по окончании финала Лиги открыть двухнедельное трансферное окно. В этом варианте мы дадим полномочия владельцам самим решать, кого они хотят оставить в команде, а кого – выставить на продажу...

– Подожди, подожди, – прервал Федотов. – А где тут объективная целевая расстановка на основе итогового рейтинга?

– Забудь. Она была нужна для запуска, а теперь у команд есть хозяева. Но владеть – значит

распоряжаться. Поэтому я склоняюсь ко второму варианту. Что касается рейтинга, да, мы использовали его на старте проекта, однако нельзя переоценивать его значение, поскольку он всего лишь функция, которая регулярно меняет свои показатели. Но не переживай, мы всегда будем опираться на него раз в год по итогам сезона. Главное – чтобы перед началом гонки в одной команде не было двух теннисистов из одной десятки. Убедил?

– Подожди. Почему тогда не распространить это ограничение только на первые две десятки? А остальных пусть покупают или набирают хоть из второй сотни. Как тебе? – озадачил собеседника Олег.

– Ты разбираешься в теннисе лучше, чем я предполагал, – ответил Чак. – Здесь есть о чем подумать. Но концептуально со вторым вариантом ты согласен?

– Да, если ты к этому подготовишь параметры отчислений в Лигу от трансферных сделок. Жалко, что такое окно только одно...

– Доброе утро, господа. Рад вас видеть. Вызывали? – спросил и одновременно сел за их столик Алекс Фриш.

Уловив некоторое замешательство, Чак внес разъяснение:

– Олег, извини, ты оказался в таком месте... среди спортсменов и с таким статусом, что...

– А, вот в чем дело – секретарей в приемной маловато. Я не подумал, сам виноват, – Федотов нахмурился, – не доглядел. Ну, что у вас? За пять минут доложите?

Гротеск оправдал себя, и все трое расслабились.

– Алекс, мы тут про капитанов разговаривали. Олег хочет быть в курсе. Ты с кадрами работаешь – опиши обстановку.

– Благодарю за доверие. Списка пока с собой нет, но процесс рекрутирования выявил два слоя потенциальных кандидатов на соискание позиции руководителя коллектива...

Федотов сделал останавливающий жест рукой: – Алекс, ты с этими кандидатами на таком же языке разговариваешь?

– Я подумал, вам так больше понравится.

– Понравилось. Давай теперь попроще, – попросил Рабински.

– Ну хорошо, – поправился Фриш, – попробую. Мы исходим из того, что капитанами должны быть авторитетные и всем известные специалисты. На первом плане – действующие в Туре тренеры, которые работают со своими знаменитыми подопечными, и они все у нас перед глазами. Многие из них уже ждут предложений и готовы откликнуться. Однако я бы хотел обратить ваше внимание на второй план – гораздо более известные фигуры, в прошлом звезды, которые в силу разных причин не стали тренерами, но багаж знаний о теннисе сохранили при себе. Взять, к примеру, того же Мака Джонроя – с точки зрения маркетинга лучшего капитана не найти. Если вы одобрите выбор в таком направлении, мне станет легче и селекционировать кандидатов, и ретранслировать их преимущества для целевой фокус-группы потребителей их услуг, – не удержался в конце Алекс.

– А они согласятся? – спросил Олег.

– Не знаю, – честно ответил Фриш, – но знаю, где они водятся. Через месяц в Италии начнется фестиваль пляжного тенниса. Те, о ком мы говорим, соберутся там обязательно. Так вы санкционируете мои усилия?

– Не мудри, Алекс. Ты уже наверняка забронировал номер в отеле и предупредил старых знакомых о своем приезде, ведь так? – поинтересовался Рабински.

– А вы не хотите поехать вместе со мной? – задал встречный вопрос Алекс. – Заодно искупаемся...

У Федотова зазвонил телефон. Жена доложила, что Лиза подвернула ногу и находится в медицинском кабинете.

...Через полчаса стало понятно, что Уимблдон для нее закончился.

Глава 15

Алекс Фриш, чертыхаясь, ехал на адриатический курорт Италии. Почему-то все райские места на планете находятся не в шаговой доступности, а наоборот. Сначала он летел до Рима, потом другим самолетом – до Анконы, где от аэропорта, оказывается, надо на такси добраться до железнодорожного вокзала, а оттуда – еще два часа поездом до места назначения.

Путешествия, конечно, часть его работы, но все-таки маршрут аэропорт – отель был привычнее, и поэтому, заняв место в пустом (слава богу!) купе, он нервничал. Дорога казалась бесконечной, и он почувствовал себя

миссионером, терпящим лишения ради благородной цели, из-за которой пришлось отправиться в дальний путь.

Железная дорога шла вдоль побережья. Глядя в окно, Алекс постепенно успокоился, покачиваясь в такт постукиванию колес. Пейзаж умиротворял: ровная полоса пляжа, заполненного шезлонгами и зонтиками, и изумрудное море, облизывающее желтый песок ленивыми волнами. Он начал вспоминать, где и когда последний раз купался в естественном водоеме, и так глубоко зарылся в память, что очнулся только при виде таблички «Риччионе» на перроне станции.

Схватив сумку, он выскочил из вагона, глотнул обжигающего послеполуденного воздуха и, не снижая темпа, устремился к стоянке такси.

Пять минут, проведенных в поездке по курортному городу, дали наглядное представление о месте, куда он попал. Первая линия, ближняя к морю, – богатые отели; вторая – не самые богатые; между ними – променадная, многокилометровая улица с магазинами и ресторанами, где запланированно оставляет деньги расслабленная публика.

Реклама тут и там сообщала, что, помимо прочих зрелищ, отдыхающих ждет встреча со звездами тенниса, которые, оставив свой прежний профессиональный небосклон, взошли на новый. Поэтому их мастерство заиграло новыми гранями, и увидеть это чудо можно во время праздника пляжного тенниса Beach Tennis Festival.

Добравшись до отеля, Алекс не стал сообщать никому о своем прибытии, чтобы избежать приглашения на

дружеский ужин. Он расположился в номере, проверил почту в компьютере и, отказав себе в еде, забылся глубоким сном.

На следующее утро он спросил у портье, где здесь играют в пляжный теннис, и получил корректный ответ:

– За нашим отелем свернете налево, дальше – ориентируйтесь на громкую музыку.

Идти пришлось недолго. Изображение и звук росли одновременно. Через пять минут Алекс вышел к морю, которое было видно не полностью, потому что на песке вырос то ли филиал цирка-шапито, то ли выставочный комплекс пополам с дискотекой – привет с острова Ибица.

Вокруг этого сооружения он насчитал шесть площадок, занятых спортсменами, перебивающими мяч короткими без струн ракетками, по размеру похожими на раза в три увеличенные ракетки для настольного тенниса.

«Пожалуй, предыдущий президент МТФ был прав, объявляя эту забаву официальным видом спорта, – подумал Алекс. – Это ж надо какой экстерьер! Солнце, море... А вокруг какие... виды, – он споткнулся, заглядевшись на обилие малоодетых курортников, – чтоб я так жил...»

Зайдя на территорию спортивного объекта, Алекс сориентировался. Центральный корт с трибунами человек на семьсот-восемьсот – понятно; шатер с озабоченного вида людьми – оргкомитет, логично; подиум с музыкальной аппаратурой и диджеем – весело; тент с холодильниками, набитыми спонсорскими напитками и пивом, – демократично. Под зонтиками располагались спортсмены.

Многие из них в недавнем прошлом были знамениты. И даже очень знамениты. Однако слава, когда-то бывшая верной спутницей, умчалась вперед. Она увлекла за собой новых соискателей, оставив в душах старых воспоминания о себе в виде фантомного вкуса победы – вкуса, который ничем и никогда не отбить. А поэтому разве может настоящий спортсмен – 35–40 лет, разведен или холост, не беден, физически вынослив – отказаться от повода найти себя в эпицентре внимания и событий, там, где помнят его мастерство и звонкое имя?! Нет, не может.

Так и случилось, когда наряду с Мировым туром пляжного тенниса, открытым для всех, возник Тур для бывших профессионалов, который быстро окрестили Beach Tennis Bachelor Tour.

Уже несколько лет они существовали параллельно, так как бывшие профи морально не могли переступить черту – опасность проиграть тому, кто в большом теннисе был слишком низок в рейтинге, а то и не имел его вовсе. Хотя едва ощутимые сгустки конкуренции время от времени просились материализоваться, и рано или поздно некий Кубок Вызова был обречен появиться для выяснения отношений.

Алекс Фриш приблизился к зонтикам, и его заметили.

– Ребята, прячьтесь, за нами пришли.

– Привет Алекс. Ты наконец-то взял отпуск?

– Да нет, он за легкой наживой.

– У кого-нибудь есть ручка? Сейчас будем подписывать контракт...

– Привет, пенсионеры, – отозвался он. – А что на вас тут заработаешь? Ракетки – без струн, ноги – без обуви, головы – без... хотя нет, об одном вы по-прежнему думаете, – Фриш уткнулся взглядом в оглушительную женскую грудь, формально прикрытую мужской майкой без рукавов, отчего обзор имел стереоскопические свойства. Обладательница сокровищ, загорелая молодая фемина, сидела на раскладном кресле нога на ногу и вызвала подозрение, что кроме этой трофейной майки на ней ничего нет.

Чтобы перевести дух, он отвел глаза и посмотрел вдаль. И увидел на берегу двух юных красоток топлес, со смехом бежавших за мячом, вылетевшим с крайней площадки...

– Алекс, ты к нам приехал? Соберись.

– Не отвлекайте – он ищет таланты.

Веселый гогот вокруг привел его в чувство. Он не обижался, потому что большинство из весельчаков когда-то были его клиентами, и они вместе умели терпеть шутки друг друга.

Алекс задумался, как начать серьезный разговор в такой обстановке, и вообще не представлял, как эти жеребцы захотят ее сменить. Они круглый год путешествуют по пляжам лучших курортов мира, живут в шикарных отелях, зарабатывают пусть и не такие, как раньше, но гарантированные призовые – вон сколько логотипов вокруг, не говоря о рекламных контрактах по поводу всякой всячины, продаваемой на отдыхе, и где тот аргумент, после которого оторвешься от такой красотки...

– Вы тут устали, наверное? – начал он.

– Мы профессионалы, мистер Фриш. Такова наша работа, – за всех ответил Иван Горанишевич.

– Знаю, знаю. Но что будущим детям скажете – что до старости в песке игрались?

– Нет, Алекс, – отозвался Род Эндик. – Не игрались, а сражались; и, так же как и раньше, иногда – за родину.

Алекс признал, что плохо подготовился: он забыл, что пару лет назад Международная теннисная федерация запустила в пляжном теннисе круглогодичный турнир – аналог Кубка Дэвиса, где в командах мужчины и женщины играют вместе. Финал проходит на Мальдивах, и, говорят, грандиозно. Он не стал возражать:

– Я о другом. Не пора ли вам передать богатый опыт и заодно проверить, стоит ли он чего-нибудь?

– Если ты приехал делать из нас тренеров, – Хью Нойтел обвел рукой всех вокруг, – то назови хотя бы фамилии подопечных.

– Это все, кто попал в Объединенную теннисную лигу, – ответил Алекс.

– Вы что там, отменили личных тренеров?

– Нет. Нужны тренеры команд. Сейчас там управляют представители владельцев; скорее даже не управляют, а администрируют, не влияя на спортивную составляющую. Понимаете, о чем я? – он пытался по глазам понять хоть какую-то реакцию, но, видимо в соответствии с контрактами, на всех были надеты солнцезащитные очки. Без очков сидела только черноволосая девица в мужской майке, однако она наблюдала за событиями на центральном корте, куда на разминку вышли две смешанные пары.

Диджей приостановил музыку и взхлеб, скороговоркой произнес, что и справа и слева находятся обладатели титулов в большом теннисе, бывшие чемпионы того и сего...

Алекс пригляделся. Ого! Он не ожидал: Фрэнк Кадерер и Кайли Лайсабова – против Чайны Андадзе и Багдоса Маркоса!

Спортивные кондиции мужчин сохранились без изменений – все те же мускулы и непременный мачизм, а вот женский экстерьер – бикини и нескромные топики – наконец-то обнародовали латентные достоинства недавних участниц профессионального тура. Так вот в чем альтернативность пляжного тенниса – то, что раньше было завуалировано, наглядно обнажилось без применения фантазии. Оно того стоило. По реакции зрителей можно было понять: теннисистки на песке привлекают внимание...

Матч стартовал, и Алекс вместе со всеми наблюдал, как самое интересное в парном большом теннисе – когда с лёта играют все четверо – в пляжном варианте повторяется при каждом розыгрыше, поскольку удары с отскока отсутствуют, а сетка на высоте человеческого роста исключает быструю перестрелку. Оказалось, тут на первый план выходит тонкое чувство мяча, чтобы после твоего нежного укороченного удара соперник вынужденно поднял мяч вверх, который в ответ гасится смэшем. Что и продемонстрировал Фрэнк Кадерер. Однако – вот оно, преимущество покрытия, – Чайна Андадзе, вытянувшись в струну, в падении вытащила мяч, который от ее ракетки резкой свечкой перелетел через соперников

и приземлился под задней линией. Она осталась на песке в позе, которую мечтали бы запечатлеть фотографы известного календаря «Пирелли». Грохнули аплодисменты, грохнула короткая (правила позволяют) музыкальная пауза, и Алекс Фриш очнулся.

– Ну что, старик, теперь понял? Алекс, ты с нами? Агент Фриш, вы не хотите сменить амплуа? – посыпались провокационные вопросы.

– Дайте ему время, – низким томным голосом проговорила фемина, встала и направилась к холодильнику с напитками. Она открыла дверцу, нагнулась к нижней полке... Алекс почувствовал слабость и молча опустил ее на ее место...

К вечеру жара спала, и та же компания собралась в ресторане отметить приезд «агента 001».

Умело приготовленные дары моря, одухотворяющее вино и воспоминания о былых событиях, пережитых вместе, создали идеальную душевную атмосферу. Каждый вспоминал что-то свое – смешное и интересное, и все испытывали одинаковые чувства, как люди, побывавшие в долгой, с приключениями, экспедиции.

К десерту мужской коллектив расширился – пришли болельщицы, и Алекса за столом уже персонально опекала сразившая его наповал девушка.

Ее звали Сандра. Она оказалась тренером по пляжному теннису из Хорватии, но по первой специальности, полученной в Калифорнийском университете, была океанологом. Он предполагал, что оказанное ему внимание – привет от друзей, но от этого становилось даже теплее на душе. Агент Фриш столько раз проявлял

заботу о своих подопечных, что имеет право принять их попечительство...

В конце вечера Сандра положила ему руку на плечо, и Алекс понял, что его миссия – под угрозой. Он сосредоточился, встал, поднял бокал с вином и обратился к друзьям:

– Парни, мы давно знаем друг друга. Я рассчитываю на вашу помощь, если сидящий рядом со мной океанолог унесет меня с собой на дно океана, – он посмотрел сверху вниз на Сандру, через приветливое декольте оценил глубину впадины, где предстояло тонуть, и продолжил: – Но перед тем как пропасть, я в последний раз хочу вам напомнить о своем предложении. Вы любите соревноваться, вы – спортсмены, и конкуренция – ваша стихия. Но то, что вы можете сделать в качестве тренеров команд, даст вам возможность реализовать в том числе и ментальный потенциал, который вы, я уверен, накопили в достаточном количестве. И он дорого стоит; за его цену я буду биться насмерть, если до этого дойдет дело. В общем, парни, я пью за наш следующий этап в жизни, который я буду рад провести вместе. Если захотите... Вы знаете, как со мной связаться.

С моря потянуло прохладным воздухом, на террасе соседнего ресторана смолк оркестр, отчего окончание тоста получилось многозначительным и символичным...

Алекс продержался в Риччионе целых три дня. Отдыхать ему было несвойственно, и он досконально изучил тему пляжного тенниса, складывая в голове комбинации для приобщения своей фирмы к этому уникальному симбиозу спорта и праздника.

Все три дня (и три ночи) с ним находилась Сандра, и в конце концов последний вариант для представления шефу выглядел следующим образом. В компании Global Agent Service возникает департамент пляжного тенниса во главе с Сандрой, которую курирует агент Фриш. В случае отказа он научит ее работать самостоятельно и поддержит собственными финансовыми ресурсами, потому что упускать такой лакомый кусок было бы глупо.

Глава 16

Чак Рабински летел в Москву. Он никогда раньше не был в России и испытывал двойственные ощущения. С одной стороны, держателем его проекта был русский олигарх, с которым он нашел общий язык, с другой – страна, давшая ему шефа, представляла собой симбиоз из негативных клише американских газет и любопытства как перед дверью, которую пришло время открыть в первый раз.

Соседи по салону бизнес-класса, разговаривавшие между собой по-русски, вели себя адекватно: пили сухое вино, не повышали голоса, обращались к стюардессам на внятном английском – в общем, лишали опасений, что экстремальное путешествие началось. Один из пассажиров даже произнес слово «теннис» и вроде бы слегка кивнул в сторону Рабински, но никаких навязчивых знакомств не последовало, и Чак откинулся в кресле.

Он открыл компьютер и углубился в отчет о продвижении проекта «Объединенная теннисная лига».

Уже прошел месяц после Открытого чемпионата США, скоро финал Лиги, но предсказывать его гарантированных участников по-прежнему было бесполезно, так как все 10 команд сохранили шансы обогнать друг друга, и от этого каждый из оставшихся до декабря турниров становился более чем ценным. Аналитические показатели говорили о том, что уровень привлекательности в рейтингах средств массовой информации не превышал футбола и баскетбола, но и не опускался ниже гольфа и автогонок; частота интернет-запросов по теме оставалась стабильно высокой, а данные букмекерских контор подтверждали интерес к командному теннису. Самый любопытный файл, куда стекались сведения, собранные из интервью, сплетен, неофициальных мнений и частных разговоров, тоже порадовал – равнодушных нет.

Но все-таки Рабински был напряжен. Уповать на то, что все пойдет само собой гладко и дальше, – значит обманывать себя. Вокруг полно тех, кто занимается своим видом спорта – захватом чужих активов независимо от сферы их применения. Финансовый монстр, с которым он начинал теннисные дела, однажды обронил: «Не совсем представляю, зачем это мне, но я буду рад, когда узнаю, что кто-то покушается на мою попку». Да и что на уме у русских... Сегодня – мы вместе, включая президента МТФ, обо всем договорились, а если завтра кому-то захочется вырваться вперед...

Когда есть сомнения, лучше применить интуицию. Именно поэтому Чак принял решение посетить Кубок Стены, чтобы поближе пообщаться с коллегами на их территории. В прошлом году у него не получилось добраться до Москвы, а теперь он сам напомнил о приглашении Победову, убив двух зайцев: дал понять, что помнит предложение и, одновременно, – что это не его инициатива.

Первый в России профессиональный теннисный турнир всегда хранил заветы советского прошлого. Суверенный капитализм в стране многое изменил – но только не почитание начальства, которое всегда предусматривало собственное наглядное присутствие на выделенных местах.

Когда-то, во времена Первого Президента, здесь собирался политический и деловой бомонд, алкавший сопричастности к увлечению главы государства, а лучшие красавицы столицы, еще не избалованные гламуром, считали за честь показаться среди почитателей тенниса. Некоторые из них показываться не перестали, но гордость, с которой они когда-то предьявляли свои прелести, сменилась гордостью за правильное замужество и – вот оно, кстати, посмотрите – уже подросток потомство. Менее удачливые подруги иногда тоже появлялись, общались без привлечения внимания, локально контактируя с бывшими фаворитами.

Любое крупное мероприятие с точностью оттиска отображает отношение людей, занятых в его организации, к окружающей действительности, поэтому тут

всегда присутствовала и широта размаха перед потенциально нужными знакомыми – увы, большей частью бесполезными; и патетика значимости в отечественном и международном позиционировании – куда ж без пафоса... А где еще помочь осознать периферийным товарищам их наконец-то сопричастность... и наоборот – дать понять недругам, что они здесь находятся в качестве визитеров (с билетами на галерку). Увы, атмосфера псевдоажиотажа сделала свое дело: посевший первый чемпион Кубка Стены даже не заикался о билете на трибуну, где вечно пустые места ожидали прибытия каких-то чинов.

Но все это не касалось действующих спортсменов. Им повезло: иметь у себя в стране такой турнир – шанс прорваться дальше и выше по крутой и шаткой лестнице профессионального тура. Разные поколения российских звезд, вспоминая юность, могли сказать спасибо за wild card в основной сетке. Позже, получая трофей из рук Президента, Премьера или Мэра, они радовались и с облегчением думали: родная вершина взята. Остаться без звания победителя Уимблдона – простительно, а вот дома ни разу не взять Кубок Стены, конечно, не позор – но... как же так?!

Новый президент национальной федерации, вздохнув и купив (узок круг бенефициаров...) известный и раскрученный бренд, даже не представлял, по какому сложному рецепту заварен этот теннисной бульон.

Специалисты Федотова, разбираясь с контрагентами турнира, удивлялись зашифрованности произведенных финансовых операций, но поскольку задание

шефа – сделать предприятие прибыльным – надо было выполнить, они за полгода трансформировали контрактные отношения так, что показались радужные перспективы.

Новая команда объединилась под руководством Паши Маратова и органично вписалась в маркетинговую концепцию национальной теннисной федерации. Трибуны поделились на блоки в соответствии с уровнями членства, которые можно было отследить по цвету сидений и их количеству. Отдельные, персональные места с фамилиями предназначались на главной трибуне для российских победителей Кубка Стены.

Рабински вместе с переводчицей Машей прогуливался по «Олимпийскому», разглядывая спонсорские стены и инсталляции турнира. Маша время от времени здоровалась и коротко общалась. Ее папа работал когда-то тренером в Москве и Бостоне, и знавшие их семью друзья передавали ему приветы.

Чак с любопытством изучал обстановку вокруг себя, которая вроде была привычна и понятна, но в то же время ощущения ускользали от того, чтобы выразить их словами. То ли слишком отличная на слух речь проникала в уши, диссолируя с привычным англоязычным стереотипом, то ли отвлекало наличие сильного эстетического раздражителя – рядом шла красавица, на которую все оглядывались, и, как всякого экстраверта, его грела мысль о том, что оглядывались в том числе и на него: мол, кто такой счастливый? – но в любом случае Чак получал удовольствие от новых впечатлений.

Гул голосов окружал его, и он понимал без переводчицы, что справа, слева, вверху на трибунах... в Америке, Азии, Европе на теннисе говорят об одном и том же – об игре, в которую играют, которую любят смотреть, которой занимают своих детей и о которой готовы сообщить любому и каждому собственную точку зрения.

- ...как он замечательно сыграл сложный мяч...
- ...посмотри, во что она стала одеваться на корте...
- ...как долго вас здесь не было, мы хотим вам предложить подумать о финансировании...
- ...да если бы они вместо футбола подумали о теннисе...
- ...у нас есть проект, но нужны понимание и поддержка сами знаете кого...
- ...а что сказал по этому поводу тот, без кого ничего не пойдет...
- ...что-то давно не видно нашего общего друга: говорят, увлекся бадминтоном – и правильно сделал...
- ...скоро за сборную играть некому будет, все разбежались...
- ...а зачем надо было шлюзы открывать...
- ...работе ног мог научить только один человек, но он помыкался и уехал, его опыт здесь никому не нужен...
- ...всё выжгли, тренеры в ремесленников превратились, клиент – на первом месте...
- ...все-таки кое-что начало меняться...
- ...классная девчонка. Как сохранить?..
- ...новый пришел, но тенденция сохранилась...
- ...он делает все правильно, но столько лет без системы работали, что время нужно поверить...

– ...спасибо в пропасть не скатились, олигарх нашелся с дочерью, которая в теннис играет, – а если б нет?..

– ...сто лет назад говорили, что без членства – никуда, и вот пожалуйста...

– ...и что – я не могу теперь купить разовый неформальный билет на главную трибуну?..

– ...у меня тренерское членство через сертификацию. Вход бесплатный, а места – со скидкой...

– ...недавно вернулся. Дали официальную зарплату, больше чем там работаю...

Российские теннисисты с удовольствием общались со своими друзьями и знакомыми, которых редко видели по понятным причинам.

Близкий круг получил аккредитацию с правом прохода в ресторан игроков, остальные встречались со звездами на аллее, перекидываясь парой слов на тему «помнишь, когда мы...».

Берецкие обескуражили оргкомитет количеством запрошенных пропусков и билетов, хотя и сами удивлялись числу родственников, появившихся у папы с мамой совсем недавно. Вика мило улыбалась всем без исключения молодым людям как со стороны многочисленной родни, так и тем, кто был ей знаком с детства, но теперь вырос и стал «очень даже ничего». Практичная в маму, она успевала отвечать на вопросы и задавать свои, выясняя, кто кем стал и что будет делать дальше. Семен внес противоречивые чувства в души московских красавиц наличием рядом с собой темнокожей Николь Нао. Многие из них испытывали зависть, глядя на такой микст красоты, молодости и экзотики;

меньшинство, компенсируя избыточную ревность, говорило «так ему и надо».

Московские знатоки тенниса ждали главную светскую премьеру – индийского красавца Раджу и Лизу Федотову, но Раджа, сославшись на семейные обстоятельства, пропускал Кубок Стены, чем вызвал объективное беспокойство в команде «Русойл».

Евгений Тимофеев соскучился по русскоязычным девушкам и, в силу изобилия, старался селекционировать модели, с которыми можно и поговорить... Для компании он взял себе в помощь молодого Драгана Старковича и перед началом турнира организовал поход с жизнерадостными спутницами в ресторан «Большой шлем». Гордо предъявив себя на фотографиях, Евгений хлебосольно выбрал из меню самые вкусные и дорогие блюда, но в конце, заплатив за ужин, намекнул, что спортсменам пора спать.

Лучше бы он сказал, что болен опасной болезнью. Разочарование дуэта блондинок было таким искренним, таким неподдельным и горьким, что честный серб вызвался спасти их от злого друга и сопроводить куда-нибудь еще.

– Сделай это после соревнований, – откровенно посоветовал Тимофеев.

Но разве остановишь славянина, захотевшего праздника...

На следующий день, в первом круге, Драган со свистом проиграл зеленому квалифаю, изумив публику пассивностью и безобразным количеством ошибок.

Он снялся с парного турнира, взял вечерний рейс до Белграда и улетел, терзаемый угрызениями

совести (подвел команду), увозя с собой сказочные воспоминания о ночи с двумя москвичками. Или не москвичками...

В ресторане для почетных гостей турнира было многолюдно. По стенам висели экраны, передававшие события с центрального корта. Представители спонсорского бомонда и их околотеннисные друзья общались, выпивали, закусывали и хвастались оперативным знанием счета, когда им звонили приятели.

За отдельным круглым столом, отгороженным украшениями из живых цветов, Чак с помощью переводчицы изучал меню. Он пытался вникнуть в комбинации шеф-повара и не обратил внимания на то, что сидевшие напротив него Победов и Федотов в разговоре между собой заметно напряглись и замолкли. Затем Победов вышел, но через минуту вернулся, следуя чуть сзади высокого подтянутого мужчины лет шестидесяти с морщинистым загорелым лицом. Его идеально правильной формы голову покрывал ровный короткий ежик седых волос, под кустистыми черными бровями стального цвета глаза пристально глядели на единственную женщину за столом, переводчицу Машу.

– Глеб Васильевич, это тот самый Чак Рабински, – сказал Султан. – Чак, познакомься, это – мэр Москвы.

– А это наша переводчица Маша, – добавил Федотов, когда все расселись.

С помощью Маши Чак освоил меню, однако, выбрав по совету мэра нечто национальное, запутался с полслевкусием. Фрукты на десерт и кофе стабилизировали

ощущения, и после светской беседы он первым, на правах гостя, перевел обед в фазу переговоров:

– Господин мэ́р, мы много слышали о вашей любви к спорту и особенно теннису. Ваш город известен спортивными достижениями, но мне, как официальному лицу, приходится задавать формальные вопросы, потому что в Москве меньше чем через два месяца впервые пройдет первый финал Кубка Командной лиги. Скажите, пожалуйста, что все будет в порядке. – Чак дружелюбно улыбнулся.

По реакции мэра можно было догадаться о его знакомстве с английским языком, но Маша выполняла работу и перевела.

Широкие брови мэра поднялись, и он обратился конкретно к двум своим соотечественникам:

– Он что, не знает?

Рабински снял свои роговые очки и начал их протирать носовым платком; потом настал черед вспотевшего лба...

Минуту Федотов и Победов что-то активно объясняли градоначальнику, после чего замолчали.

– Мне переводить? – прервала паузу Маша, и все посмотрели на мэра.

– Скажите мистеру Рабински, что в сроки, запланированные для финала, в Гостином Дворе должна пройти политическая акция партии «Единая справедливость».

Чак выслушал перевод, но осознать услышанное его мозг отказывался. Он надел очки и по очереди посмотрел на лица собеседников. Фигуры на острове Пасхи могли бы сказать больше... Он собрался с мыслями и спросил:

– Мне надо что-то кому-то здесь объяснять?

– Господин Рабински, эта информация появилась недавно, и у нас еще есть время подумать о коррективах. Правительство Москвы сделает все возможное, чтобы найти выход из сложившейся ситуации. Как долго вы останетесь в нашем городе?

– Боюсь, мне нет смысла возвращаться на родину, – мужественно пошутил Чак.

– Место моего зама гарантирую, – поддержал его мэ́р и добавил: – К сожалению, мне приходится вас покидать. Жаль, сегодня теннис не посмотрю.

– Я провожу, – приподнялся Победов.

– Не надо. Я буду демократичен – попрошу Машу показать дорогу. Вы поможете? – мэ́р улыбнулся переводчице и жестом показал направление своего пути.

Мария растерянно оглядела присутствующих.

Чак находился в депрессивной прострации, скрытой за внешним безразличием; Победов всепонимающе улыбался; по лицу Федотова нельзя было понять ничего – у него зазвонил телефон.

Маша по-взрослому приняла решение и последовала за мэром.

– Чак, держись, это Россия – без проблем не побеждаем, – первым обратился к Рабински Победов. – Преодолеем.

– Хочу верить, но где гарантии?

– В нашей стране гарантии – это приговор, который никто себе подписывать не будет. Волноваться рано. Надо подождать, пока ситуация не прояснится, – успокоил Султан.

– Понимаю, – отрешенно произнес Рабински и опрокинул в себя рюмку водки.

– Правильная реакция, – отметил Федотов. – Решения пока нет, но мы что-нибудь придумаем. Ведь правда, Султан?

– Конечно. Только в этот раз понадобится твой административный ресурс...

За день до финала Федотов приехал к своему шефу. Он редко посещал этот особняк без вывески, чему, в общем-то, был рад – начальство внутри сидело такое, что не приведи господи, изменит жизнь подчиненных в секунду.

Ожидая в приемной, Олег нервничал, потому что сюда обычно вызывают, и любая инициативная просьба об аудиенции – знак, рефлекторно вызывающий недовольство.

Факт недовольства подтвердился получасовым ожиданием в приемной.

Пожилая секретарша вежливо попросила подождать без объяснения причин, хотя в кабинете начальника других посетителей не было. Когда она пригласила Олега войти, он уже пожалел, что приехал.

...Патрон Федотова, когда-то приметивший его в университете, внимательно выслушал своего подопечного и взялся за чай.

С тех пор как они первый раз познакомились, прошло чуть больше 20 лет, но внешность Патрона не претерпела никаких изменений за исключением того, что лицо, когда-то лоснящееся от изобилия здоровья и ухода за

собой, покрылось мелкой сеткой морщин, визуально обозначая преклонный возраст.

Олег знал, что к последнему глотку «китайского с жасмином» решение будет готово, и молча ждал.

Он огляделся. Стиль кабинета хранил традиции – карельская береза, грабовый паркет, даже днем наполовину зашторенные окна и винтажная лампа на покрытом зеленым сукном огромном письменном столе. Эпоха. Свежести добавлял только портрет Лидера Нации на стене.

– Думаешь, сработает? – задумчиво спросил Патрон, поставив чашку на блюдце. – Он отказов не любит.

– Это не отказ, это – выбор. Шеф, вся комбинация – сплошной риск и блеф. Я тут подставляюсь больше всех, не говоря уже о том, что Лиза может проиграть финал – раз, и ее команда не войдет в финал в декабре – два.

– А повлиять нельзя?

– Побойтесь бога, Шеф. Не футбол же...

– Ну, молись, чтобы он это проглотил, теннисист, – Патрон взялся за телефон правительственной связи.

– От тренера слышу, – успел вставить Олег, зная, что такая шутка понравится.

– С Лидером соедините, – строго произнес Патрон и через несколько секунд продолжил: – Добрый день... Спасибо... Не дождетесь... Мое здоровье – ваше благополучие... Просьба есть: завтра финал Кубка Стены, там играет наша Федотова – и, говорят, выиграет. Она к тому же вырвалась в лидеры мирового тенниса, так что если Лидер Нации награждает лидера... Да, того самого Федотова. Известный в нашем деле человек... Спасибо. Всего наилучшего.

Патрон положил трубку и заглянул в пустую чашку.
– Согласился. Придет. Уйди, чтоб я тебя не видел...

Главная трибуна в связи с прибытием большого начальства приобрела актуальную популярность. Помимо распределенных в соответствии с членством мест оставался резерв, который ожидаемо подвергся атаке со стороны чиновников. Опытный директорат хладнокровно отсылал всех в билетный отдел, где в порядке живой очереди курьеры получали заветные приглашения. Табель о рангах, естественно, применить забыли, и начались звонки с угрозами депутатских запросов. Но было поздно... Аншлаг.

Лидер Нации прибыл, как ни странно, вовремя, один, без протокольных советников и, заняв полагающееся кресло, оказался между Федотовым и Султаном.

На центральном корте разминались участницы финала: Елизавета Федотова и Индира, смуглая индийская спортсменка, впервые в жизни прошедшая так далеко по сетке.

– Ну, чем порадуете? – осматриваясь, спросил Лидер Нации.

Олег и Победов переглянулись. Гость с интересом наблюдал за теннисистками, предоставив собеседникам самим решать, кто будет отвечать. Могло даже показаться, что ответ его, в общем, мало волнует, но не верилось.

На правах старшего первым отозвался Победов:

– Мировой теннис процветает, новые страны дают новых спортсменов. Одна из них – перед вами.

– Ну, с таким-то президентом...

– Спасибо. Просто Индия запустила национальную теннисную программу на миллиард долларов – теперь учимся выговаривать их имена.

– Почему? – опять неконкретно прозвучал следующий вопрос.

– У них нет забот с футболом и хоккеем, – рискнул высказать предположение Федотов.

– Как у вас...

– Да уж, спасибо, – быстро поняв, что это не вопрос, среагировал Олег. – Но мои возможности имеют границы. Бизнес-среда помогает, только она подвержена предсказуемым стрессам. В такие моменты финансирование непрофильных проектов прерывается в первую очередь, – Федотов пытался уловить реакцию, но безрезультатно. – И всё, – просто закончил он и замолчал.

– Что нового можете предложить?

– Ничего лучше хороших законов не придумано, – быстро ответил Победов, – а в России их до сих пор для спорта не принимают.

– Вы мне теннис дадите сегодня посмотреть?..

Матч начался, и зрители сосредоточились на игре.

К всеобщему недоумению, первую партию за 20 минут со счетом 6-0 взяла Индира.

Елизавета явно находилась в какой-то прострации.

Федотов позвонил жене: «Что у вас там происходит?»

Он видел, как внизу, на боковой трибуне, где на первом ряду расположился экипаж, Татьяна откликнулась на звонок и что-то сказала Шубину. Тренер посмотрел в сторону Олега и кивнул головой. «Понял?» – спросила

супруга. «Многое», – с умным видом заключил он и тяжело вздохнул.

Лидер Нации первый раз поинтересовался адресно:

– Что вам сообщили? Дальше смотреть надо?

– Пусть специалист скажет, – дипломатично ушел от ответа Федотов. – Объясни, Султан.

– Ничего странного, слишком старается. Она еще ни разу Кубок не выигрывала, вас увидела... Если расслабится, все будет нормально.

Елизавета будто услышала. Во второй партии она взялась за ум и стала собой – хладнокровной и расчетливой хищницей, знающей, что для того, чтобы выжить, нужно выследить жертву, загнать ее в угол и добить мощным ударом.

По такому сценарию проходил почти каждый розыгрыш, и счет 6-0 не оставлял никаких сомнений по поводу того, кто тут охотник, а кто добыча.

Решающий сет продолжил сюжет второго и подходил к логическому концу. Зрители начали покидать трибуны. При счете 5-0 в пользу Федотовой во время смены сторон откровенно проявились детали грядущей церемонии награждения: кубок, цветы, микрофонная стойка. Уже недалеко выстроились в шеренгу боллбои и судьи, телеоператор с комментатором подбирались поближе к выходу на корт, чтобы с пылу с жару схватить первые слова из уст победительницы, и только отсутствие окончательного вердикта судьи на вышке не позволяло собраться перед ареной награждающих.

В этой расслабленной суете счет изменился. Лиза дала возможность Индире напоследок взять подачу, избавив протокол от «сухих баранок».

5-1.

Публика тоже по-доброму отнеслась к такому знаку гостеприимства и наградила гостью приветливыми аплодисментами.

Следующий гейм Елизавета начала с двух двойных; затем она неудачно укоротила; затем ни с того ни с сего вышла к сетке, но пропустила обводящую свечу.

5-2.

Никто не придавал этому большого значения – имеет кошка право поиграть с мышкой, – кроме Шубина, который сжал губы, покачал головой и скрестил руки на своем крупном животе. Татьяна и Крайнев поняли: быть беде.

Федотова на переходе села на свою скамейку, взяла полотенце и уткнула в него лицо. Так она просидела полагающуюся минуту, встала и, глядя себе под ноги, пошла на «прием».

Можно сказать, зря.

Дочь Индии, до того ни разу не подавшая навылет, показала, как она умеет это делать, и повела 30:0. Следующие два очка она добыла с лёта, выходя к сетке сразу после подачи.

5-3.

Болельщики, которых финалистки оставили без интриги в первых двух сетах, воодушевились и начали искренне и темпераментно хлопать на каждый выигранный мяч, независимо от автора исполнения. Участники церемонии награждения – судьи и боллбои – из шеренг перестроились в каре у экранов, развешанных рядом с входами на трибуны.

Важные персоны перестали говорить о делах государственного масштаба и начали обсуждать нюансы каждого розыгрыша.

В зависимости от степени знакомства с предметом сыпались комментарии:

– Вбок нужно было стукнуть...

– Слева разве так бьют...

– Я вчера такой же мяч послал...

– Мы как-то с ее тренером разговаривали, он сказал, у меня получится...

– Я видел Лизу в Австралии – аналогичная беда...

– Футбол больше люблю: время – свисток – закончили...

– Похоже, Лидеру нравится...

Через 10 минут Федотова уже проигрывала 5-6.

При смене сторон зрители поняли, что при таком раскладе Кубок, видимо, уплывет в Индийский океан, и притихли. Активно поддерживать гостью – непатриотично, ободрять Федотову – чуть ли не стыдно: то она играет, то черт знает что на нее находит...

В нависшей тишине, когда спортсменки сидели на скамейках, в спину Елизаветы ткнулась тихая, но отчетливая реплика Шубина: «Тачку возишь?!»

На такую реплику зал отреагировал оживлением.

Елизавета дернулась, как от пощечины, гневно посмотрела на тренера, в ответ увидела кулак и отвернулась, еле сдерживая слезы. Она что-то пробормотала, встала, отшвырнула полотенце и быстро вышла на свою половину площадки.

Индира подавала на матч и, продолжая победный натиск, с первой подачи побежала вперед. Но быстро

затормозила. От Лизиного плоского приема слева мяч пулей пролетел обратным кроссом, без шансов его коснуться. И без сожаления – такое не берется.

0:15.

Второй выход к сетке напугал Индиру в буквальном смысле; ответ справа в середину шархнул так, что она в ужасе успела только подставить ракетку – лишь бы защититься... Удар пришелся ниже пояса, и она, не успев выйти из разножки, споткнулась и упала на колени.

0:30.

Следующий прием перевел подававшую в оборону – Федотова оказалась у сетки раньше и на опережении эффектно укоротила с лёта.

0:40.

Последовала двойная ошибка, и судья на вышке объявил: «Шесть-шесть. Тай-брейк!»

Соперницы посмотрели друг на друга. Было во всем этом что-то от бокса: перед последним раундом преимущества никто не получил, и только заключительная схватка покажет, кто тут сильнее и чья поднятая рука станет рукой триумфатора. А пока каждый в своем углу тяжело дышит, набирая кислорода в уставший организм и просчитывая варианты, которые могут помочь.

Кто-то считает тай-брейк лотереей, кто-то – индикатором класса, но суть укороченного гейма проста и правдива: в игре, не ограниченной временными рамками, конец борьбы должен быть виден; хватит мучить себя и свидетелей, откладывая миг, ради которого все тут и собрались. И вот он – момент истины; скоро все пройдет и наступит долгожданная ясность: Я или Ты...

И Елизавета, и Индира перестали удивлять себя и зрителей умопомрачительными ударами и головокружительными комбинациями – пришло время не ошибаться раньше соперницы. Каждый розыгрыш превратился в долговременный обмен длинными ударами, артиллерийский обстрел с дальних позиций. К сетке уже никто не выходил. Они бесконечно перебивали мяч, гоня друг друга вдоль задней линии, и доводили зрителей до нервного срыва: «Ну сколько же можно... кто же первый... ну же...» А когда все-таки кто-то ошибался, обычный болельщический вздох оборачивался ревом облегчения, будто огромное многоголосое животное исторгало из себя непосильное бремя. То одна то другая вела в счете, и наступил момент, когда для победы нужно взять два очка подряд.

...Судья произнес: «Девять-девять», и участницы в очередной раз пошли меняться сторонами. Обе, как зомби, отрешенно глядели перед собой, не замечая никого и ничего. Темпераментный ор вокруг, цветовая палитра зала – слились в один фон; концентрация воли, заряженной на победу, отсекала всё, и только желтый мяч, как зрачок дьявола, маячил перед глазами, заставляя не отрывать от него взгляда, становясь фетишем, которому подчинены сознание и тело.

Федотова подала, завязалась очередная изнурительная перестрелка с отскока, когда Лиза ни с того ни с сего, без какого-либо смысла взяла и укоротила прямо по центру корта. Совершив такой экстраординарный поступок – то ли от потери сил, то ли от удивления, – она остановилась, поднялась на цыпочках, вытянула шею

и замерла, заглядывая через сетку на противоположную сторону. Там такого не ждали, но траектория полета мяча явно показывала: догоняется. Что Индира и подтвердила, без опоздания достигнув нужной точки, где у нее оказалось достаточно времени и на короткий замах справа, и на классическую паузу, чтобы посмотреть, куда дернется противница, в агонии пытаясь угадать направление удара. Однако она ничего не заметила – Елизавета по-прежнему стояла, как в ступоре, без намека на малейшее действие.

Индира проанализировала ситуацию, поняла, что сопротивления не будет, и сделала простой логический выбор: укоротить. Даже не укоротить вовсе – а чуть перебить через сетку, потому что все равно никто за этим мячиком бежать не собирается. И расслабилась... и потеряла внимание... и... и... и не полетел мяч куда надо... Ткнулся в обод ракетки и приземлился под ноги – внезапно и вертикально, как упавшее с ветки яблоко. Или другой плод – субтропический.

Длился этот эпизод всего три-четыре секунды – но развязка и должна быть короткой.

...Крик, который вырвался из потерпевшей, вобрал в себя все звуки индопакистанской фауны. Вспоминая Редьярда Киплинга, соединим рев раненого тигра, вой обиженного волка, панический визг обезьян и покроем их клетотом встрепенувшейся стаи пернатых.

Стены «Олимпийского» слышали много разных исполнителей, но такого...

Вслед за Индирой выразили эмоции зрители. Не будь над стадионом крыши, жители Москвы могли бы

подумать, что рядом с Театром зверей имени Дурова идет финал чемпионата мира по футболу.

Когда шум стих, судья наконец-то смог сообщить, что Федотова повела 10:9 и что подавать будет индийская теннисистка.

Сделать этого она не смогла – две подачи попали в сетку...

Лидер Нации вышел на церемонию награждения. Он привык быть в центре внимания, одинаково спокойно ощущал присутствие рядом как ограниченного круга людей, так и огромного числа зрителей на массовых мероприятиях, независимо от повода собрания. Но оказавшись на середине корта, на котором, казалось, еще витали порывы воздуха, рассекаемого мячом и ракетками, он передернул плечами и отчего-то представил себя внутри чаши Колизея, не остывшей от накала гладиаторской бойни, где конечный приговор зависит от решения распаленной публики.

Стоя в сантиметрах от спортсменов, он чувствовал жар, исходивший от их разгоряченных тел, вдыхал запах, который невозможно было идентифицировать без применения воображения. И чудилось ему, будто две первобытные самки схватились в смертельном танце за право обладать тем, кто даст удовольствие, даст продолжение рода и от кого зависит жизнь следующих поколений...

Речи закончились, все поблагодарили всех и стали группироваться для общего снимка. В минутной суете Лидер Нации спросил Лизу: – Какие у вас планы?

– У меня завтра Токио, – простодушно ответила Елизавета.

– Когда будете в Москве? – очертил он границы.

– Не знаю. У меня осталось два турнира, и если все удачно по очкам в команде – мы здесь должны играть финал в начале декабря. Но, говорят, какие-то проблемы с залом...

Глава 17

– Конечно, нет... Потому что регламент переходов мы будем утверждать во время нашего финала и разошлем его ровно за неделю всем руководителям команд одновременно. Да уполномочены – мы держатели проекта. Естественно, учитываются интересы всех, без каких-либо предпочтений – мы не самоубийцы. Вы вправе покинуть Лигу, но должны понимать, что ваше место будет пустовать секунды... Всего доброго, – Рабински с гримасой закончил телефонный разговор.

– Терпеть! – ободрил его Алекс Фриш. – Осталось немного. Мои капитаны ждут ваших приказаний, адмирал.

– Надеюсь, они не потеряли квалификацию, играя на пляже.

– Должен избавить тебя от заблуждений – там они до максимума развили чувство мяча и приобрели позитивное отношение к жизни. Что из этого лишнее?

– То, что помешает, – философски произнес Чак и, глядя на экран, спросил: – Неужели у нас так же будет?

В лондонском офисе ПТА Рабински и Фриш смотрели трансляцию финала Кубка Дэвиса.

Сербия принимала США. К концу третьего дня счет был 2:2 и американцы внутри белградской арены напоминали отряд, попавший во вражеский котел. В окружении беснующихся местных болельщиков Драган Старкович и Ник Астер в последнем решающем матче бились не только за Серебряную Салатницу – Ник добывал еще и право для своей команды «Небеттон» поехать на московский финал Кубка Лиги. Его победа давала очки, с которыми «Небеттон» обгонял «Скелор» за миллиметр до финиша. Старковичу было легче – его коллектив «Русойл» по итогам сезона уже ждал оппонента в Гостином Дворе на правах первоприбывшего.

– ...Думаю, будет потише. Русские сдержанней, и к тому же наверняка билеты достались не любителям попить пива на стадионе. Что же он делает?! – с досадой продолжил Фриш. – Похоже, Ник сдался.

В пятом сете Старкович повел 5-2 и уже не упустил свою подачу.

– Итак, Чак, поздравляю тебя с окончанием сезона. Хоть наши и проиграли сербам, но впереди большой финал твоего проекта, и я должен отметить, что те трудности, которые ты преодолел на пути к его реализации, вызывают мое огромное уважение и вселяют надежду... – Алекс не договорил, потому что Рабински взял пульт от телевизора и, направив его в лицо оратору, нажал кнопку, вызвавшую появление лазерного луча-указки. Луч устремился в рот Фриша, и тот, быстро сделав глотательное движение, замолчал.

– Спасибо. Осталось пять дней. Если хочешь сделать мне приятное, отправляйся в Москву пораньше и сообщай оттуда актуальные новости. Я прилечу за день до начала – не хочу быть свидетелем хлопот на месте событий. Мне сказали, что команда Кубка Стены все организует как надо, но после знакомства с Россией лучше я узнаю об этом в последний момент. И запиши мой новый номер мобильного телефона – никогда не думал, что в теннисе бывает столько «интересных» предложений...

– Благодарю за доверие и прошу напомнить журналистам на субботней пресс-конференции о заслугах компании Global Agent Service в рекрутинге капитанов для проекта, – откликнулся Алекс.

– Всенепременнейше.

После ухода агента Рабински с помощью того же пульта вывел на экран изображение кабинетов офиса и, как в карточном пасьянсе, увидел всех своих соратников. Кто-то разговаривал по телефону, кто-то – между собой, большинство после просмотра онлайн-трансляции Кубка Дэвиса оставались в Интернете и делились впечатлениями с друзьями.

Здесь, в Лондоне, работали самые верные и надежные сотрудники, многие из которых помнили времена, когда они и не представляли, что вместе с боссом будут заниматься теннисом и переедут жить в промозглую Англию.

Рабински нажал кнопку, и на всех мониторах компьютеров появилось лицо руководителя, который обратился к персоналу.

– Привет, ребята! – бодро начал Чак. – Мы выходим на финиш; все живы? – Связь была односторонней, поэтому он увидел только безмолвные приветственные жесты в ответ. – Должен признаться, теперь от нас уже ничего не зависит – две команды дошли до финала, и мы тоже. Поэтому я вам предлагаю вот что: кто хочет в отпуск – берите неделю, кому не надоел теннис – берите билеты в Москву. На раздумья даю два часа. Я – сами понимаете – на финал, но на ваш выбор это не должно влиять. И последнее: кому надо в Россию, посмотрите заранее прогноз погоды, там всякое может случиться.

Чак отключил конференц-связь и вновь воспользовался пультом. В результате манипуляции с кнопками на экране показались стены Московского Кремля и надпись «Ожидайте ответа абонента».

Кремль исчез, вместо него возник Олег Федотов, сидящий в салоне своего самолета.

– Добрый день, шеф. Какой курс? – поинтересовался Рабински.

– Верный, – коротко ответил Федотов. – Рассказывай.

– Хотел спросить: что меня ждет в Москве?

– Радости и прелести – высшие чины подтвердили свое присутствие и жаждут с тобой познакомиться.

– Может, мне российский орден дадут?

– Посмертно, – отозвался Федотов. – Какие новости с нашим трансферным аукционом?

– Итоговый рейтинг уже готов, но мы убедили владельцев, что без капитанов команд лучше к торговле не приступать.

– И долго они будут обзаводиться капитанами?

– Уже вот-вот. Фриш контролирует ситуацию, но человеческий фактор, доработки в контрактах... День-два, и все будет в порядке... говорит Алекс, – на всякий случай добавил Чак.

– Я работаю с тобой, а не с Алексом, – странно резко напомнил Федотов, и у Чака между лопаток пробежал холодок.

– Олег, я не вижу повода для волнений, но если тебя беспокоит то, чего я не знаю, лучше будет уведомить меня заранее – я хочу, чтобы моя кончина застала меня на родине.

– Расслабься, Чак, и живи долго. Обещаю тебе, сюрпризы будут только приятные. У тебя, кстати, есть какие-нибудь пожелания?

– Да. Одно, и большое. Пусть участники финала потом расскажут всем, как они хотят испытать подобное еще раз в жизни.

– Это ты о призовом фонде в 20 миллионов долларов, – устало то ли спросил, то ли напомнил Федотов, – или о русском гостеприимстве?

– Я – о впечатлениях, – дипломатично ответил Рабински и понял, что от него что-то скрыто, и так глубоко, что никакой телефонный разговор, даже с видеоизображением, не даст и намека на предмет беспокойства собеседника. Значит, и ему, Чаку, надо волноваться. Теперь узнать бы, о чем.

– Впечатления будут. Давай прощаться, я подлетаю к Москве и жду тебя в среду. До субботы надо кое-что обсудить. Пока.

Экран погас.

Чак про себя проговорил все знакомые ругательства и опять набрал комбинацию цифр на пульте. На этот раз высветилась эмблема Международной теннисной федерации, но после установления связи с Веной лица президента он не увидел – кабинетов Султан Победов избегал с давних времен.

Тем не менее голосовой контакт был установлен, и Чак поприветствовал шефа мирового тенниса: – Мое почтение, сэр. Все ли у вас в порядке?

– Да. Привет. Я уже в Москве. По старой памяти кое-что помогаю решать с твоим финалом, – голос был усталым.

Чак сопоставил предыдущий разговор с новой информацией, сделал правильный вывод, отчего перестал следить за своими нервами и громче, чем нужно, почти прокричал: – Что у вас там постоянно происходит такого, чего нельзя предусмотреть заранее? Почему все нужно решать накануне?.. – он набрал воздуха, хотел еще многое высказать, но вдруг осознал, что обращается к эмблеме МТФ, и, выдохнув, опустошенный, замолчал.

Султан тоже держал паузу, подбирая слова. Отшучиваться было бы невежливо, а рассказывать американцу про генную природу российского бардака и коррупции (и чем выше уровень мероприятия, тем сильнее проявляются гены) – к чему... Гражданину страны, где конституцию приняли один раз и живут по ней уже больше 200 лет, как разуместь реалии славянско-советского быта?! Нужно ему знакомство

с серой растаможкой, откатным механизмом и черным налом? Вряд ли...

– Чак, ты где? – Победов начал сеанс психотерапии. – Думай о хорошем. То, что тебя расстраивает, от тебя не зависит. Если бы было что-то серьезное, я бы первый тебе сообщил, мы же в одной связке. Приезжай, тут есть что обсудить. Мы хотим твой проект применить в юношеском теннисе и, может быть, подключить юниоров к Лиге...

Рабински внимательно слушал, пытаясь в интонациях Победова уловить уровень проблемы, наличие которой он чувствовал после разговора с Федотовым, – но, несмотря на весь свой опыт и чутье, не мог определить ничего осязуемого.

– Когда ты встречаешься с Олегом? – по-деловому, как бы вернувшись к жизни, спросил Рабински.

– Когда он пригласит, – честно и просто ответил Победов. – С тех пор как я стал президентом МТФ, я к олигархам нигде не обращаюсь: этика. Да и зачем? На финале и так все встретимся.

– Говорят, туда собирается руководство вашей страны. Правда?

– Да. Тебе повезло.

– С какой стати? – не понял Чак.

– Аншлаг гарантирован – придут все, включая тех, кто теннис терпеть не может, но явятся как милые, чтобы посмотреть, из-за чего перенесли собрание их любимой политической партии.

– А обычные посетители предполагаются? – наивно озадачился Рабински и тут же добавил: – Поэтому Федотов нервничает?

– Послушай, доживешь до взрослых дочерей – всё поймешь. Приезжай, и поговорим. До встречи.

После этого разговора Чак задумчиво вспоминал фразу, описывающую чье-то впечатление от России, пока не всплыло: «Если хочешь понимать русских – отключи мозги».

Глава 18

Начало декабря в Москве ознаменовалось внеочередной сшибкой между атмосферными циклонами, на что многострадальная столичная погода откликнулась тридцатиградусным морозом. Лютости придавало полное отсутствие снега. Когда прилетавшие в Шереметьево беспечные иностранцы покидали здание аэропорта, их можно было сравнить с астронавтами, забывшими надеть скафандры перед выходом в открытый космос.

Оргкомитет Кубка Лиги проявил смекалку – все участники и, естественно, сопровождающие лица по прилету получали солдатские шапки-ушанки и тулупы с креативной надписью «Tennis Final Cup» на спине. Были мысли и о валенках – но пришлось отказаться по причине травмоопасности из-за отсутствия у теннисистов навыков ходьбы в подобной обуви.

Гости думали, что такая встреча входит в сценарный план турнира, одевались и с хохотом вываливались на улицу. Там хохот застревал у них в горле и переходил в кашель – дыхание при низких температурах требует

привычки. Они ошеломленно рассаживались по автомобилям и прикидывали – а если бы не шубы?

Начало пресс-конференции в отеле «Ритц-Карлтон» накануне финала озадачило журналистов – рядом с Чаком Рабински и Султаном Победовым расположился Олег Федотов, что подтверждала табличка с его именем на столе.

Преамбула пресс-атташе Иванны Петрович была короткой:

– Уважаемые коллеги! Со времени нашей последней встречи в Лас-Вегасе климат немного поменялся, но давайте не будем придавать этому большого значения. По теме погоды могу только озвучить пожелания игроков, которые высказались, что на спинах тулупов, которые им выдали, они хотели бы иметь названия команд и фамилии... Прошу вопросы.

– Агентство «Русспорт». Господин Федотов, мы, признаюсь, шокированы вашим присутствием здесь. Мы знаем, кто ваша дочь, но вопрос простой: что вы тут делаете?

– Тут я отвечаю на ваши вопросы, – незамысловато откликнулся Федотов, – а причин, по которым я это делаю, – две. Первая уже была названа, вторая – наличие у моей компании контрольного пакета Объединенной теннисной лиги. Я считаю – и подчеркиваю, это мое личное мнение, – что сведения о проектах международного масштаба с участием российского капитала должны быть открыты и доступны средствам массовой информации.

– Газета «Единое мнение». Если так, то почему мы ничего не знали раньше и что заставило вас обнародовать свою позицию сегодня?

– Раньше проект вызывал у меня осторожность и не было уверенности в позитивном исходе. На данный момент, благодаря стараниям Чака Рабински и его команды, я увидел, что и вложения, и ожидания оправдываются. Впрочем, вы своими глазами видите положительные стороны и лучше меня можете оценить итоги нашей работы в теннисе.

– «Тенниспост Интернэшнл». Мистер Рабински, что нового?

В зале засмеялись. Американский журналист, пишущий о теннисе более 40 лет, ровно столько же исполнял роль провокатора на пресс-конференциях.

– Ощущения, – коротко ответил Чак, приехавший на пресс-конференцию прямо из аэропорта. – Ощущения, будто удалось изменить курс огромного корабля и направить его по новому пути.

– А не боитесь, что в конце может быть тупик?

Рабински начал подыскивать слова, чтобы ответить вежливо...

– С такими наблюдателями, как вы, это невозможно, – вмешался Победов. – Разрешите, я продолжу. Мы всегда признаем значение средств массовой информации и рады, когда вы профессионально и талантливо описываете события на теннисных кортах и около них. В то же время те действия, которые мы – МТФ и ПТА – принимаем уже вместе, вряд ли следует считать объектом критики. Мы преодолели разногласия прежних лет,

нашли взаимовыгодные точки соприкосновения на основе предложенного Чаком проекта и подошли к первому промежуточному финишу, чтобы затем идти дальше. Давайте радоваться первым шагам ребенка, а не думать, когда он споткнется.

– «Новая российская правда». Господин Федотов, вы – держатель проекта. Если поступит предложение продать его, как вы поступите?

– Правильный вопрос. Еще недавно я сам был покупателем, оценивал риски, доходность и прочее... бизнес есть бизнес... – Федотов долгим недобрим взглядом посмотрел на представителя казенной газеты. – Однако, судя по всему, речь о том, что российские предприниматели не могут без согласования выходить из прибыльных международных проектов. Так вот, открою правду: если кому-то из участников нашего общего теннисного дела станет дискомфортно и мне не удастся это изменить – я передам бразды правления в более крепкие руки...

Чак Рабински снял очки, положил их перед собой и замер, будто забыв, что с ними делать дальше. Султан Победов с доброжелательным видом хранил молчание. Иностранцы корреспонденты озадаченно переглянулись и дружно потянули руки вверх, привлекая внимание Иванны Петрович; отечественные – переваривали всплеск отваги олигарха спокойно, но вид при этом имели многозначительный.

Федотов опередил пресс-атташе и сказал: – Прошу прощения, но дальнейшие вопросы по поводу моего бизнеса я оставляю без ответа, поэтому давайте говорить о теннисе.

Журналисты разочарованно примолкли, но на помощь пришло издание «Теннис в России»:

– Мы все помним первый аукцион, когда команды набирались и продавались первый раз. Что нас ждет в этом году?

Рабински очнулся. Он успел произвести первые сопоставления, однако вывод смог сделать только один: он пока в игре и ответственность с него никто снимать не собирается. Поэтому, как бы дальше все ни пошло, – ему отвечать за собственное изобретение, а значит, отступать некуда.

– В этом году нас всех ждут дополнительные аттракционы и удовольствия, – бодрим, как у аниматора, голосом произнес Чак. – Для начала скажу, что перед следующим сезоном владельцы команд получили право на обмен или – если хотите – продажу своих игроков. – По залу прокатилась волна оживления, и Рабински увидел несколько поднятых заранее рук. – Естественно, не всех, а ограниченного числа, на основе итогового рейтинга ПТА. Я сейчас оставляю детали в тайне, чтобы вам было веселее наблюдать за интернет-аукционом на нашем сайте. Кроме того, со следующего сезона в командах появятся капитаны, которые наделяются полномочиями назначать зачетные составы перед каждой игровой неделей. Кстати, двух таких наставников в действии вы сможете увидеть на нашем финале. Заранее отвечу: в качестве эксперимента мы разрешили им, так сказать, выйти на сцену, потому что, во-первых, они уже заключили контракты, а во-вторых, давайте помнить – мы делаем в том числе и шоу.

– «Спортрвью». Подтвердите, пожалуйста, регламент финала. Он остался без изменений?

– Да, подтверждаю. Команде победителей нужно набрать четыре очка. В первый день пройдут две мужских и две женских одиночных встречи, во второй – две парных, мужская и женская, – и один микст. Все матчи – из трех сетов; вместо решающего сета – тай-брейк. Во время матча, за исключением тай-брейка, допускается одна замена игрока; в парном, соответственно, двух. Призовой фонд финала – 20 миллионов долларов. Десять – за первое место, три – за второе. Оставшиеся семь миллионов – победный бонус каждого отдельного матча, по миллиону за выигрыш.

«Ох...», – со стоном выдохнула журналистская братия.

– Телеканал «Олтеннис». Господин Победов, как вы оцениваете сегодняшнюю роль МТФ?

– Я уже сказал сегодня и готов еще раз, другими словами объяснить, что мировой теннис – не поле битвы между его руководителями, а пространство, где всегда найдется место для созидания. И чем больше будет участников созидательного процесса, тем лучше станет жить, то есть играть теннисистам. Мы уже обсуждаем возможность наложения схемы Командной лиги на юношеский теннис. Тем самым мы надеемся привлечь к финансовой поддержке молодых игроков новых инвесторов – пусть и не на таком уровне, как у взрослых, но кто знает... И, кстати, что мешает руководителям национальных федераций в рамках своей системы соревнований завести аналогичный формат? И последнее, о чем нужно помнить: благодаря событиям, развернувшимся

в теннисе за последний год, теннисисты стали богаче, а это означает одно – в наш вид спорта придет еще больший поток людей со всеми вытекающими отсюда положительными последствиями. – Победов мог говорить долго, но, взглядом оценив аудиторию, прервался, посмотрел на часы и кивнул Иванне Петрович, чтобы она продолжала...

Спустя 15 минут после окончания пресс-конференции Победов и Рабински оказались на Красной площади.

Мороз отпустил, температура поднялась до минус пяти, и каток между ГУМом и Мавзолеем выглядел зимним оазисом, наполненным музыкой, светом и веселыми людьми на коньках.

Победов специально вытащил Чака на улицу, чтобы помочь ему справиться со стрессом. Смена часового пояса, климата и психологический удар от выступления Федотова – это было похоже на нокдаун.

Рабински шел молча, уткнувшись в шарф. Он почти два месяца назад провел три дня в Москве, но тогда было относительно тепло и на деревьях висели кое-какие листья, а сейчас...

– Чак, ты продышался? Тебе повезло, вчера в это же время мы бы с тобой и трех шагов не прошли – минус 35... Веришь?

– В России надо только верить – понять здесь логически ничего нельзя, – почти процитировал русского классика Чак. – Но вот как понять, что справа лежит ваш мертвый, но не похороненный коммунистический лидер, а слева – веселится толпа людей?

Будто по заказу, в подтверждение слов Чака, с катка раздался крик: «Вова! Иди к нам!» – «Не кричи, разбудишь», – отозвались в ответ с такой же громкостью.

– Я трачу несколько лет, чтобы что-то создать, а человек, от которого зависит жизнедеятельность моего проекта, прилюдно декларирует готовность от него избавиться. Почему? Я понимаю: ничего личного, бизнес, и предыдущий партнер так же сделал, но зачем заранее всем об этом сообщать? Почему?

Султану стало жалко американца. Где-то он даже напомним ему самого себя во времена старта новой российской жизни. Тогда, будучи во власти, он тоже долго разбирался, почему могучие – в прямом смысле – чиновники не хотят поддержать очевидных вещей для развития родного спорта.

– Ты слишком пессимистично все воспринимаешь, Чак. Давай я тебе скажу: дважды – перед Уимблдоном и во время Кубка Стены – все висело на волоске, но мы справились. Финал пройдет в любом случае, и тебе, слава богу, не надо переживать по этому поводу. А поведение Олега имеет эмоциональную почву: Лидеру Нации понравилась его дочь, и он стал оказывать ей знаки внимания. Как любой отец, Федотов обеспокоен и предпринимает какие-то шаги... – Султан посмотрел на Рабински, который остановился и, близоруко щурясь, рассматривал купола Покровского собора.

– С ними можно что-то сделать? – Рабински повернулся и так же внимательно, как и купола, стал изучать лицо Победова.

– С кем из них? – в ответ спросил Султан и вздохнул без облегчения. – Пойдем, лучше посмотрим на арену, тут близко.

***

Паша Маратов размышлял, что сказать сидящим перед ним теннисистам. Он собрал их в отеле, в своем капитанском номере, за час до отъезда, чтобы объявить, кого он назначает на одиночные матчи первого дня. И не мог. Он ушел из спорта, когда они только встали в строй профессионалов, и поэтому похвастаться глубоким погружением в тему не представлялось возможным.

Они тоже выжидательно помалкивали, так как привыкли рассчитывать на самих себя, а эпизодические матчи Кубка Дэвиса и Кубка Федерации, где приходилось контактировать с тренером на скамейке, не оставляли глубоких впечатлений о роли капитана.

Теперь же ситуация и вовсе была странной. Все понимали, что происходящее является частью нового формата в теннисе и они вместе оказались в авангарде событий, однако энтузиазма никто не испытывал. На кону была большая сумма, какой еще не бывало, и чтобы получить ее, нужно сделать нечто – с одной стороны, привычное, но с другой... Цена каждого матча – помимо персонального результата – слишком сильно начинала влиять на конечный итог, вызывая интуитивную потребность разделить ответственность со всеми членами команды, включая новоиспеченного капитана. Но готов ли этот конкретный капитан выдержать бремя такой ответственности, никто не знал.

– Все здоровы? – задал вопрос Паша и получил в ответ десять быстрых кивков.

«Хоть бы кто-нибудь задумался...»

– У кого нет настроения сегодня играть?

Все дружно промолчали.

Маратов почувствовал себя неудобно. «Натуральные часовщики...»

Глядя на эмблемы швейцарской фирмы «Скелор», нанесенные на спортивные костюмы своих подопечных, он понял, что время диалога еще не наступило.

– Ладно, давайте договоримся так: начнут те, у кого выше рейтинг, но помните про замены...

Этажом ниже в аналогичной ситуации находился Иван Горанишевич, который возглавил «Русойл» две недели назад и потратил их на общение со знакомым футбольным тренером.

Он приезжал на тренировки, посетил две календарных игры, слушал указания, старался связать интонации в установках с эффективностью их выполнения и... ничего не понял. В конце концов он спросил напрямую, в чем секрет.

Молчаливый футбольный наставник снисходительно посмотрел на теннисного коллегу и ответил странно:

– Ты знаешь, Иван, я уже 30 лет добываю европейские кубки для разных команд и понял вот что: первое – мастеров нельзя учить, второе – их надо любить и уважать, и третье – давай им понять, что ты всегда готов убить их, если что не так...

Через час от отеля «Ритц-Карлтон» отъехали два автобуса, которые в сопровождении милицейского эскорта

через семь минут остановились у фасадного входа в Гостиный Двор со стороны Варварки.

Еще через час стартовал первый в истории тенниса финал за Кубок Объединенной теннисной лиги.

Глава 19

Из репортажа телеканала «Олтеннис».

Комментатор Никифор Андреев:

«...Николь Нао и Семен Березкий сравняли счет. Наступил решающий тай-брейк. Что мы видим? Мы видим, что Иван взял медицинский перерыв. Раджа поддерживает за руку Елизавету Федотову, которая идет по направлению к скамейке и заметно прихрамывает. Да... А замен больше делать нельзя... Будем надеяться, врач за пять минут сумеет что-то предпринять.

Итак, дорогие друзья, любители тенниса, мы с вами по-прежнему наблюдаем за игрой знаменитых спортсменов, которые никак не могут выяснить, кто же из них лучше, вернее, какая команда лучше по версии Профессиональной теннисной ассоциации. Для тех, кто, может быть, не следил за вчерашней трансляцией, напомним, что после первого дня, после одиночных матчей, счет между «Русойлом» и «Скелором» был 2:2. Итог сегодняшних двух парных встреч также не выявил победителя, и поэтому сейчас идет последний бой в этой битве.

Да, только так можно назвать то, что происходит под прозрачными сводами Гостиного Двора. Два полководца, известные в прошлом профессионалы, Паша

Маратов и Иван Горанишевич ведут сражение, пытаются превзойти друг друга в умении правильно выстроить свои полки. Они уже израсходовали лимит замен, и теперь им остается только подсказывать своим войнам, что лучше делать на поле боя. Извините меня за метафоры, но это от накала борьбы – другие слова тут не подойдут. Пока у нас есть пауза, хочу поделиться впечатлениями.

Первое, о чем следует сказать, – поведение спортсменов. Мы, конечно же, знаем и видели, как болеют за своих товарищей игроки на Кубке Дэвиса и Кубке Федерации; и это логично и понятно. Но в то же время насколько, если хотите, занятно и непривычно смотреть на ребят из разных стран, которые ведут себя так, как будто всю жизнь прожили вместе. Поистине командный формат творит чудеса! Пускай их всего 10 в этом коллективе, пускай не все даже вышли на корт и пускай в обычной спортивной жизни они соперники на корте, но здесь... Здесь мы видим две семьи, два клана, каждый из которых представляет собой монолит, связанный одной целью.

Второе, что удивило, – эмоции собравшихся в зале. Мы знаем, что сейчас параллельно идет трансляция в «Олимпийском», где 20 000 зрителей видят то же самое – чудеса техники: мы научились ретранслировать объемное изображение, осталось телепортировать запахи... – но те, кто сидит здесь, те, кто большей частью является источниками новостей в стране, вы знаете, стали похожими на детей, которые не умеют сдерживать эмоций... Впрочем, давайте вернемся на корт.

Тай-брейк. Врач оказал посильную помощь Федотовой, скорее всего, заморозил больное место – а что еще поделаешь в такой ситуации. Будем надеяться, Елизавета сможет довести игру до конца, тем более что тай-брейк не бывает долгим по определению. Тренеры говорят последние слова, спортсмены выходят на корт, подает Семен Березцкий...»

Еженедельник «Спортрвью»:

«...Первый опыт Большого Теннисного Финала предъявил нам зрелище, которое данная игра давно ждала. Мы стали очевидцами индивидуального мастерства профессионалов тенниса в сочетании с тактическими комбинациями их командных предводителей. Два дня, проведенные в Гостином Дворе, заставили по-новому взглянуть на спортсменов, которые оказались в условиях, где к победе нужно идти плечом к плечу. Остается надеяться, что начинание продолжит долгое существование в будущем...»

Журнал «Теннис в России»:

«...Такого количества замен, которое применил Маратов, с лихвой хватило бы на несколько футбольных матчей. Но, в отличие от Горанишевича, Паша, похоже, задался целью израсходовать лимит полностью. Возникло ощущение, что членов команды это нервировало. Хотя интрига усилилась многократно. Чего стоила замена первого номера на пятый во втором одиночном матче мужчин, когда Старкович проигрывал 6:3 и 4:1. Как сумел хорватский тренер разглядеть в молодом китайском

теннисисте творца победы в этом конкретном матче? Да, интуиция в работе тренера занимает не последнее место...»

Газета «Единое мнение»:

«...Здоровье нации всегда занимало приоритетное значение в деятельности государственных структур, отвечающих за спорт в России. Вместе с тем, как показал визит руководства страны на финал Кубка Объединенной теннисной лиги, в структуре профессионального спорта должны быть лидирующие виды, призванные привлекать внимание болельщиков своими достижениями на мировой арене, после которых всегда наблюдается приток занимающихся этим видом спорта. Безусловно, отечественный теннис в сравнении с нашим футболом заслуживает большего внимания со стороны государства и общественности. Отрадно, что в рамках финала на правительственной трибуне состоялся конструктивный разговор Лидера Нации и руководителей теннисной федерации России, по итогам которого были даны соответствующие поручения федеральному спортивному ведомству...»

– Уважаемые коллеги, я благодарю вас за то, что вы нашли время приехать в Москву. Рискну предположить – вы не разочарованы увиденным. Предложенный формат оправдал себя, и я хочу, чтобы мы применили его в юношеском теннисе.

Спешу успокоить: я ничего не хочу менять в действующих соревнованиях – те командные турниры, где

выступают национальные сборные, всегда были и остаются важнейшей частью нашего международного календаря. Однако давайте помнить о том, что мы живем на одной планете, и, давая возможность детям из разных стран объединиться в интернациональные команды, мы сможем не только способствовать решению спортивных задач, но и нести важную политическую функцию, сближая теннисную молодежь всего мира. Разве не так?

– Вы правы, господин президент. Мои австралийские теннисисты, которые географически лишены общения со своими сверстниками, будут рады получить дополнительный повод для коммуникаций.

– Я тоже поддерживаю эту идею, и единственное, на чем заранее настаиваю: команды юношей и девушек должны быть смешанными.

– Моя страна всегда проявляет большую заботу о правильном воспитании молодежи, и мы готовы предоставить нашу олимпийскую базу для финальных соревнований по всем возрастам.

– Подождите, давайте не забывать о родине проекта. Я уважаю степень участия Китая в развитии мирового спорта, но все же финалы должны проводиться в разных странах...

– Чак, что будешь делать? Что-нибудь новое придумал?

– Да. Устройство, чтобы забыть все старое... Ничего не буду делать до Рождества. Потом посмотрю на итоги трансферных торгов и полечу пораньше в Австралию. Там на побережье поиграю в пляжный теннис – в ваш

большой черта с два научишься, а в этот, друзья по университету говорят, есть шансы. А у тебя какие планы?

– Женюсь на Сандре. Потом вместе с ней открою новое агентство – клиентура позволяет. Поддержишь?

– Ты о Сандре?..

– Ну как все прошло? Ты доволен?

– В принципе, да. Пожалуй, первый раз мне не жалко передавать проект в руки государства. Они наконец-то поняли, что имидж страны проще улучшать на таких делах, а не на запасах нефти. Ты как?

– Из тенниса ухожу, сами разберутся.

– Хорошо подумала?

– Да. Лечу в Каракас.

– Куда?

– Это столица Венесуэлы. Если помнишь, у нас там живет дочь Маргарита. Так вот, она примерно через неделю рождает... Видел бы ты сейчас себя в зеркале! Еще спроси: кого?..

– Ты почему так долго не берешь трубку? В чем дело?

– Ты хоть знаешь, который сейчас час?

– Вот именно. Ты уже давно должен быть дома. Сегодня приходил Гриша и сказал, что видел тебя на трибуне по телевизору, но хочет живьем.

– А я где? Фира, нас здесь залили соседи, и мне пришлось разбираться с ЖЭКом, сантехниками и организовать косметический ремонт. А утром у меня встреча по поручению Олега Федотова...

– Какая еще встреча?

– Ну, ты понимаешь...
– Яков, я отпустила тебя всего на неделю, а ты уже наделал мне столько гадостей. Я немедленно вылетаю...

– Хэлло. Ты еще в России?
– Да. У меня каникулы.
– Для каникул есть места получше.
– Кому как.
– Ты надолго там?
– Пока ты меня не продашь.
– И не надейся.
– А если я вылечу из сотни?
– Тогда я сделаю тебя тренером команды...

– Привет, сестра.
– Не может быть. Вспомнил.
– Забыть не могу. Пометь себе – после «Ролан Гаррос» задержаться в Париже на пару дней.
– Зачем?
– Есть повод. Кстати, у Николь есть брат, который мечтает с тобой познакомиться.
– Может, мне сразу в Африку поехать?
– Не кипятись. Брат – сводный и белый. И предкам легче будет.
– Идиот! А ты их уже пригласил?
– Да я вот тебе и звоню, чтобы ты им сначала сказала...

– Мам, привет. Мы с Раджой на Гоа. Здесь так здорово!

– Ну и слава богу.
«Надеюсь, пока Иисусу...»

– Вова, почему грустишь? Поедешь со мной рыбу ловить?
– Ксаныч, ты в порядке?
– Да. Снасть есть – клёв будет!
– Какой клёв! Мы без работы остались!
– Клёв, Вова, он и в Австрии клёв. Там такие озера...
– Какая еще Австрия?
– Наша с тобой теперь... Собирайся.

Новоглаголево, 2007–2010

Содержание

<i>Н. Долгополов. Теннисист взялся за перо</i>	3
Предисловие автора	5
Глава 1	7
Глава 2	32
Глава 3	49
Глава 4	57
Глава 5	67
Глава 6	75
Глава 7	92
Глава 8	97
Глава 9	124
Глава 10	139
Глава 11	151
Глава 12	171
Глава 13	178
Глава 14	189
Глава 15	198
Глава 16	207
Глава 17	229
Глава 18	236
Глава 19	246

Этот сайт для тех, кто не только профессионально разбирается в теннисе, но и способен заглянуть в будущее.

Теннис популярен – количество занимающихся неисчислимо, телетрансляции регулярны, производители инвентаря и экипировки процветают, международный календарь структурирован и насыщен турнирами. Образ высокодоходного, элитного спортивного общества готов. Добро пожаловать, но...

Чтобы попасть в это общество, надо с детства потратить 12–15 лет жизни и \$400 000–500 000 без гарантий возврата. В профессиональном Туре, начиная сезон, ни один игрок не знает, сколько он заработает в его конце, а рекламные доходы в теннисе – удел не более 8–10 спортсменов.

AllTennisCup.Com

Необходимо оплачивать услуги тренера, авиаперелеты, а также лечение неизбежных травм. Теперь сравните суммарные доходы 100 лучших теннисистов планеты – и 100 лучших футболистов, хоккеистов или баскетболистов с их долгосрочными контрактами, бонусами, социальными пакетами и прочими гарантированными составляющими их профессиональной жизни... Сравнение – не в пользу тенниса.

Так возникла идея Объединенного Теннисного Кубка, где индивидуальные очки от участия в традиционных личных турнирах идут в командный зачет и где две лучшие по итогу сезона команды встречаются в реальном матче.

Мы благодарны партнерам проекта – спортивному portalу Championat.ru и телеканалу «НТВ+ Теннис» за его виртуальную реализацию в Интернете и на телевидении.

Литературно-художественное издание

Дмитрий Владимирович Вихарев

NEXT теннис

Спортивно-фантастический роман

Компьютерная верстка: Е.А. Сашина

Корректурa: О.П. Пуля

Подписано в печать 05.10.2010. Формат 70×100^{1/32}. Бумага офсетная.

Гарнитура Petersburg. Печать офсетная. Тираж 999 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Мосполиграф»,
125438, г. Москва, 4-й Лихачевский пер., д. 4

В мировом теннисе начинаются революционные изменения. Профессиональные игроки должны образовать интернациональные команды, которые в конце сезона определяют победителя в Объединенном Теннисном Кубке – финальном матче с гигантским призовым фондом. Автор переносит своих героев в будущее (надеется, что недалекое), но конструирует события, как если бы они происходили сейчас, на наших глазах.

Книга рекомендована для широкого круга читателей с объемным воображением, а также твердым знанием того, что тай-брейк и кофе-брейк не имеют между собой ничего общего.

Для практической помощи
в восприятии текста открыт сайт
WWW.ALLTENNISCUP.COM

Дмитрий Вихарев

Вице-президент

Федерации тенниса России

Основатель и первый директор
турнира ATP-tour «ST. PETERSBURG OPEN»

Организатор национальной
теннисной премии «РУССКИЙ КУБОК»

Член комитета по правилам тенниса ITF

Член профессионального комитета Tennis Europe